

Ж. Расмуссен

ВЕЛИКИЙ САННЫЙ ПУТЬ

Путешествия Приключения Фантастика

КНУД РАСМУССЕН

Государственное издательство
географической литературы
Москва • 1958

KNUD RASMUSSEN DEN STORE SLÆDEREJSE

Перевод с датского А. В. ГАНЗЕН
Предисловие и примечания Л. А. ФАИНБЕРГА

Это книга знаменитого полярного исследователя Кнуда Расмуссена о самом большом путешествии на собаках, сделанном когда-либо людьми, о 18 000-километровом путешествии через все северное побережье Америки от Гудзонова залива до Аляски. Это повесть о мужестве ученого, не останавливавшегося ни перед какими препятствиями в достижении поставленной цели. Замечательные по красоте описания северной природы сменяются яркими и живыми сценками из жизни эскимосов, самого северного народа земли. И красной нитью проходит через всю книгу мысль о необходимости любви и уважения к человеку, пусть непохожего на тебя ни цветом кожи, ни культурой.

Scan AAW

Обложка, титульный лист, заставки и концовки
художника Л. В. ГРИТЧИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

«И он никогда не знал покоя с
тех пор, как услышал о новых людях».

Старик Маркусак

Это книга о последнем в истории полярных исследований большом путешествии на собаках, книга о «великом санном пути» от берегов Гудзонова залива до Аляски. Это повесть о мужестве ученого, готового преодолеть все препятствия для достижения поставленной цели.

Замечательные по красоте описания северной природы сменяются яркими и живыми сценками из жизни эскимосов, самой северной народности земли. И через весь этот увлекательный рассказ о приключениях отважного исследователя, о жизни и природе севера живой нитью проходит мысль о необходимости уважения к людям, к странному и бескультурным, на первый взгляд, эскимосам. Только тот, для кого природа и люди севера являются родными, мог написать эту полную теплоты и любви к северу книгу. Именно таким человеком был автор и герой «Великого санного пути» Кнуд Расмуссен. Он родился в 1879 г. в Гренландии в семье миссионера. Гренландия в переводе значит «зеленая страна», но «зелеными» можно назвать только более теплые юго-западные районы Гренландии, большая же ее часть почти всегда покрыта снегом и льдом. Ледяные горы окружают Якобсхавн, городок на западном берегу Гренландии, где жили родители Расмуссена. Еще мальчиком он сроднился с суровым северным пейзажем. По вечерам, когда за окном завывал холодный ветер, мать Кнуда, которая была наполовину эскимоской, рассказывала ему старые предания своего народа, сказания о далеких странствованиях эскимосских охотников, легенды о таинственных людях, живущих где-то на краю земли, на самом севере Гренландии.

Особенно сильное впечатление произвел на маленького Кнуда рассказ о людях, которые решили обойти землю. Совсем юными отправились они в путь, а завершили его глубокими стариками. Но им не было жаль ушедшей молодости. «Свет велик,— сказали они при встрече.— И мы состарились в пути. Но мы прожили богатую жизнь и, пока достигли

своей цели, набрались знаний и мудрости, чтобы передать будущим поколениям». Кнуд мечтал стать похожим на этих людей, обойти все северные земли и увидеть новых и неизвестных людей. Когда мать уставала рассказывать, Кнуд шел играть. Товарищами его детских игр были эскимосские дети, а первой игрушкой — сани. Став постарше, он предпринимал санные поездки в окрестностях своего родного городка. Впоследствии Расмуссен с благодарностью вспоминал свое гренландское детство и говорил, что оно замечательно подготовило его для будущих путешествий. Когда в 1895 г. отец Расмуссена получил церковный приход на севере Дании и переехал туда вместе с семьей, его сын знал эскимосский язык гораздо лучше, чем датский. Только в Дании в школе г. Биркерёда Кнуд научился хорошо читать и писать по-датски.

В 1898 г. он окончил школу и поступил в Университет. Академические занятия мало влекли его. Он был человеком действия и стремился поскорее претворить в жизнь свою мечту — о путешествиях. Уже в 1901 г. он отправляется в Лапландию, а с 1902 г. начинаются его путешествия по Гренландии. Они продолжались почти без перерывов до самой его смерти, наступившей в 1933 г.

Тридцатилетние научные исследования К. Расмуссена в Гренландии и американской Арктике заслуженно ставят его в один ряд с Нансеном, Пири и другими крупнейшими полярными исследователями XX в.

Путешествия Расмуссена охватывают почти всю Гренландию и арктическое побережье Америки. Расмуссен изучил и нанес на карту фьорды северо-западной Гренландии, а также обширные пространства восточного побережья; во время его экспедиций большие районы Гренландии были изучены в геологическом, археологическом, зоологическом и ботаническом отношениях. Расмуссен собрал уникальные по своей ценности материалы по культуре, религии и фольклору эскимосов. Прекрасное знание языка и обычаев позволило ему глубже, чем любому другому этнографу, проникнуть в психологию эскимосов, понять их духовный мир.

Труды Расмуссена служат богатейшим источником знаний, и многие поколения исследователей будут черпать материал для своих работ из книг Расмуссена. Но Расмуссен писал не только научные книги. Незаурядный литературный дар позволил ему создать целую серию книг, в увлекательной, подлинно художественной форме описывающих его путешествия и знакомящих широкого читателя с природой и коренными жителями севера. Это книги «Лапландия», «Новые люди», «Под ударами северного ветра», «Гренландия вдоль полярного моря», «Через Арктическую Америку», «Великий санный путь» и другие.

В свое первое путешествие в Гренландию Расмуссен отправился в 1902 г. в составе «Датской литературной экспедиции». Кроме Расмуссена, в нее входили Мюлиус-Эриксен (глава экспедиции) и художник Гаральд Мольтке. В начале июня 1902 г. экспедиция отплыла из Копенгагена и в том же месяце ее участники высадились в Гренландии. Более полугода они провели среди западных гренландцев, изучая их обычаи, записывая легенды и предания и в то же время готовясь к походу на север. Только в начале марта 1903 г. экспедиция двинулась в путь. Он был нелегок. Трудности, с которыми обычно приходится встречаться полярным исследователям, усугубились серьезной болезнью Гаральда Мольтке. Путешественники достигли жилья эскимосов в тот критический момент, когда пищи оставалось только на один день. Почти десять месяцев провели Кнуд Расмуссен и его товарищи в селении этих эскимосов на небольшом острове Саундерс в заливе Мелвилл. За это время они глубоко изучили культуру этого маленького племени. Расмуссен исключительно теплыми красками рисует образы полярных эскимосов, их мужество, самоотверженность, щедрость и готовность оказать бескорыстную помощь пришельцам.

В январе 1904 г. экспедиция отправилась на юг, но только в сентябре ее членам удалось вернуться домой. Датская литературная экспедиция впервые пересекла на санях залив Мелвилла, доказав таким образом, что существует прямой путь из Западной Гренландии в область, где живут полярные эскимосы. Это дало толчок к возобновлению ранее существовавших сношений между полярными эскимосами и жителями Западной Гренландии.

Успех Литературной экспедиции был в большой степени обусловлен участием в ней Кнуда Расмуссена, его знанием языка и обычаев эскимосов, умением жить по-эскимосски. Уже в те годы зарождается у Расмуссена план — осуществить большое многолетнее путешествие на собаках и каяке по арктическому побережью Америки, от Гудзонова залива до Аляски. В августе 1906 г. Расмуссен отправился в Гренландию, чтобы подготовить это путешествие. Но по ряду причин его затем пришлось отложить на неопределенное время. В 1906—1908 гг. Расмуссен опять работает на западном берегу Гренландии среди эскимосов. В 1904 г. он принимает участие в организации у мыса Йорк религиозной миссии, а в 1910 г. при материальной поддержке датских купцов создает там же факторию для торговли с эскимосами и научную станцию «Туле». Станция была названа по имени полулегендарной страны «Туле», которую якобы видел один из первых арктических мореплавателей грек Пифей из Массалы. Станция Туле явилась базой для многих экспедиций Кнуда Расмуссена и, что еще важнее, торговля с эскимосами дала

финансовые средства, необходимые для этих экспедиций. Поэтому все они носят название экспедиций Туле. Понятно, конечно, что датские капиталисты, участвовавшие в этом предприятии, были заинтересованы прежде всего в получении прибыли, в возможности дешево приобретать ценные меха. Но то, что часть получаемых средств шла на научные цели, служит известным оправданием деятельности фактории Туле.

Первая экспедиция Туле состоялась в 1912 г. Кнуд Расмуссен, Петер Фрейхен (известный датский ученый и писатель) и два сопровождавших их эскимоса отправились из Эта на западном побережье Гренландии и за 26 дней пути пересекли гренландский ледниковый щит и вышли к Даткому фьорду на восточном побережье. Там они в течение нескольких недель занимались географическими исследованиями. Свое существование приходилось поддерживать главным образом за счет охоты, так как взятое продовольствие было съедено уже при переходе через ледниковый щит. Интенсивную охоту пришлось вести также и для того, чтобы запасти мяса на обратный переход. Закончив работу, экспедиция вторично пересекла ледниковый щит, потратив на этот переход всего 25 дней. Первая экспедиция Туле доказала, что Земля Пири не отделена от остальной части Гренландии проливом, как это раньше предполагалось. Она нанесла на карту земли, связывающие Гренландию с Землей Пири. Кроме того, подтвердилось предположение Расмуссена, что при путешествиях в полярных странах и людей и собак можно в значительной мере кормить за счет охоты на морских и сухопутных животных.

В 1916—1918 гг. Кнуд Расмуссен предпринимает вторую экспедицию Туле, во время которой удалось изучить и нанести на карту залив Мелвилл, а также обследовать и составить карту крайнего северо-запада Гренландии.

18 апреля 1916 г. Кнуд Расмуссен вместе с другими членами экспедиции высадился в Годхобе на западном побережье Гренландии. Вскоре он вышел в путь, направляясь к заливу Мелвилла. Предстояло пройти более двух тысяч километров в очень трудных условиях. Весна наступила раньше, чем обычно. Лед начал таять с конца апреля. На санях было уже трудно передвигаться, а на лодках еще невозможно. Лед то и дело ломался, и сани проваливались в воду. Пришлось привязать к ним поплавки, для придания плавучести. Идти приходилось день и ночь, чтобы обогнать быстро наступавшую весну.

4 июня экспедиция наконец достигла залива Мелвилла. За две недели напряженной работы залив был полностью нанесен на карту, а также были исследованы остатки старых эскимосских поселений. Затем экспедиция направилась к мысу Йорк и в течение нескольких месяцев занималась гео-

графическим, геологическим и археологическим изучением окрестностей Туле. Осенью, после того как лед встал, были предприняты несколько поездок к заливу Мелвилла, чтобы уточнить карту этого района.

Но главной задачей экспедиции оставалась санный поездка к большим фьордам на северных берегах Гренландии. Во время этого путешествия Кнуд Расмуссен предполагал изучить почти неизвестные фьорды северо-западного побережья Гренландии, собрать геологические, ботанические и зоологические коллекции. В поездке на север участвовали Кнуд Расмуссен, Лауге Кох (картограф и геолог), ботаник Торильд Вульф и четыре эскимосских охотника. Как и во время своих предшествовавших экспедиций, Расмуссен рассчитывал везти с собой только резервный запас пищи, а в основном жить за счет охоты. Эскимосы рассказывали ему, что в северных фьордах много тюленей. Кроме того, на имевшихся картах на севере Гренландии показывалось большое плоскогорье, свободное от льда. Расмуссен ожидал встретить на нем стада мускусных быков. Поэтому с собой путешественники взяли только 50 кг пеммикана и немного кофе, сахара и галет. Первую часть пути экспедицию, правда, сопровождали дополнительные упряжки, везшие нарвалы и моржовое мясо. По мере продвижения на север они отсылались назад. Отправившись из Туле 6 апреля 1917 г., экспедиция 7 мая достигла фьорда Сент-Джорджа. По пути она нашла склад продовольствия, оставленный в 1875 г. Нерсом, а также гурии, поставленные Пири в 1900 г. и Бомоном в 1876 г. Дальше пришлось идти пешком, так как на собаках нельзя было ехать из-за слишком глубокого и рыхлого снега. Тогда же экспедицию постигло и более серьезное разочарование. Оказалось, что плато, которое показывалось на старых картах в этом районе, в действительности не существует, а раз так, то на охоту на мускусных быков нечего было и надеяться. Вскоре, чтобы сберечь запасы пищи, пришлось убить половину собак. Глубокий снег препятствовал ботаническим исследованиям. До начала июля можно было передвигаться только на лыжах. Несмотря на трудности, за май и июнь была нанесена на карту вся береговая полоса от фьорда Шерарда-Осборна до фьорда Де-Лонга. Но чем дальше, тем сильнее сказывалась нехватка пищи. Многочисленные охотничьи поездки чаще всего оказывались безрезультатными. Однажды, правда, удалось застрелить 40 мускусных быков, но увезти мясо с собой было невозможно. Собак осталось мало и они были нужны для перевозки коллекций и снаряжения. Уже в середине июня положение стало угрожающим, но все члены экспедиции единогласно решили продолжать работу. Только в конце июня, после того как был изучен фьорд Де-Лонга, отважные исследователи тронулись в обратный путь. Снег к этому вре-

мени растаял и приходилось брести по колено, а временами и по пояс в ледяной воде. Чтобы спасти коллекции, на санях соорудили высокие помосты. Около мыса Дракона при неизвестных обстоятельствах погиб гренландец Хенрик Ольсен. Он ушел на охоту и не вернулся. Его искали четыре дня, но безрезультатно. Затем экспедиция снова двинулась в путь, но, пройдя несколько десятков километров, остановилась, чтобы продолжить поиски. Только на двенадцатый день безуспешных поисков было решено продолжать путь. Дальнейшая задержка могла бы оказаться роковой. Вероятно, Ольсен или утонул в реке, или упал в пропасть.

Подавленное настроение, вызванное смертью товарища, усугублялось нехваткой пищи. Кое-что, правда, удавалось добыть на охоте, но ведь надо было создать запас пищи для перехода через ледники, где нечего было рассчитывать на охоту. По льду надо было пройти несколько сотен километров, а пищи уже оставалось совсем мало, и у всех болели ноги от ледяной воды. 5 августа начался переход через материковый лед. Надежда быстро преодолеть ледник не оправдалась. Через три дня путь экспедиции преградила глубокая расселина. На ее преодоление ушло два дня, а когда Кнуд Расмуссен и его товарищи были уже недалеко от южного края ледника, подул сильный южный ветер с дождем. Он взломал лед на многочисленных реках и они превратились в бушующие потоки. Четыре дня, привязавшись друг к другу ремнями, мокрые с ног до головы преодолевали участники экспедиции это новое препятствие. Все они очень ослабли, так как последнее время питались только собачьим мясом. Наконец, 24 августа, когда была съедена последняя собака, вдали показался мыс Агассиз. Ледник был пройден. Здесь было много зайцев, и все немного приободрились. Казалось, что борьба за пищу окончена. Но для продолжительной задержки не было боеприпасов, а до ближайшего населенного пункта Эта оставалось еще 225 км. Тогда Расмуссен решил вдвоем с одним эскимосом двинуться быстрыми переходами в Эта за помощью. Расмуссен отправился в Эта 25 августа и уже 30 августа прибыл туда. Сразу же из Эта вышла спасательная экспедиция на 5 санях. Но помощь пришла слишком поздно. Ботаник Торильд Вульф умер, не выдержав месяцев голода и невероятного напряжения последних недель пути.

Научные результаты Второй экспедиции Туле очень велики. Она нанесла на карту побережье северо-западной Гренландии, составила карту залива Мелвилла, доказала наличие свободных от льда пространств около фьорда Сент-Джорджа и существование ледников в направлении Земли Пири. Но радость этих крупных достижений была омрачена гибелью двух членов экспедиции — Хенрика Ольсена и Торильда Вульфа.

В Третьей экспедиции Туле сам Расмуссен не участвовал. Она состоялась в 1919—1920 гг. и ее целью была организация на средства станции Туле продовольственных складов для экспедиции Руала Амундсена.

Четвертую экспедицию Туле (1919 г.) Расмуссен посвятил собиранию эскимосских сказок, легенд и преданий на восточном берегу Гренландии.

А два года спустя в 1921 г. Расмуссен, наконец, смог осуществить свою давнишнюю мечту — отправиться в путешествие вдоль северного побережья Америки. В состав пятой экспедиции Туле входили: Кнуд Расмуссен, начальник экспедиции и этнограф; Петер Фрейхен, картограф и натуралист; Теркель Матиассен, археолог и картограф; Хельге Бангстед, научный сотрудник; Якоб Ольсен, переводчик, и Педер Педерсен, капитан экспедиционного судна «Морской Конунг». Кроме того, в экспедиции участвовали шесть гренландских эскимосов. Целью путешествия было этнографическое изучение эскимосов, а также археологическое, географическое и геологическое исследование крайнего севера американского континента.

Пятая экспедиция Туле была замечательным по смелости замысла и масштабам научным предприятием. Она продолжалась с 1921 по 1924 г. Центральная база экспедиции была устроена на небольшом необитаемом острове в северной части Гудзонова залива. Отсюда члены экспедиции предпринимали дальние, длившиеся иногда по несколько месяцев, поездки на Баффинову Землю и на пустынные малоисследованные земли, простирающиеся к востоку от Гудзонова залива. Два года прошли в непрерывной работе. Весной 1923 г. Кнуд Расмуссен в сопровождении двух эскимосов отправился в свое знаменитое санное путешествие на запад. С марта 1923 г. по май 1924 г. он и его спутники проехали от Гудзонова залива до западной оконечности Аляски. Был пройден путь более чем в 18 000 километров. Это было самое продолжительное санное путешествие, когда-либо предпринимавшееся в полярных странах. Научные результаты Пятой экспедиции Туле огромны. Ее труды составили 12 томов, включающих географические, геологические, биологические, археологические и этнографические исследования. В популярной же форме об этой экспедиции рассказывается в книге «Великий санный путь».

Пятая экспедиция Туле была последней экспедицией Расмуссена на собаках. Две его последующие экспедиции были проведены с применением всей современной техники, включая авиацию. Эти так называемые Шестая и Седьмая экспедиции Туле были осуществлены в 1931—1933 гг. Целью их было подробное географическое изучение восточного побережья Гренландии. Они отличались не только широким применением

моторных судов и авиации, но и многочисленностью участников. Так, в 1933 г. под руководством Расмуссена работало около 50 европейцев и примерно столько же эскимосов. Участник этой экспедиции М. Спендер пишет, что Расмуссен выглядел усталым, но счастливым. Несмотря на то что он руководил десятками людей, у него для каждого находились особые слова и индивидуальное приветствие. Один из участников полярной экспедиции Уоткинса, работавшей в то время в Гренландии, также отмечает необычайную чуткость Расмуссена, его внимание к людям и неизменную готовность оказать помощь.

В конце сентября 1933 г. Расмуссен тяжело заболел. Его перевезли из Гренландии в Копенгаген, и 21 декабря 1933 г. он скончался. Но и больной, в последние дни своей жизни он продолжал строить планы дальнейших полевых исследований в Гренландии.

Расмуссен был выдающимся полярным исследователем, и надо надеяться, что книга «Великий санный путь» будет первым, но не последним его произведением, изданным на русском языке.

Л. Файнберг

ДАТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Жили-были, говорит старое эскимосское предание, молодые люди, которым хотелось объехать вокруг света.

Они были полны жизни, жаждали приключений, и не было такой цели, которая казалась бы им слишком высокой. Были они так молоды, что только-только успели взять себе жен. И вот все они двинулись в путь, но разделились так, что половина их направилась в одну сторону, другая в противоположную, тоже вдоль берегов, чтобы встретиться, обогнув кругом землю.

Они ехали и ехали. Летом в кожаных лодках, зимой на санях с собачьей упряжкой. Год проходил за годом. У путников рождались дети, но они продолжали свой путь; они не хотели отказаться от поставленной себе цели. Наконец они состарились, а у детей их родились свои дети.

Предание говорит, что, отправляясь в дорогу, путешественники взяли с собой большие красивые ковши из рогов мускусных быков, но так долго ехали они и столько раз черпали воду для питья из озер и речек, что под конец от ковшей остались одни ручки.

В конце концов путники встретились, когда каждый отряд прошел свою половину пути вокруг земли. Но были они тогда уже древними старцами, которых водили под руки внуки.

— Свет велик! — сказали они при встрече. — И мы составились в пути. Но мы прожили богатую жизнь и, пока достигли своей цели, набрались знаний и мудрости, чтобы передать будущим поколениям.

Эти проникновенные слова старинного эскимосского предания, учившие людей быть верными идеалам своей юности, произвели на меня сильное впечатление, когда я впервые услышал их еще подростком.

Прекрасная картина проявленной силы воли захватила меня, потому что я уже тогда питал втайне великое желание

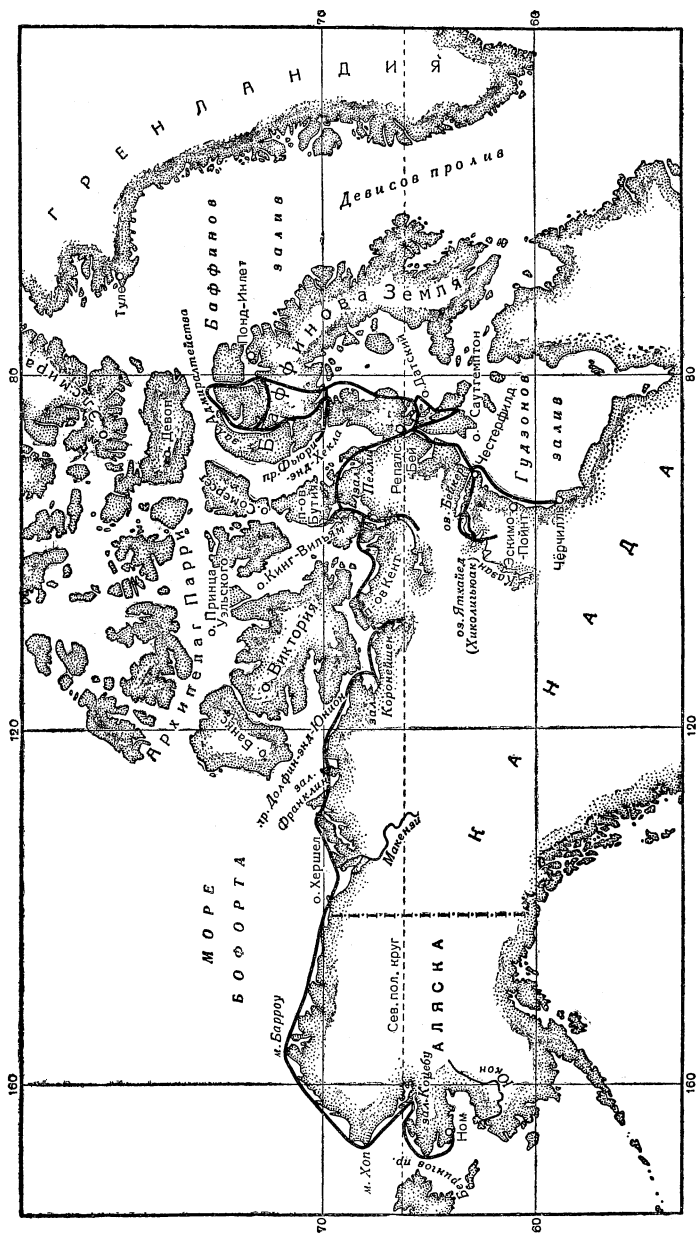
когда-нибудь двинуться в дальний путь по северным побережьям, чтобы побывать у всех эскимосов.

Это желание я привел в исполнение во время своей Пятой полярной экспедиции Туле — вокруг северных берегов Америки. По материалам этого путешествия от берегов Гренландии к Тихому океану написан мною ряд популярных и научных работ, а теперь в книге «Великий санный путь» я пытаюсь дать сжатое описание поездки, включив в него лишь важнейшее о самом пути и о встреченных мною людях.

И с благодарностью сознавая, как много значило для меня достижение в зрелые мои годы той цели, которую я поставил себе еще совсем юношей, я посвящаю эту книгу датской молодежи.

Кнуд Расмуссен

Фьорд Линденев,
10 сентября 1932 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

Раннее утро на вершине крутого мыса Восточного *, крайнего сибирского предгорья на востоке.

На вершинах уже выпал первый снег, невольно думаешь о первом холодке осени. Воздух резкий и прозрачный, даже бриз не курчавит Берингова пролива, где медленно плывет по течению к северу пак **.

Спокойной мощью дышит ландшафт; далеко на горизонте маячит в солнечной дымке остров Большой Диомид, за которым в проливе проходит граница между Америкой и Азией.

* Мыс Дежнева.

** Плотный многолетний лед.

С того места, где стою, я из одной части света заглядываю в другую, так как за Большим Диомидом синее, как туманная отмель, другой остров — Малый Диомид, принадлежащий к Аляске.

Все, что лежит передо мною, купаясь в ярком свете солнца и моря, представляет ослепительный контраст с землей, находящейся у меня за спиной. Там расстилается плоская, болотистая тундра, с виду страна мертвого однообразия, в действительности — царство равнины с ее особой жизнью, полной пернатой дичи и звуков; низменность, которая, не пересекаясь ни единой возвышенностью, тянется через целый мир рек и озер к местам с названиями, звучащими чуждо для слуха, к дельте реки Лены и еще дальше, дальше за мыс Челюскина, к местам, уже недалеким от моей собственной родины.

У подошвы скалы, на которую я только что поднялся, я вижу кучку идущих чукчанок в меховых одеждах оригинального покроя; на спинах у женщин мешки из оленьих шкур, которые они набивают злаками и ягодами. Чукчанки входят такую живописную деталью в этот нагорный простор, что я не отвожу от них взгляда, пока они не скрываются среди зеленых склонов долины.

На узкой косе между плавучим льдом с одной стороны и зеркальной водой лагуны — с другой расположился поселок Уэлен. Он только еще просыпается; в конусообразных палатках из моржовых шкур зажигаются один за другим костры для варки пищи.

Недалеко от поселка, над закруглением холмистой гряды, видны резкие силуэты пасущихся домашних оленей; они пережевывают мох, а пастухи, покрикивая, окружают их, чтобы перегнать на новое пастбище.

Для всех этих людей сегодня обычные будни, звено в их повседневной жизни; для меня — переживание, которому я едва осмеливаюсь верить. Ведь этот ландшафт и эти люди означают, что я в Сибири, к западу от самого окраинного эскимосского племени, и, стало быть, моя экспедиция завершена.

Высокая скала, на которой я стою, и чистый воздух вокруг меня раздвигают мой кругозор, и я вижу след, оставленный нашими санями на белом снегу по краю земли, на самых далеких окраинах Севера, обитаемых людьми.

Я вижу тысячи мелких становищ, давших содержание нашему путешествию, и меня охватывает великая радость: мы встретились со сказкой; сказкой были все наши пестрые переживания среди замечательнейших племен из живущих на свете.

Медленно пробивались мы вперед непроложенными путями и всюду пополняли свои знания.

Как длинен оказался наш санный путь — продвижение экспедиции вперед плюс наши экскурсии по суше и по оледе-

Кнуд Расмуссен

нелым морям, то в погоне за дичью, то в поисках людей? 18 000 километров, 5000 датских миль, пол-обхвата всего земного шара? Как это безразлично! Ведь не расстояния имели для нас значение!

И, радуясь итогам нашей санной экспедиции, я невольно вспомнил один эпизод на Аляске, где весной все ожидали прибытия отважного летчика с другой стороны земного шара.

И я от всего сердца возблагодарил судьбу, позволившую мне родиться, когда полярные экспедиции на санях с собачьей упряжкой еще не считаются отжившими свой век.

Ведь все наши переживания связаны именно с прелестью и разнообразием многочисленных стоянок, созданы возможностью изучать, учиться многому во время наших остановок. И я вновь отчетливо увидел перед собой узкий след санных полозьев на белом снегу.

И меня охватывает горячее чувство благодарности нашим терпеливым, неприхотливым собакам.

Мы трудились, выбивались из сил с ними заодно, работали дружно, как только могут работать живые существа, помогая друг другу то в борьбе с труднопроходимыми торосами, то в дикой погоне за охотничьей добычей, всего же веселей, когда голодные, осунувшиеся с тоски по мясу, завидим, бывало, вдалеке стойбища, пахнущие неведомым еще людям!

На этих-то наших переживаниях и будет построено данное повествование,— мы черпаем из обильного источника чужих стран и людей.

Теперь, когда я оглядываюсь на события своей жизни, выходит, что все складывалось как-то естественно. И моя благодарность саням с собачьей упряжкой переходит в благодарность моему гренландскому детству. Сани были моей первой настоящей игрушкой, и с санями я решил главную свою жизненную задачу. Моим родным языком был эскимосский, которому другим полярным исследователям необходимо было сначала научиться; я жил одною жизнью с гренландскими звероловами, и поездки и путешествия даже в труднейших полярных условиях были для меня обычной, естественной формой труда.

Поэтому Пятая полярная экспедиция Туле является счастливым продолжением моего детства и юности.

*

Теперь, когда мне предстоит охватить своим повествованием все пережитое за это долгое путешествие, оставившее во мне наиболее глубокие впечатления, я естественно в той же мере испытываю радость при мысли о том, что могу рассказать, как и смиренную грусть при мысли о том, что я поневоле должен пропустить. Особенно сожалею я, что придется опустить все сообщения моих товарищей о тех санных экскурсиях, которые они проводили самостоятельно.

Почти полтора года провели мы на своей главной квартире на Датском острове у северного берега Гудзонова залива. Отсюда мы выезжали изучать эскимосов Айвилика и Иглулика, ездили на раскопки руин ранней эскимосской культуры и посещали первобытных континентальных эскимосов на Баррен-Граундсе. В течение второй зимовки мои товарищи продолжали свои работы как в окрестностях нашей зимней квартиры, так и среди континентальных эскимосов, а также на Баффиновой Земле; я же с двумя проводниками-гренландцами проехал вдоль всего американского материка и через Северо-западный проход вышел к Берингову морю. Я посетил все эскимосские племена, обитающие на протяжении этого пути, и сам жил точно так же охотой, как и они. Наблюдения мои за время этого путешествия и составляют основу моего повествования.

Герой данной книги — эскимос. О его истории, его повседневной жизни, его борьбе за существование, о его духовной культуре пойдет здесь речь. Только ради общей связи рассказов о разных приключениях и событиях придется попутно упоминать о долгом нашем пути на собаках.

Энтузиазм, который я всегда встречал в своих товарищах, в огромной степени способствовал тому, что я оказался в состоянии выполнить взятую мною на себя большую задачу.

Вот члены нашей экспедиции:

Петер Фрейхен, картограф и натуралист;

Теркель Матиассен, археолог и картограф;

Кай Биркет-Смит, этнограф и географ;

Хельге Бангстед, научный сотрудник;

гренландец Якоб Ольсен, сотрудник и толмач, и

Педер Педерсен, капитан экспедиционного судна «Морской Конунг».

Официальное название экспедиции: Пятая экспедиция Туле; датская этнографическая экспедиция в арктическую Северную Америку 1921—1924 годов.

В 1910 году я вместе с Петером Фрейхеном организовал на мысе Йорк в Северной Гренландии полярную станцию Туле. Так называли ее потому, что это была самая северная из всех постоянных полярных станций в мире. И так как эта станция служила практически и экономической базой для моих полярных экспедиций, то они и называются вообще «экспедициями Туле».

Большое значение для проведения нашей экспедиции имело, конечно, то обстоятельство, что в ней участвовали полярные эскимосы, сопровождавшие нас от самой Туле. Это были: Иггьянгуак («Маленькая глотка») с женой Арнарулунгуак («Маленькая женщина»), Аркиок с женой Арнангуак, Насайтордлуарсук, по прозвищу «Богцман», с женой Акатсак и, наконец, совсем юный Кавигарссуак Митек («Птица Гага»).

Иггьянгуак умер от инфлуэнцы еще до того, как мы покинули юго-западную Гренландию, но, несмотря на это, вдова его осталась при своем желании участвовать в экспедиции, и она-то как раз вместе с Гагой совершила весь долгий путь на собаках через Северо-западный проход до Аляски. На обязанности Арнарулунгуак, как и других женщин, участвовавших в экспедиции, лежало содержать в порядке наши меховые одеяния, варить пищу и время от времени присматривать за собаками в пути. Мужчины управляли собаками, охотились и складывали на стоянках хижины из снега.

Арнарулунгуак — первая эскимосская женщина, совершившая столь далекое путешествие, и она да Гага единственные эскимосы, посетившие всех своих соплеменников. Принимая во внимание то напряжение сил, какого потребовало это пу-

тешество, я не знаю, кому больше удивляться: животным — собакам, или людям — эскимосам, столь благополучно перенесшим все мытарства трехполовинойлетнего пути. Одно, впрочем, знаю я твердо: что мне трудно в последующем моем описании достаточно сильно оттенить — как много я лично обязан им всем.

В этой книге придется опустить все научные результаты экспедиции, а также и более обстоятельное развитие наших теорий о происхождении эскимосской культуры. Но ввиду того что изучение эскимосских племен было главной задачей экспедиции, я все-таки хочу дать здесь хотя бы краткий обзор.

Эскимосы широко разбросаны на всем пространстве от Гренландии до Сибири, почти на одной трети арктической периферии земли; вопреки столь широкому распространению общая их численность невелика, не свыше 36 000 душ *. Мы имеем основания думать, что прошло от 1500 до 2000 лет с того времени, когда эскимосские племена впервые вышли из пределов области, бывшей первоначальной родиной собственной их культуры.

Культура канадских эскимосов имеет две резко разграниченные основные линии: линию культуры континентальной и линию культуры приморской. Первобытнейшие эскимосы — кочевое племя, обитавшее в глубине материка и жившее охотой на оленей, — не имели связи с морем. Ничто в их традициях или в орудиях лова не указывает, чтобы они когда-либо охотились за морским зверем. Напротив, оказалось, что фольклор приморских эскимосов во многом повторяет фольклор континентальных племен, хотя последние никогда не бывали у моря. Из этого естественно заключить, что первоначально все эскимосы были континентальным охотничьим племенем и лишь позднее часть их двинулась к морю, чтобы заняться охотой на морского зверя. Эти выходцы, стало быть, сохранили свой исконный язык и мифы, лишь прибавив к ним все то новое, что должны были усвоить себе в смысле культуры технической и умственной после того, как поселились у моря.

* В настоящее время общая численность эскимосов составляет около 50 тыс. человек, из них 18 тыс. живут на Аляске, 9,8 тыс. в Канаде, 22,5 тыс. в Гренландии и 1200 человек на крайнем северо-востоке СССР.

Теория американского происхождения эскимосов, изложенная здесь К. Расмуссеном, одно время пользовалась большой популярностью среди датских и некоторых американских ученых. Наиболее подробно она была аргументирована участником Пятой экспедиции Туле К. Биркет-Смитом.

Накопленные за последние два десятилетия материалы по археологии арктического побережья Америки и Азии показали ошибочность теории происхождения эскимосов в Америке. В настоящее время почти общепринятым является взгляд, что эскимосы как народность сформировались в Азии, скорее всего в районе Берингова пролива, а уже позднее расселились по арктическому побережью Америки и Гренландии.

Излагая эту теорию более популярно, можно сказать, что эскимосы в далеком-далеком своем прошлом одного корня с индейцами. Но различные условия жизни взрастили и разные культуры. На индейцев наложила печать окружающая их лесная природа, на эскимосов — голые безлесные равнины.

Специфическая культура континентальных эскимосов развивалась около больших рек и озер северной части Ка-

Петер Фрейхен — картограф и натуралист экспедиции

нады. Отсюда они впоследствии двигались к морскому берегу, или гонимые враждебными племенами, или выслеживая оленей, менявших пастбища. Таким образом возникла первая фаза приморской культуры на арктическом побережье Канады, предположительно между заливом Коронейшен и Северным магнитным полюсом. Отсюда они стали двигаться на запад и дошли до Аляски и Берингова моря. На побережье этого моря, изобиловавшего крупным морским зверем, и достигла своего расцвета их культура как приморских жителей.

Но и отсюда, из этих мест, снова началось переселение племен — по какой причине, сказать трудно; на этот раз уже с запада к востоку. Это переселение объясняет происхождение всех найденных нами на арктическом побережье между Гренландией и Аляской руин постоянных зимних жилищ эскимосов. Нынешние обитатели этих мест не строят таких жилищ; последние возведены были в сравнительно позднее время племенем, которое называют т у н и т а м и. Но подобные жилища строили до самого последнего времени гренландцы; они-то, вероятно, и были так называемыми туни-тами.

В течение всех этих лет, когда шло переселение, некоторые племена оставались постоянными обитателями внутриматериковых областей, чем и объясняется то, что нам удалось встретить потомков первобытных эскимосов на Баррен-Граундсе.

*

Экспедиция отбыла из Копенгагена 17 июня 1921 года и направилась через Гренландию, отчасти для того, чтобы захватить с собой гренландских ее участников, отчасти, чтобы запастись необходимым для арктического путешествия снаряжением. Для экспедиции было построено специальное судно в 100 тонн, шхуна «Морской Конунг».

После удачного плавания по знаменитому и часто забитому льдом заливу Мелвилла мы 3 августа прибыли в Туле, где и приняли на службу гренландцев. В середине августа прошли Гудзоновым проливом, пробиваясь сквозь тяжелые льды к северному берегу острова Саутгемптон, откуда по разводьям пробились к необитаемому островку около Ванситарта. Тут мы устроили нашу главную квартиру, и отсюда «Морской Конунг», выгрузив на берег все имущество экспедиции, отплыл в обратный путь.

Целый месяц ушел у нас на постройку зимнего дома, которому мы дали название «Раздувального меха». Наблюдениями установлено было, что место, где мы расположились, находится на $55^{\circ}54'$ северной широты и $85^{\circ}50'$ западной долготы. Но старые карты были так неточны, что вначале, до обследования нами всей области, мы не в состоянии были отметить свое местонахождение на существующих картах.

Мы назвали островок, где выстроили свой дом, Датским островом. Здесь была приветливая долина, переходившая в открытый берег моря, но огражденная скалами. В общем создавалось впечатление замкнутого уголка земли. На берегу мы нашли свежие медвежьи следы, а около каменистой гряды встретили зайца, настолько ручного, что серьезно пытались взять его голыми руками.

Поднявшись на самую высокую из скал, мы увидели на небольшой площадке одинокого дикого оленя. Он в свою очередь, увидав нас, кинулся бежать к нам, ничуть, по-видимому, не испугавшись. А когда, наконец, открылся вид на чистую воду по ту сторону островка, мы разглядели черные лоснящиеся головы моржей, поднявшихся подышать и любопытно поглядывавших на нас. Никогда еще так гостеприимно не встречали нас на новоселье звери.

Зима пришла вместе с октябрём; земля покрылась снегом, и узкий пролив, отделявший наш островок от острова Ванситарт, замерз. Первым нашим делом было возможно скорее установить связь с ближайшими эскимосами. Но открытая

вода в заливе Гора мешала нам предпринимать дальние поездки, и к исходу октября все наши открытия свелись к нескольким старым гуриям *, отмечавшим тайники, где хранились луки и стрелы охотников на оленей. Приходилось терпеливо ждать ледяного покрова, и раньше ноября нечего было рассчитывать на дальнюю поездку.

* Гурии — небольшие пирамиды из камней. Эскимосы ставили их над тайниками, где хранились оружие или запасы пищи. Полярные исследователи ставили гурии над тайниками, в которых были оставлены карты новых земель, записи о сделанных открытиях и т. п.

ГУДЗОНОВ ЗАЛИВ И БАРРЕН-ГРАУНДС

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ЛЮДЬМИ

Я сделал остановку, чтобы отогреть свои замерзшие щеки, как вдруг какой-то звук и внезапное смятение среди собак заставили меня вскочить. Сомневаться не приходилось — это прозвучал выстрел, разорвавший тишину вокруг меня! Я тотчас обернулся, высматривая отставших от меня Петера Фрейхена и Боцмана; пожалуй, это они давали мне сигнал подождать их, так как у них что-то случилось с санями. Я скоро увидел их — две точки вдали, но обе быстро подвигались. Стало быть, это не они стреляли. Тогда я поглядел вперед и, как многие нервные люди, которые при сильном внутреннем волнении способны вдруг сразу успокоиться внешне, я, как ни в чем не бывало, опять уселся на свои сани, не проделывая

ничего такого необдуманного, что, как я думал сам, могло случиться со мной при первой моей встрече с канадскими эскимосами.

В трех-четыре километрах впереди какая-то черная черта прорезала белое однообразие льда, покрывавшего залив. Может быть, это новая трещина, еще не запорошенная снегом?

Скорее бинокль! И тут я разглядел целый ряд саней, запряженных собаками; они остановились, чтобы наблюдать за нами, приближающимися с юга. Вот от саней отделился человек и пустился бегом по льду, наперерез нам.

Я знал, что мне предстоит одна из великих минут моей жизни. Эти люди были целью моего путешествия и что бы ни означали — дружбу или вражду, как выстрелы, время от времени производимые кучкой людей, так и гарпун в руках человека, бегущего остановить меня, — нетерпение мое было так велико, что я оказался не в силах сдержать обещание, которое мы, товарищи, дали друг другу, обещание, что опередивший должен подождать отставших, чтобы мы все вместе пережили первую встречу.

Не раздумывая больше ни минуты, я вскочил на сани и подал собакам сигнал, указав им на человека, бежавшего по льду. Собаки сразу отнеслись к нему, как к убегающей дичи, и быстро рванули вперед. А когда, наконец, добежали до него, совсем одичали — все в нем было для них чужим: и запах его, и одежда, и удивительные его прыжки, чтобы не попасться в зубы двенадцати раскрытых пастей.

— Стой смирно! — крикнул я и, широким прыжком перемахнув с саней к собакам, обнял эскимоса. Собаки разом остановились, увидав это изъятие дружбы и смиренно спрятались за сани.

Меня, как молнией, пронизала догадка, что человек понял выкрикнутые мною слова. Он был высокого роста и хорошего сложения; лицо и длинные волосы заиндевели, крупные белые зубы сверкали во рту; он улыбался и ловил воздух, запыхавшись от бега и волнения.

Так, чуть не кувырком, встретился я впервые с новыми людьми!

Когда мои товарищи стали приближаться к нам, я направил свой путь к кучке людей на льду, внимательно следивших за нашими объятиями.

Человека звали Папик — «Маховое перо»; жил он на возвышенности у залива Лайон. Больше я пока ничего не успел узнать, так как, наученный опытом, хотел остановить собак раньше, чем мы подъедем слишком близко к чужакам. Все мужчины пошли нам навстречу; лишь женщины и дети остались лежать около саней, привольно раскинувшись на снегу, совсем как на зеленой лужайке в летний день. Мельком я увидел, что некоторые из женщин держат на руках полуголых

младенцев и кормят их грудью. Солнце озаряло их смуглые улыбающиеся лица, и я как-то вдруг перестал понимать, что погода все та же, как и полчаса тому назад, когда я вынужден был потирать свой нос.

Итак, это были акилинермиут — «люди с той стороны большого моря», о которых я слышал еще подростком, когда начал интересоваться эскимосскими сказаниями. И более живописной встречи не могло быть: целый караван среди льдов — мужчины, женщины, дети в фантастических одеяниях — словно живая иллюстрация к гренландским сказаниям о знаменитых обитателях материка. Каждый лоскуток на них был из оленьих шкурок, мягких короткошерстных шкурок оленей, убитых на первых осенних охотах. Женские верхние одежды отличались просторными капюшонами и развевающимися длинными полами, прикрывающими штаны и спереди и сзади. Забавные мужские одеяния были как будто специально принорованы для бега — короткие спереди и с длинным хвостом сзади. Все это настолько отличалось от тех мод, с которыми я свыкся раньше, что разом почувствовал себя перенесенным совсем в другую эпоху, в сказочные стародавние времена, а вместе с тем и в новые, полные обещаний познать меня с новыми людьми и условиями.

В этой массе новых впечатлений было, впрочем, одно, которое мигом сделало нас старыми знакомыми и сблизило друг с другом, это — язык. Правда, я всегда знал, что, в сущности, у нас общий язык, но никогда не думал все-таки, что разница так мала, и мы сразу сможем завязать беседу. Немудрено, что здешние эскимосы приняли нас за дальних своих одноплеменников с Баффиновой Земли.

Хотя они недавно снялись с места со всем своим добром и были как раз на пути к осенним своим стойбищам на материке за заливом Лайон, они все-таки были до такой степени людьми минуты, как вообще все эскимосы, что на время оставили всякую мысль о поездке и продвинулись только до больших снежных сугробов по соседству, где мы могли разбить целый поселок из снежных хижин, чтобы отпраздновать там нашу первую встречу.

Встречаясь с новыми людьми, ощущаешь то же самое, что и попав в иную страну; все время ждешь, что вот-вот случится что-нибудь необычайное. Так оно, впрочем, и вышло тут. Нечто столь будничное, как постройка снежной хижины, что мы делали сами сотни раз, оказалось здесь настоящим чудом. В жизни не видывали мы, чтобы хижина вырастала из снежных сугробов с такой быстротой. Среди обитателей мыса Йорк это считается работой, требующей двоих людей: один вырезает снежные пласты и передает другому, а тот складывает из них хижину. Тут же один человек сначала только делал надрезы на снежных сугробах того участка, ко-

торый казался ему подходящим для кладки хижины, а затем вырезал пласты и сразу складывал из них хижину. И все это делалось с такой быстротой, что мы онемели. Жена человека тем временем взяла большую оригинальную снеговую лопату, имевшую не только обычную рукоятку, но еще и ручку, приделанную к самой лопасти, и стала огребать осыпавшийся со стен снег и оглаживать самые стены по мере того, как они росли. Таким образом, забиваются все скважины между пластами кладки, и в хижине бывает тепло в любую погоду.

Меньше чем в три четверти часа были сложены три большие хижины, а почти одновременно с тем, как была готова в хижине и снежная лежанка, на ней зажглась жировая лампа, распространяя тепло в жилье.

Мы, трое товарищей, разместились каждый в одной из трех семей, чтобы извлечь как можно больше из общения с новыми друзьями, и как только весь наш багаж был разобран, мы заняли свои места на снежных лежанках; затем на большие жировые лампы была поставлена вариться оленина, а, кроме того, у наших хозяев имелись и запасы чая и муки, купленные у белого, который, по их рассказам, жил в Репалс-Бее недалеко от нашего становища.

Это была важная новость для нас; нам открывалась возможность отправить весной почту домой.

Моим хозяином был приветливый и симпатичный человек по имени Пилакавсак; его жена Хауна домовито хлопотала, чтобы устроить меня как можно лучше, а тем временем оленина сварилась и от чайника повалил горячий пар.

Во время еды я получил много ценных сведений о заселенности здешних мест. Оказалось, что стойбища раскиданы почти по всем направлениям от нашей главной квартиры, и хотя население не слишком многочисленно, но состав его тем интереснее. Благодаря тому счастливому обстоятельству, что мы могли разговаривать с нашими хозяевами на их языке, и вызванному этим обстоятельством доверию с их стороны, мы имели возможность затрагивать даже религиозные вопросы так широко, что я очень быстро уяснил себе, насколько эти люди, вопреки их чаям, муке и начинающейся у них «культуре эмалированных изделий», все еще остаются совершенно первобытными людьми по складу своего мышления и по всему своему мировоззрению.

Это сразу открыло для нас новый обширный мир, готовивший нам новую работу, новые задачи. Но пока что дело шло о продолжении пути, и на следующее же утро мы выступили, а 5 декабря, еще среди бела дня, достигли того места, где, как говорили эскимосы, жил белый человек. В глубине бухточки за высокими торосами мы увидели мрачное, неприглядное строение, окруженное целой колонией снежных хижин. Это

был самый крайний торговый пункт знаменитой Торговой компании Гудзонова залива, одной из старейших и крупнейших торговых фирм в свете. В том месте, где в крутом ледяном подъеме на берег была прорублена дорога, мы свернули и подъехали к дому. Едва мы остановились, дверь распахнулась, и заведующий, капитан Кливленд, предстал перед нами, как будто уже давно поджидал нас. Прием был сердечный. Старый капитан показал себя столь же проворным, сколь и превосходным поваром, и не успели мы привести в порядок свои сани и покормить собак, как он уже повел нас в столовую, говоря, что все готово. Длинный широкий стол, заполнявший столовую, ломился под тяжестью свежих, сочных оленьих ростбифов с гарниром из разных калифорнийских овощей.

Джордж Вашингтон Кливленд был старым китоловом, больше тридцати лет тому назад потерпевшим крушение у здешнего берега. С течением времени он так хорошо прижился у эскимосов, что никак не мог собраться назад на родину. Вообще же остался американцем в значительно большей степени, чем можно было ожидать от человека, жившего столь оторванно от соотечественников. Он сейчас же стал хвалиться тем, что родился как раз на том самом берегу Америки, куда в свое время причалил «Mayflower» с первыми английскими эмигрантами. Жизнь его была полна приключений, и он рассказывал о них с большим подъемом. Пестрой вереницей прошло через его жизнь все, что может выпасть на долю старого пионера, и ни крушение, ни голод, ни всяческие неудачи и злоключения не могли сломить его юмора.

Мы весьма мало знали об условиях жизни в этой дальней арктической части Канады и получили от мистера Кливленда много сведений, которые впоследствии нам оченьгодились. Новостью явилось для нас сообщение, что одна из шхун Гудзоновской компании с французом капитаном Жаном Бертье зазимовала в пяти днях пути дальше к югу, в бухте Уэйджер. Возможно было, что нам в течение зимы представится случай послать домой почту, поэтому мы тут же порешили, что Петер Фрейхен поедет дальше и соберет более точные сведения.

Гости не были обычным явлением в этих краях, и капитан Кливленд пожелал отпраздновать наше прибытие танцами. По этому случаю всех женщин щедро оделили пестрым цветистым ситцем, из которого они стали наспех шить себе бальные платья. В комнате капитана топилась большая печка оригинальной формы — чашечка пылающего мака! — и стояла такая жара, что плясать в тяжелых меховых одеждах было бы невозможно. Для нас всех этот вечер стал большим праздником, когда граммофон, хрипящий всюду следом за белым человеком, заиграл, а Кливленд, несмотря на свои 60 лет, за-

кружился в плясовом вихре, дирижируя старинными танцами китоловов, которым он в совершенстве обучил эскимосов.

Поздним вечером мы, совсем раскисшие от пляски и жары, побывали в гостях в одной из снежных хижин, где нашли прохладу и вернули себе облик человеческий. Мы любопытны,

Хельге Бангстед — научный сотрудник экспедиции

нам хочется побольше узнать о стране и ее обитателях! Но так как мы еще не знаем местных названий и должны придерживаться обозначений, которые находим на старых английских картах, то дело подвигается туго, пока не приходит неожиданная подмога.

Старик с длинной седой бородой и красными от ветра глазами оказывается географом племени. Мы вынимаем бумагу, карандаш и, к моему большому удивлению, этот «дикарь» без заминки чертит береговую линию, тянущуюся не на одну сотню миль от самого Репалс-Бея до Баффиновой Земли. И тут я опять переживаю удивительное чувство: большинство названий, которые я записываю: «Науярмиут», «Питоркермиут», «Ивиангернат» и многие другие совершенно одинаковы с названиями, удержавшимися в окрестностях моей родины в Гренландии. Хотя я и в чужой стране, но все тут звучит для меня по-родному.

Еще я чувствую, что вокруг меня дремлют воспоминания о былом, и, чтобы положить начало, рассказываю сам несколько старинных гренландских преданий. Оказывается, они

всем здесь знакомы! И это замечательное обстоятельство, что чужой человек, только что прибывший в их стойбище, сразу рассказывает такие сказки, которые, как думалось, знакомы только им,— возбуждает такое изумление, что в хижину быстро набивается народ. Старый «картограф», которого зовут Ивалуардьюк, садится рядом со мной; его интересуют сказания и старинные песни. Сам он со своей длинной бородой — сказочная фигура, и его тихий приятный голос звучит сагой. Он старейший в доме и один из старейших во всем племени. Когда он берет слово, все остальные умолкают. Он рассказывает про свою жизнь и свою старость. Он давно остался бы одиноким, так как его первая жена умерла много лет тому назад,— вдовец не в чести среди людей,— но он женился на своей приемной дочери и выменял себе ребенка на одну из своих собак. Так здешние люди умеют сами помогать себе и облегчать свою долю.

Все просят его спеть песню, и он не заставляет себя долго упрашивать. Усаживается поглубже на лежанке, молодая жена его запевает звонким голосом песню, другие женщины разом подхватывают и под аккомпанемент монотонных звуков, которые то поднимаются до громкого крика, то падают до тихого шепота, Ивалуардьюк нараспев произносит песню, сложенную им в память своей молодости:

Мошки, стужа — эти муки ходят врозь всегда.
Я лежу на льду, лежу в снегу, на льду, дрожу, стучу зубами.
Я, я сам, ая-ая-я.
Что ж, то память дней минувших,
Дней, когда толкуются мошки,
Дней, когда от стужи цепенеешь,— кружит мысли
Мне теперь, когда лежу на льду я распростертый.
Я, я сам, ая-ая-я.
Ай! Для песни
Нужно силу,
А я шарю,
Слов ищу.
Ай! Смотрю и вижу, что мне петь: широкорогого оленя!
С силой в цель копые метнул я вместе с древком,
И копые быку вонзилось прямо в пах,
И от раны весь затрясшись, он свалился и затих.
Ай! Для песни нужно силу, а я шарю, слов ищу.
Вот и песня вся, вот память.
Ведь певец-то только я.

Так прошла первая встреча с людьми, и после одной только дневки мы с Боцманом двинулись 7 декабря в путь, захватив с собой наших новых друзей, а Петер Фрейхен, согласно принятому нами решению, поехал дальше к бухте Уэйджер. По дороге домой мы около бухты Хэвилэнд нашли старый санный след и решили отправиться по нему, надеясь на встречу с новыми людьми.

Посредине большого озера стояла старуха-эскимоска и удила форелей. Хотя зима только еще началась, но ледяной покров достиг уже такой толщины, что старухе лишь с большим трудом удалось сделать прорубь, чтобы закинуть удочку.

Время от времени эскимоска бралась за большую снеговую лопату и вылавливала из проруби мешавшие ей льдинки. Затем она для большего удобства ложилась ничком и вытягивалась животом в прорубь, так что на виду оставались только две обтянутые мехом согнутые ноги, дрыгавшие между снежными сугробами.

Вдруг из сугроба выскочил зарывшийся там щенок и дико залаял. Старуха в смятении выбралась из проруби и увидела нас с Боцманом близехонько от себя. Наши собаки, давно заметившие ее со щенком, готовились окружить их.

Старуха взвизгнула, мигом вскинула перепуганного щенка себе на загорбок и припустилась бежать во всю прыть домой. От этого панического бегства наши собаки еще пуще одичали и, успев вдобавок почуять запах жилья, понесли нас так, что я еле успел вовремя схватить беглянку за шиворот и не совсем деликатно швырнуть на свой санный груз.

Она так и осталась сидеть, с ужасом таращась на меня, и я не мог удержаться от смеха. Но едва я рассмеялся, как у нее глаза налились слезами от удивления и радости, что она с друзьями.

Это была старуха Такорнаок — «Нелюдимка», и как много мы с нею смеялись потом над столь бурно завязавшимся знакомством!

Она сидела, судорожно обхватив руками щенка, который повизгивал все время, пока мы неслись вперед. И вдруг между взвизгами щенка я уловил новые звуки, которые меня озадачили. Я наклонился к старухе и осторожно приподнял капюшон ее шубы: под мехом, крепко вцепившись в голую шею старухи, плакал взапуски с приемной матерью и сводным братцем грудной ребенок.

Мы уже давно завидели жилье и скоро добрались до трех снежных хижин. Жители повыскакивали, не зная еще хорошенько — бежать ли к нам или от нас. Но как только они разглядели бойкую, смеющуюся Такорнаок, так побежали нам навстречу и с радостным недоумением окружили нас. Такорнаок плохо оправдывала свое прозвище. С говорливостью, видимо успокаивавшей ее нервы, она передала все новости, которыми мы ее начинили, и порядком раззадорила любопытство стойбища. Она сообщила, что мы настоящие живые люди, но с такой земли, которая лежит далеко-далеко, по ту сторону большого моря.

Такорнаок, чувствовавшая свою силу, представила меня прямо по-матерински всем своим. Среди них был Инернер-нассуак — «Слишком быстро все творящий», старый заклинатель духов, родиной которого была область у Северного магнитного полюса. Глаза у него во время нашего знакомства сощурились в две узкие щелочки, и он не преминул обратить мое внимание на свой «пояс» заклинателя, на котором брякали поверх шубы всевозможные звериные кости, имевшие

Кай Биркет-Смит — этнограф и географ экспедиции

таинственную силу. Жена его, Оммертен, отличалась толщиной и простодушием, как и подобает тому, кто связывает свою судьбу со специалистом, обладателем тайных знаний. У них куча ребятишек, которые и обступили нас; ни один из них еще не достиг того возраста, когда называют по имени, и поэтому когда родители хотели шикнуть на кого-нибудь из них, то просто показывали на него пальцами.

Затем был здесь Талерорталик — «Человек с лапами», женатый на Увтукитсок — «Узкое лоно», приходившейся дочерью заклинателю. С виду это была совсем незначительная пара, но потом оказалось, что они-то и поддерживали существование заклинателя со всей его семьей. Он был калека, но, по словам Такорнаок, столь усердный рыболов, что верхняя пола его шубы постоянно была обледеневшею от лежания на брюхе над прорубью. При этих ее словах он вперил в меня свои умные, пытливые глаза, обычно характерные для всех калек.

Были тут и еще многие, названные вскользь, мимоходом, так как Нелюдимка хотела, чтобы я зашел к ней в жилье, Хижина ее хорошо содержалась, но было холодно, пока не зажгли жировую лампу.

Как только мы с Боцманом влезли на теплые шкуры лежанки и мясо было поставлено на огонь, хозяйка уселась между нами и поразила нас сообщением, что теперь она замужем за нами обоими, так как ее муж, которого она, впрочем, очень любит, находится в дальней поездке. После того она вытащила малютку из своего спинного мешка и с материнскою гордостью переложила в мешок из заячьих шкур. Звали малыша Каситсок — «Дискант», и дали ему это имя в честь горного духа. Родился-то он вторым из сыновей-близнецов некоего Нагсука — «Рога», и приемная мать отдала за него отцу свою собаку и сковородку. В сущности, это была чересчур дорогая плата за худое, крохотное существо, и Нелюдимка не переставала сокрушаться о том, что Рог обманул ее, оставив себе того из близнецов, который был пожирнее.

Нелюдимка болтала без умолку, и мы скоро узнали ее вдоль и поперек. Она гордилась своим происхождением, так как принадлежала к знаменитому племени Иглулик, обитавшему около пролива Фьюри-энд-Хекла.

— У моих отца с матерью, — рассказывала она, — часто рождались дети и умирали. Отец мой был великим заклинателем духов, и так как ему очень хотелось иметь детей, то он отправился далеко в глубь страны к святой отшельнице гагаре с просьбой помочь. Так я родилась с помощью гагары, не простой гагары, а такой, которая была то птицей, то человеком. И я выжила.

Когда мясо было вынуто и стали кипятить воду для чая, радость Нелюдимки по поводу неожиданного посещения достигла таких пределов, что она от рассказов перешла к песне, которую тут же сложила, сидя на лежанке между Боцманом и мной. Голос ее уже подернулся патиной по меньшей мере шестидесяти зим; но песня в своей трогательной наивности только выигрывала от старческого голоса:

Аййя-ая-йяй!

Вся земля вокруг моего жилья прекрасной стала

В день, когда узрела лица, мной невиданные раньше.

Все прекрасней стало, благодатной стала жизнь.

Гости возвеличили жилье мое!

Аййя-ая-йяй!

От песни мы перешли к трапезе, но Нелюдимка не ела с нами. Эту жертву она приносила ради «Дисканта», чтобы сохранить его в живых: в ее роду-племени женщины с грудными детьми имеют собственную отдельную посуду, из которой не должен есть никто другой.

Когда мы поели, она открыла вход в боковую пристройку, вытащила оттуда целую оленью тушу, поглядела на нас со своей доброй усмешкой и, указывая на тушу, сказала:

— Я делаю только то, что сделал бы мой муж, будь он дома. Ступайте и дайте это своим собакам.

В первый раз в нашей жизни мы с Боцманом получили корм для собак из рук женщины!

Вечер был длинный и богатый впечатлениями. Жители стойбища время от времени заходили к нам принять участие в беседе, но вела ее все время одна Нелюдимка. Около полуночи Боцман заснул, и, когда все гости вслед за тем потихоньку удалились, старая Такорнаок рассказала мне о величайшем событии своей жизни.

— С детства до старости моей я перевидала много земель, и за это время жизнь моя не была одинаковой. Были такие времена, что я жила в изобилии, и были другие, когда я жила в нужде.

Раз я встретилась с женщиной, которая спаслась от смерти, съев трупы своего мужа и детей.

«Ехали мы с мужем от Иглулика к Понд-Инлет, и приснился ему ночью сон, что его друг съеден своими близкими. На другой день мы поехали дальше, и случилось такое диво, что наши сани стали застревать в снегу, но как ни посмотрим, что такое случилось, видим — ничего нет. Так ехали мы весь день и вечером разбили палатку. На следующее утро смотрим — около палатки ходит куропатка. Я кинула в нее моржовым клыком — не попала. Потом топором, тоже не попала. Затем мы снялись с места. Снег был такой глубокий, что нам самим приходилось помогать собакам тащить сани.

«Тут услышали мы звуки — не то зверь перед смертью воеет, не то человек вопит вдалеке. Когда подъехали ближе, стали различать слова. Но сначала в толк их взять не могли, как будто они откуда-то из далека-далека доходили. Как будто и слова и не слова, и голос совсем надорванный. Мы прислушались еще и еще, чтобы разобрать отдельные слова в этом вопле, и, наконец, поняли в чем дело. Голос прерывался на каждом слове, но пытался выговорить вот что: «Недостойна я больше жить с людьми, я съела свою семью».

«Мы с мужем расслышали, что это женщина; поглядели друг на друга и сказали: «Людоедка! Что с нами теперь будет?»

«И только увидали мы маленький навес из снега и обрывка оленьей шкуры. Голос все время бормотал что-то невнятное. Когда мы еще приблизились, то увидали обглоданную человеческую голову. А под навесиком сидела на корточках женщина лицом к нам. Веки у нее были кровавые, так много она плакала.— Кикак — «Ты, обглоданная кость моя,— сказала она,— я съела своего мужа и детей».

«Кикак» — такое имя она дала моему мужу.

«Сама она была кожа да кости, и крови совсем как будто не осталось в ней, и мало что на ней самой было, потому что она съела большую часть своей одежды, и рукава и подол — все до пояса. Мой муж наклонился к ней, и она зашептала: «Я съела твоего товарища по праздникам певцов».

«Муж мой ответил: «Ты хотела выжить и потому выжила».

«Мы тотчас разбили палатку поблизости от ее навеса, отрезали кусок от передней занавески и поставили маленькую палатку для женщины. Она была нечистая, и нельзя было ей жить вместе с нами. Она пыталась встать, но упала на снег. Мы пробовали дать ей мороженой оленины, но она проглотила раза два — сколько в рот можно положить, затряслась вся и больше уж не могла есть.

«Мы бросили свою поездку и повезли женщину назад в Иглулик, там у нее был брат. Потом она поправилась и теперь замужем за великим ловцом Игтуссарссуа, у которого стала любимой женой, хотя у него была уже раньше жена. Да вот и все, мне больше нечего рассказать об этом самом жутком случае в моей жизни...»

Наутро мы с Боцманом простились с нашей хозяйкой и поехали домой в свой «Раздувальный мех».

Из сведений, добытых нами в этой рекогносцировке, явствовало, что мы можем решить многие стоявшие перед нами важные задачи, разъезжая из своей базы на Датском острове по всему округу, где разбросано множество руин старых жилищ; раскопки могли дать нам ценные сведения о развитии эскимосской культуры в здешних краях. И, наконец, айвиликские эскимосы, жившие около Репалс-Бея, не только рассказывали нам об интересных племенах, живших к северу отсюда около Иглулика и Баффиновой Земли, но и о замечательном народе в глубине так называемого Баррен-Граундса, об эскимосах, которые хоть и говорят на том же самом языке, но не имеют никакой связи с морем и не бьют морского зверя, без чего обыкновенные эскимосы вообще не могут существовать. Искать их надо где-то в тундре между Гудзоновым заливом и арктическим побережьем Северо-западного прохода.

Теперь мы могли составить план работы на первый год. Теркелю Матиассену и Биркет-Смиту предстояло прежде всего побывать у капитана Кливленда, чтобы собрать подробные сведения об окрестностях. После того Биркет-Смит с Якобом Ольсеном должны были отправиться к континентальным эскимосам. А Теркель Матиассен с Петером Фрейхеном поедут сначала на север, чтобы нанести на карту Баффинову Землю и изучить эскимосов Иглулика. По возвращении же на главную квартиру весной предстояли раскопки на местах древних стойбищ у Репалс-Бея. Мы были убеждены, что раскопки дадут ценные результаты. Туземцы объясняли, что это

остатки древних стойбищ загадочного племени богатырей, которых они называют т у н и т а м и.

Полярных эскимосов, участвовавших в нашей экспедиции, мы решили распределить между отдельными нашими партиями, и, когда все партии будут снаряжены и снимутся с места, я в конце марта двинусь вслед за Биркет-Смитом для со-

Теркель Матиассен — археолог и географ экспедиции

вместной работы. Но прежде чем приступить к большим санным поездкам, нужно было провести несколько охотничьих экскурсий, чтобы запастись свежим мясом для людей и для собак.

ЗАКЛИНАТЕЛЬ ДУХОВ АУА

Нам сказали, что мыс Элизабет, находящийся в двух днях санного пути от залива Лайон, отличное место для охоты на моржей; мы в новом году и отправились туда: я, гренландец Кавигарссуак — Гага и двое туземных эскимосов, Усугтаок и Тапарте.

27 января ясным звездным вечером, в чудесную тихую погоду мы оказались вблизи стойбища. Дневной путь был долог и труден, поэтому нам очень хотелось скорей попасть под кров, и мы принялись усердно высматривать людей.

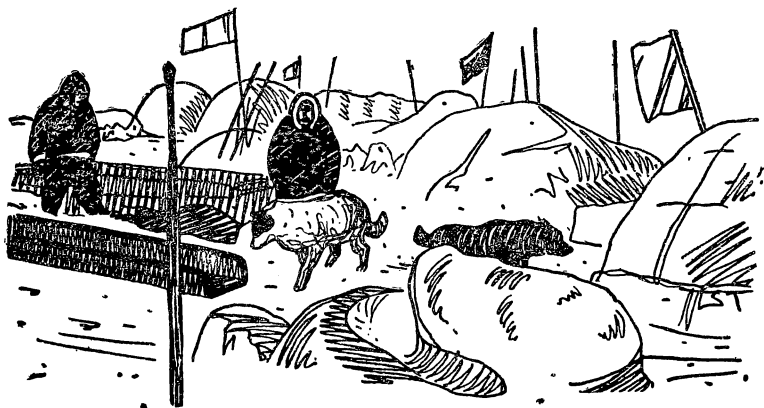
Вдруг перед нами вынырнули из мрака длинные сани с та-

кой бешеной упряжкой, какой я еще не видывал: полтора десятка белых собак мчали во весь дух с полдюжины людей на одних санях! Они мчались прямо к нам, с такой силой рассекая воздух, что нам слышен был свист. Вдруг возница спрыгнул. Это был малорослый человек с большой бородой, совершенно примерзшей к лицу. Он направился ко мне и, подав мне руку, как принято у белых, указал в ту сторону, где виднелись снежные хижины; затем, вперив в меня умные бойкие глаза, приветствовал меня звучным «Къянгнамик» — «благодарение приходящим гостям». Это был заклинатель духов Ауа.

Видя, что собаки мои устали от длинного дневного перегона, он пригласил меня пересесть на его сани и тихо, но властно приказал одному из своих молодых спутников отвести моих собак в стойбище. Собаки Ауа, завывая от голода и тоски по дому, опять понеслись вихрем к снежным хижинам. Сани семиметровой длины имели подполосья из мерзлого торфяного месива, с тонкой ледяной корочкой внизу. Наши сани на железных полозьях подвигались по снегу туго, со скрежетом, тогда как огромные тяжелые сани Ауа гладко скользили по льду на своих ледяных подполосьях. У русла небольшой речки мы выехали на берег и после недолгой скачки очутились около большого озера, где навстречу нам засветились сквозь затянутые пузырями оконца снежных хижин теплые изжелта-красные огоньки.

Женщины стойбища встретили нас с дружелюбным любопытством, и Оруло, жена Ауа, тотчас же проводила меня в свое жилье. Я впервые попал в такой большой комплекс искусно сложенных снежных жилищ. Пять высоких хижин, напоминавших формой улья, составляли как бы одно целое с многочисленными боковыми пристройками — кладовыми, размерами не уступавшими жилым помещениям. Целая система ходов вела из одного жилья в другое, так что можно было навещать соседей, не выходя наружу. Всего тут жило шестнадцать душ, размещенных по разным хижинам. Оруло, переходя от лежанки к лежанке, знакомила меня с обитателями хижин. Жили они тут уже долгое время, и от тепла внутренние пласты снега обтаяли и покрылись тонкой ледяной корой. Длинные блестящие ледяные сосульки висели у входов, искрясь в тусклом свете жировой лампы. Жилье было больше похоже на сталактитовую пещеру, чем на снежную хижину, и могло бы показаться, что жить тут холодновато, если бы не лежанки, устланные толстым слоем мягких оленьих шкур; они придавали помещению уютный вид.

По переходам этого лабиринта, освещенным небольшими, экономно горевшими жировыми лампами, мы ходили из жилья в жилье и пожимали обитателям руки. Семья Ауа была большая, приветливая, веселая. Старший сын Натак — «Дно»

жил с молодой женой Кингутив Карсук — «Мелкозубой»; младший сын Уярак — «Камень» со своей 15-летней невестой Екятдлийок — «Лосось»; дальше жила старая сестра Ауа Натсек — «Тюлень» с сыном, невесткой и внучатами и, наконец, в самой крайней кишке коридора — веселый Кувдло — «Мизинец» со своей женой и новорожденным младенцем.

Я впервые попал в большую эскимосскую семью, и патриархальный уклад ее жизни меня очень заинтересовал. Ауа являлся неограниченным владыкой в доме, распоряжался всем и всеми, но обхождение мужа и жены друг с другом и с домочадцами говорило о сердечной привязанности и хорошем расположении духа.

После долгого утомительного перегона по морозу хорошо было накачаться горячим чаем, за которым тотчас же следовал ужин — большие куски крупного, только что сваренного зайца; немудрено, что мы очень скоро почувствовали блаженную сонливость и вскарабкались на мягкие шкуры лежанки.

Мы сказали хозяевам, что приехали бить моржей; заявление это было принято домочадцами Ауа с радостью. Они сами собирались на охоту. Теперь, пожалуй, снимется с места все население стойбища и перекочет к снежным сугробам близ низменного мыса Элизабет. Лето прошло у них в охоте на суше, и в окрестностях стойбища было разбросано много набитых мясом складов, но зато уже был начат последний мешок моржового сала.

Итак, мы решили выехать на охоту все вместе, но сначала надо было потратить целый день на вывоз оленьего мяса из ближайших складов. Нельзя было знать наверное, сколько суток пройдет, прежде чем попадется нам новая добыча.

Когда настал, наконец, день переезда, все спозаранку поднялись на ноги и взялись за дело. По снежным ходам волокли котелки и сковородки, вороха оленьих шкур, подержанных и

еще не выделанных, тяжелые узлы с мужской, женской и детской одеждой. В полумраке снежных хижин все это было как-то незаметно, всякая вещь входила в домашний обиход, занимала свое место. А тут на открытом месте получался удручающий хаос, совсем как у нас при переезде с квартиры на квартиру.

Когда в сани с грузом в рост человека запрягли собак, мне пришлось быть свидетелем обряда отправления младенца в его первую санную поездку.

В задней стене жилья Мизинца проделана была дыра, в нее вылезла жена Мизинца с малюткой-дочкой на руках и остановилась перед покинутым жильем. Ауа в качестве заклинателя духов, являющийся как бы духовным пастырем для всех, осторожно приблизился к малютке, обнажил ее голову и, почти прильнув губами к ее личику, произнес языческую утреннюю молитву:

Встаю от покоя, движения быстры, как взмахи крыл ворона;
Встаю, чтобы встретить зарю,
Уа-уа!

Лицо отвращая от мрака ночного, гляжу, где белеет полоска
зари.

Это была первая поездка малютки, и этот гимн дню являлся заклинанием, которое обеспечивало ей благополучие.

До места нового стойбища было не больше часа пути, но весь день ушел на возведение хижин и вселение в них. Что может быть радостнее возведения новых снежных хижин? Разве только водворение в них, когда жировые лампы уже зажжены, и световые блики трепещут на белом куполе потолка. Никогда, кажется, не мог бы наскучить мне уют этих примитивных жилищ, их тихий мир и праздничность!

Еще один день на осмотр охотничьей снасти, и затем можно отправляться в море.

*

В доброй миле от берега — граница зимнего ледового припая, и сразу за нею начинаются сплошные льды, движимые ветром и течением. Достаточно небольшого берегового ветра, чтобы вдоль кромки льда быстро вскрылось несколько полыней, и этих полыней придерживаются моржи, ныряя в глубину за поживой.

Мы с Ауа, как и остальные охотники, отыскиали себе укромное местечко за большим торосом, откуда была отлично видна вся местность. И в поле нашего зрения то и дело происходило что-нибудь, будившее в нас старые охотничьи воспоминания. У самой кромки ледового припая шумно двигался, натываясь на препятствия, плавучий лед, и чудилось, что это стонет и вздыхает само море. Над каждой вновь

вскрывавшейся полыней курился на морозе сизый пар, сквозь который мы различали черные спины моржей, вынырнувших из глубины моря. Медленными глубокими вздохами вбирали они в себя воздух — мы слышали их сопенье — и снова ныряли потом в свои подводные кладовые.

Оба мы не раз переживали все это раньше, и нам вспоминались разные наши охотничьи приключения.

— Звери и люди близки друг другу,— говорит Ауа,— потому наши предки и верили, что можно попеременно быть то зверем, то человеком. Но ближе всех к нам медведи. Похоже, что у них человеческий ум; они подползают к спящим тюленям, совсем как охотники. Они подстерегают добычу у кромки льда, как мы. Они вдруг кидаются в воду, а когда вынырнут,— у них в зубах тюлень. Наоборот, когда они охотятся у полыней, то часами лежат и ждут, и в тот самый миг, когда тюлень вынырнет на поверхность, медвежья лапища обрушивается ему на голову; потом медведь впивается зубами тюленю в затылок и тащит всю тушу целиком сквозь узкую щель полыньи с такою силой, что кости хрустят и проходят сквозь сало и кожу!

Да, Ауа сам однажды видел, как медведь подкрадывался к кучке спящих моржей. В передних лапах он нес большую льдину и все время укрывался за высокими торосами, так что его желтоватое тело не бросалось в глаза моржам. Они шевельнутся, и он замрет на месте,— не отличить его от тороса, а едва они успокоятся, он опять начнет подбираться к ним на дыбах. Наконец, он старательно нацелился на совсем молодого моржа и швырнул в него своей льдиной с такою силой, что оглушенный зверь остался на месте, когда остальные бутхнулись в воду.

Но едят медведи на свой особый лад. Они не любят слишком теплого тюленьего мяса, а потому старательно посыпают его снегом и лакомятся им, когда оно уже остынет.

Внезапно Ауа, бывший, несмотря на свои рассказы, все время настороже, вскакивает и указывает туда, где стоял со своим гарпуном Гага. Перед ним совсем маленькая щель во льду, лужица, которую даже не назовешь полыней, и в ней показывается широкая спина моржа. Голова поднимается напоследок. Но, не дав зверю вдохнуть, Гага мечет свой гарпун в толстый, жирный бок. Слышен шуршащий всплеск соленой воды, выступающей из полыньи, но Гага уже давно вонзил в лед багор, пропущенный в петлю линя, и держит моржа на приколе.

Мы живо подроспели на помощь, вытянули на лед зверя, убили и освежевали его еще засветло; вечером мы вернулись к новой снежной хижине, и я чувствовал некоторую гордость при мысли, что это один из моих спутников убил первого моржа, а не чужие звероловы, охотившиеся вместе с нами.

В стойбище большая радость. Взрослый морж — это запас мяса и сала на долгий срок, а ведь мы охотились всего один день. В жилищах сразу почувствовался недостаток, не приходилось больше экономить жир в лампах, и пища была обеспечена и нам и собакам.

Новая снежная хижина не была так просторна, как старая, недавно нами покинутая, зато в этой легче было поддерживать тепло и уют. В самом главном жилье, где поселились Ауа с женой, могли легко разместиться на ночь двадцать человек. Эта часть снежного дома переходила в высокий портал вроде «холла», где люди счищали с себя снег, прежде чем влезть в теплое жилое помещение. С другой стороны к главному жилью примыкала просторная, светлая пристройка, где поселились две семьи. Жира у нас было вдоволь и потому горело по 7—8 ламп одновременно, отчего в этих стенах из белых снежных глыб стало так тепло, что люди могли расхаживать полуголыми в полное свое удовольствие. Так превосходно умеют здешние эскимосы устроиваться среди снежных сугробов.

Чтобы отпраздновать удачную моржовую охоту, мы устроили настоящий пир: лакомились сердцем, языком и плавающей в жиру грудинкой, запивали все это мясным наваром, от которого по всему телу разливалось тепло. Отпировав, мы с Ауа забрались поглубже на лежанку, полуголые, завернувшись только в мягкие шкуры пыжиков. Улегшись, мы закурили трубки; остальные домочадцы расположились вокруг, и Ауа разрешил расспрашивать обо всем, что мне хотелось разузнать, и обязался давать ответы. Не могло быть хозяина гостеприимнее. Я стал задавать ему вопрос за вопросом, исходя из уже составившегося у меня убеждения, что основные линии их религии те же, что у известных нам гренландцев. Великий морской дух, мать всех морских животных, обитающая на дне моря, внушает эскимосам наибольший страх и считается первопричиной большинства жизненных конфликтов.

Я прошу Ауа рассказать все, что ему известно о ней, и он тотчас же подымается и садится, выпрямившись. Оживленно жестикулируя, ведет он свой рассказ, тон и ритм которого держит нас в неослабном напряжении.

— Жила-была некогда девушка, не желавшая выходить замуж. Жила она с отцом и отвергала всех мужчин, к ней приходивших. Но раз, когда отец был на охоте, явился к ней в стойбище буревестник в образе человеческого и похитил девушку. Отец горевал-горевал о потере дочери, потом отправился в путь, нашел ее как раз в тот день, когда буревестник охотился, и повез домой в женском каяке. Но буревестник заметил беглецов, нагнал их, и так как отец не хотел отдавать дочь, поднял бурю, от которой каяк готов был опрокинуться.

Тогда отец испугался и бросил дочь за борт буревестнику. Но она уцепилась за верхний край борта и грозила перевернуть каяк; тогда отец отрубил ей верхние суставы пальцев. Когда они упали в море, оттуда вынырнули тюлени и окружили каяк, и так как она продолжала цепляться за борт обрубками пальцев, отец отрубил ей суставы по самую ладонь. На этот раз из моря вынырнули бородатые тюлени и моржи. Под конец она не могла больше держаться и пошла ко дну, где стала великим духом, владычицей всех зверей морских.

«Но отец, вернувшись домой, раскаялся, что пожертвовал дочерью, лег на самом краю берега и дал приливу унести себя. Так он соединился с дочерью».

— А куда деваются люди, когда умрут? — спросил я.

— Некоторые попадают на небо и становятся увлормиут — «людьми дня». Страна их лежит там, где занимается день. Другие идут на дно морское, где есть такая узкая коса между двух морей. Этих людей называют кимиуярмиут — «людьми узкой косы».

«В страну дня возносятся только те люди, которые погибли от несчастного случая в море или были убиты. Это большая страна, где много оленей. Там хорошо живется, много радостей. Почти непрерывно играют в мяч, в ножной мяч, со смехом и пением, а мяч тот — череп моржа. И когда мертвые играют на небе в мяч, нам здесь кажется, что над землей полыхает северное сияние».

«Великие заклинатели духов часто летают в гости к людям дня. Перед таким полетом они садятся в самый дальний угол лежанки, и занавеска из оленьих шкур закрывает их от глаз людей, собравшихся в жилье. Руки заклинателя должны быть связаны за спиной, а голова прикручена к коленям. Когда все приготовления сделаны, снимают концом ножа горящий нагар с фитиля жировой лампы и чертят этим ножом над головой заклинателя круги в воздухе, причем все собравшиеся должны присутствовать при полете и хором громогласно произнести: «Пусть тот, кто собирается в гости, будет вознесен!» Потом тушатся лампы, и все в доме закрывают глаза. Так сидят долго в глубокой тишине, но немного спустя начинают различать посторонние звуки, слышат шорох где-то наверху в воздухе, скрежет, свист... и вдруг заклинатель во весь голос кричит: «Халяля-халяляле-халяля-халяляле!» И тотчас все присутствующие должны подхватить: «Але-але-але!»

«Тут вихрь пронесется по хижине, и все знают, что это образовалось отверстие для вылета души заклинателя, отверстие такое же круглое и узкое, как тюленья отдушина во льду; сквозь него должна вылететь душа заклинателя на небо. Ей помогают все звезды, когда-то бывшие людьми. Они летают вверх и вниз по всему воздушному пути, чтобы держать его

открытым для заклинателя; одни летят вниз, другие вверх, и весь воздух наполняется свистом: пфф-пфф-пфф!

«Это звезды вызывают душу заклинателя, и тогда люди в доме должны попытаться угадать их человеческие имена, те имена, которые они носили, живя на земле. Если это удастся, слышатся два отрывистых свистка: пфф-пфф! и затем тонкий пронзительный звук, пропадающий в небесном пространстве. Это ответ звезд и их благодарность за то, что их еще помнят на земле.

«Большая радость бывает на небе, когда заклинатель посещает страну дня. Души всех умерших тотчас вылетают из своих жилищ. В жилищах этих нет ни входов, ни выходов, и потому души влетают и вылетают всюду, где им вздумается — сквозь стены, сквозь крышу. Они проносятся через жилье и хоть и видимы, но не имеют никакого естества, почему и не остается дыр в тех местах жилья, через которые они вылетают и влетают. Они спешат навстречу гостю, радостно приветствуют его, радостно приглашают к себе, думая, что он тоже душа умершего, как и они. Лишь когда он скажет «Я еще из плоти и крови», они разочарованно возвращаются к себе. И он, повеселившись некоторое время среди радостных умерших, тоже возвращается к себе и своим, усталый, запыхавшийся, чтобы рассказать им обо всем, что видел, испытал.

«В страну узкой косы попадают все люди, умирающие своей смертью — от болезни, в хижине или в палатке. Эта обширная земля уходит в открытое море, где ведется охота на всякого морского зверя. Заклинатели могут посещать и эту землю, но это уж просто ради удовольствия. По серьезному же делу посещают великого морского духа, когда он чересчур усердно охраняет своих тюленей, так что люди терпят нужду. Приготовления к этому посещению почти те же, что и к полету в страну дня. Все лампы в жилье тушат, и слышатся только стоны и вздохи людей, давно умерших. Эти вздохи как будто доносятся из воды, из глубины моря и похожи на плеск и сопенье морских зверей, вдыхающих в себя воздух. Все в доме поют в это время заклинание, повторяя его раз за разом:

Мы руки простирали, чтобы вызвать тебя.
Без пищи давно мы, без лова давно!
Мы руки простирали...

«Для великих заклинателей разворачивается тогда путь сквозь землю, вроде трубы, ведущей на самое дно морское. Так попадают в жилище морского духа, похожее на обыкновенное жилье человеческое. Только нет крыши и нет передней занавески: вход в жилье открыт. Это чтобы хозяйке с ее места около лампы легче было следить за стойбищами люд-

скими. Морские звери со всего света, нерпы, бородатые тюлени, моржи и киты собраны справа от ее лампы в полынье, где они лежат и дышат. Поперек узкого входа в жилье лежит большая злая собака, которую прогоняют, прежде чем впустить заклинателя. А он, войдя, может увидеть морскуюладычицу, сидящую в знак гнева своего спиной к лампе и ко всем зверям, которых она вообще посылает в добычу людям. Волосы у нее не прибраны, всклокочены, и вид ее страшен. Но заклинатель должен тотчас же схватить ее за плечо и повернуть лицом к лампе и зверям, потом провести рукой по ее голове и ласково пригладить волосы, говоря: «Тем, что наверху, не добраться до тюленей». Она на это отвечает: «Собственные проступки загородили им путь».

«Тогда заклинателю приходится пускать в ход все свое искусство, чтобы утихомирить ее гнев, и когда она смягчится, то берет из полыни морских зверей одного за другим и опускает их на пол. И тогда словно водоворот забурлит в узком выходе из жилья, и все звери исчезают в море. Это предвещает людям большую охоту, изобилие.

«И тогда заклинателю пора вернуться к своим землякам, ожидающим его. Они слышат его приближение издали, с таким шумом он мчится по той дороге, которую открыли ему духи. Наконец, раздается шумное «плю-а-хе-хе», и он выскакивает из-за своей занавески, как зверь морской, который могучим сжатием легких выбрасывает себя из глубины.

«И тут с минуту стоит тишина. Никто не должен ее прерывать, пока заклинатель не молвит: «Мне надо сказать!» Все в жилье отвечают: «Слушаем, слушаем!» И заклинатель продолжает торжественным языком духов: «Пусть раздастся слово!»

«Это знак, что все собравшиеся должны сознаться во всех совершенных ими проступках и нарушениях запрета (табу), чем они и разгневали духа морского. «Может статься, это моя вина! Это моя вина!» — кричат люди, перебивая друг друга, женщины и мужчины, напуганные голодом и неудачами на охоте. Всех находящихся в доме выкликают по именам, и каждый должен сознаться в своих поступках. Таким образом узнается многое, о чем никто и не подозревал, люди узнают тайны друг друга. Но, несмотря на все что открылось, заклинатель иногда бывает недоволен. Он жалуется, сокрушается, что не узнал всей правды; вопит снова и снова.

«И бывает вдруг, что кто-нибудь признается в тайном грехе, который должен был оставаться скрытым от всех. И у заклинателя вырвется с облегчением: «Вот оно! Вот оно!» — Иногда виновницами беды, постигшей стойбище, бывают совсем молоденькие девушки. Но раз женщины так молоды и готовы искупить свою вину, то, значит, они хорошие женщины, и как только они признаются, морской дух про-

щает их. Всех охватывает великая радость оттого, что беда теперь отведена, все уверены, что завтра же море будет кишмя кишеть морским зверем».

— Все ли заклинатели могут посещать морского духа и обеспечивать людям довольство?

— Нет, только очень немногие, самые великие. Знаменитее всех, кого я знал, была Увавнук, женщина. Раз вечером, когда она вышла помочиться — темным зимним вечером, — в небе показался вдруг светящийся огненный шар. Он быстро падал вниз на землю, прямо на то место, где присела женщина. Она хотела убежать, но не успела, и шар ударил в нее, и она тотчас же почувствовала, что все внутри у нее осветилось. Она обеспамятала и сразу стала великой заклинательницей. Дух огненного шара вошел в нее, а дух этот, говорят, создан был из двух половин: с одной стороны медведь, с другой — человек; голова была человеческая, но с медвежьими клыками.

«Увавнук прибежала домой как полоумная и запела песню, которая с тех пор стала ее заклинанием, когда она хотела помочь людям. И когда она пела, то себя не помнила от радости, и все в жилье тоже, так как их души освобождались от всего, что их давило. Они подымали руки и отбрасывали прочь всякую злобу и ложь, сдували их с себя, как пылинки с ладони, вот этой песней:

Великое море меня всколыхнуло,
Меня понесло,
Как водоросль — волны реки.
И небо и буря меня подхватили,
Нутро всколыхнуло, с собою уносят.
От радости вся трепещу я!..»

Все напряженно слушали эти рассказы, и никто даже не заметил, что стали гаснуть почти выгоревшие лампы — женщины позабыли о своей обязанности.

Вокруг нас на больших снежных лежанках застыли мужчины и женщины, охваченные настроением вечера, не смея шевельнуться. Верующий заклинатель духов приподнял край завесы, скрывавшей неведомую страну, которую он один знал.

*

14 февраля прибыли в нашу охотничью стоянку товарищи с Баффиновой Земли: Петер Фрейхен и Теркель Матиассен, и дня через два мы отправились кому куда следовало — они в большую поездку на север, я обратно в свой «Раздувательный мех». Еще с месяц ушло на охоту за моржами у Фрозен-Стрейта и, наконец, все было подготовлено к нашему выступлению в конце марта. Сопровождали меня до Баррен-Граундса Хельге Бангстед и гренландец Кавигарссуак.

Делая привалы в разных стойбищах, мы достигли Честерфилда 23 апреля. Тут мы встретились с Якобом Ольсеном, который по плану должен был покинуть Биркет-Смита, чтобы весной помогать Теркелю Матиассену в археологических раскопках. Собаки у нас были хорошие, и уже в начале мая мы прибыли в лагерь Биркет-Смита около озера Бейкер, откуда начался наш первый поход в область континентальных эскимосов.

ПУСТЫННЫЕ РАВНИНЫ

Мы как будто выехали на охоту за дичью. Местность была плоская и дикая, снег еще прикрывал ущелья и расселины, и даже реки сливались воедино с равниной. Все было бело, исключая обращенных к югу склонов, где начинала чернеть земля, оттаяв на солнце. Час за часом шли мы, словно в никуда; все время у нас было такое ощущение, что мы вот-вот заблудимся, пробираясь по неверному направлению. Но не могло быть и речи о неверном направлении: ведь с первого же дня, как мы покинули побережье, нам стало ясно, что даже соседние стойбища не могут давать точных сведений одно о другом, так как дичь вечно бродит с места на место, и область охоты определяет, где быть стоянкам.

Вот мы и в центре Баррен-Граундса — или пустынных равнин, носящих такое название с древних времен; эти обширные безлесные пространства расположены между Гудзоновым заливом и Северо-западным проходом. Несмотря на то что эти пустынные равнины часть большого американского материка, они принадлежат к самым малодоступным частям земного шара; поэтому мы и ожидали найти здесь первобытнейших эскимосов. Наперекор жадным стремлениям охотников за пушниной и купцов проникнуть в эти неведомые края природа загрозила дорогу такими барьерами, что область эта в целом и до сих пор известна лишь в самых общих чертах. С севера ограждают ее вечные льды Полярного моря, с юга и отчасти с запада непроходимые лесные чащи, удлиняющие и затрудняющие всякое путешествие, так как приходится следовать только по течению малоизвестных рек. Лишь с Гудзонова залива восточный берег Баррен-Граундса открыт для более современных способов передвижения; однако даже здесь фарватеры забиты льдом и проходимы в течение всего двух-трех месяцев в году. Но все эти природные условия, преграждающие путь другим, давали шансы на удачу нам.

18 мая мы разбили палатку на вершине увала, откуда открывался обширный ландшафт, все еще сплошь покрытый снегом и напоминавший материковый лед Гренландии. Только

здесь морены вместо льда. Отдельные скалы высятся между бесчисленными озерами и речками, напоминая гренландские «нунатаки», и самая плоскость тоже перемежается увалами, как и в Гренландии; лишь в самой глубине материка растстляется уже сплошная обширная равнина.

Мы стоим перед палаткой и чувствуем себя, как в пустыне. Ни признака жизни; вся дичь как будто вымерла в это время года; белые сюда никогда не заглядывают, разве только какое-нибудь преступление вызовет сюда вездесущих конных полицейских*.

Вечернее освещение впервые дарит нас красивым зрелищем. Краски и тени образуют резкие контрасты. Но когда солнце садится, все снова расплывается белыми, снежными волнами, и снова выступает знакомая картина материкового льда.

С геологической точки зрения область, которую мы озираем, лишь руины древней горной страны, стертой в прах за миллионы лет, в течение которых она подвергалась разрушительному влиянию резких колебаний годовой температуры — то мороз, то тепло, — просачиванию воды и всему прочему, отчего вообще разрушаются и выветриваются скалы. В ледниковый период здесь расстилался мощный покров материкового льда — ледник Киватин. Льды округлили вершины, снесли мягкие пласты и рассыпали большие и малые валуны повсюду. Теперь вся область представляет собой кладбище древней горной страны, где скалы погребены под толстым слоем морен, глины, песка и гальки, из-под которого торчат лишь отдельные лысые макушки скал.

*

19 мая мы проходим первое становище эскимосов Харвактормизут — «Людей водоворота», у реки Казан. Санний путь был превосходный. От ночного мороза снег всюду затвердел, словно каменный пол, но так как нас было четверо людей на санях, вдобавок тяжело нагруженных, то я предпочитал бежать впереди на лыжах. Мы поднялись на гребень холма и, к удивлению своему, увидели около маленького озера становище и взволнованных людей, бегавших взад и вперед

* Королевская канадская конная полиция. Она получила название «конной» в связи с тем, что в старину ее чиновники развезжали по южным провинциям Канады на лошадях. На крайнем севере страны чиновники «конной» полиции зачастую являются единственными представителями государства. Их полномочия и круг деятельности очень велики. Они разыскивают преступников, судят их, осуществляют надзор за коренным населением, лечат больных, развозят по отдаленным селениям медикаменты и товары первой необходимости. Свои патрульные поездки по северу чиновники «конной» полиции совершают на собаках, шхунах, самолетах.

между снежными хижинами. По-видимому, их взволновало наше появление. К тому времени, когда мы, наконец, добрались до места, люди попрятались; детей и женщин всех загнали в хижины, а из мужчин остались на виду всего двое; они неподвижно сидели каждый на своей снежной глыбе, лицом к нам. Ясно было, что за друзей нас не принимали; весь наш облик говорил, что мы чужаки и, судя по нашим гренландским саням и собакам, либо к и т д л и н е р м и у т — «эскимосы арктического побережья», либо индейцы из глубины материка. Оба эти племени считались враждебными. Впоследствии мы узнали, что особенный страх внушали индейцы. Вековые распри, сопровождавшиеся одинаковыми жестокостями с обеих сторон, были еще свежи в памяти.

От встреченного мной около озера Бейкера эскимоса арктического побережья я знал, что континентальных эскимосов обыкновенно приветствуют при случайной встрече восклицанием «Илоррайник тикитунга!» — «Я прихожу с настоящей стороны!»

Я во все горло и выкрикнул эти слова по направлению к становищу, и едва успел крикнуть, как мужчины с громкими криками спрыгнули со своих снежных глыб и кинулись нам навстречу; в то же время высыпали из снежных хижин и прочие обитатели становища.

Мы узнали, что становище их называется Тугдлиувартали — «Озеро гагары». Зима выдалась необыкновенно суровая, и люди и собаки во многих местах голодали. Зимнее стойбище этих эскимосов находилось на восточном берегу реки Казан, а в настоящее время они двигались на запад навстречу оленям, которые шли с юга. Двое саней посланы были в ближайшее становище, чтобы выследить первые олени стада, и как только будут получены нужные сведения, люди перекочуют отсюда на новое место.

Мы сделали привал, сварили чай, напекли лепешек и уостили все становище. В разгаре этого импровизированного пира мы вдруг увидели двое саней; это были те самые, посланные в соседнее становище узнать новости. Еще издали мы услышали крики: «Олени идут, олени идут!» И скоро все становище кипело от восторга и восхищения: зима прошла, идут олени, а с ними лето, изобилие.

От озера Бейкера нам предстояло проделать длинный путь по твердой земле, забирая к юго-востоку, в обход реки Казан, так как нам отсоветовали держаться нижнего ее течения. Но, чтобы попасть в ближайшее становище, мы должны были, как нам сказали, опять спуститься к реке. Один из молодых людей, только что вернувшихся домой, предложил нам себя в проводники, и с его помощью мы через день добрались до становища Нахигтарторвик.

Это были первые подлинные континентальные эскимосы, с которыми мы столкнулись, и хотя главную работу нам предстояло провести среди самых дальних «падлермиут», ценно было получить некоторые сведения и здесь. Оказалось, что в становище проживала одна пожилая чета: Акиггак — «Птенец куропатки» с женой Арнаркик — «Возрожденная», и чета эта знает много преданий; поэтому хотелось побыть здесь подольше. Решено было, что Биркет-Смит с Хельге Бангстедом и Гагой и с частью нашего багажа продвинутся на один день пути дальше без меня. Потом они вернутся за мной и за остальными вещами.

Погода стояла мягкая. По ночам снег не всегда смерзался плотно, на ледяном покрове стояли лужи талой воды. Времени терять не приходилось, если мы не хотели быть отрезанными от цели наших стремлений.

Биркет-Смит и Бангстед выступили 25 марта в дождь и туман. С переменной погоды наступил и резкий перелом в природе — самое весеннее настроение. Над становищем закружились многочисленные куропатки; видели мы и журавлей, и вороны усаживались рядами около мясных складов. Мелкие птички наполняли воздух щебетом, пустынные равнины оживали.

Я тем временем записывал предания. Одно лишь обстоятельство тормозило мою работу; как это ни забавно, но мне мешало то, что я еще в Гренландии знал большинство тех сказаний, которыми здесь собирались поделиться со мной; и едва я обнаруживал свое знание, эскимосы прыскали со смеху. Ну, не смешно ли? белому известны их сказания! И рассказчики отказывались продолжать. Меня особенно интересовала старая чета — Птенец куропатки и Возрожденная. В молодости они участвовали в торговых поездках и доезжали до самого форта Чёрчилль. К такой поездке готовились задолго, и самая поездка, начавшись осенью, заканчивалась не раньше весны, когда сходил последний снег и реки готовы были вскрыться. В пути часто встречались индейцы, всегда враждебные, опасные. На памяти стариков было похищено индейцами не меньше четырех эскимосов, в том числе сестры старика Арнаркика. Для индейцев у них было то же самое презрительное прозвище, которое в ходу по всей Гренландии: иткигдлит — «разводящие гнид».

Эта первая встреча с людьми, в самом деле сталкивавшимися с теми индейцами, о которых так много говорят гренландские саги, произвела на меня особенное впечатление. Тут пахло не преданиями, а живой действительностью; ведь еще сравнительно недавно индейцы, преследуя оленей, разбредались в летнее время по всей этой области и при каждом удобном случае нападали на мирных эскимосов.

После двухдневного отсутствия Гага вернулся и рассказал со свойственной ему шутливостью, что товарищи обзавелись теперь собственным домом. У нас имелась вообще всего одна палатка, которую я и оставил себе, так как невозможно было вести мою работу в снежных хижинах, которые обтаивали и готовы были обрушиться на головы обитателей. Поэтому Гага соорудил для Биркет-Смита и Хельге Бангстеда из камней и мха навес, собственно, только для защиты от ветра, но он был с крышей, под которой могли улечься рядом как раз двое. Провиантом они обеспечены, и если только будут следить за переменной ветра и соответственно перемещать входное отверстие, то о них нечего беспокоиться. Нам, впрочем, уже на следующий день предстояло присоединиться к ним с остатком нашего багажа.

Однако разразилась ужасная непогода с громом и молнией. Дождь так и лил. И в течение двух часов шквалы ветра были настолько сильны, что мы предпочли повалить свою палатку, чем все время бороться с надувавшейся и хлопавшей парусиной. Не очень-то приятно было лежать под поваленной палаткой — мокрая парусина все время мазала по лицу. Но, разумеется, неприятность нашего положения занимала нас меньше, чем мысль о том, каково приходится теперь двум нашим товарищам, ютившимся под маленьким каменным навесом с крышей всего из одной оленьей шкуры.

В становище был полный развал: болото, оттаявшее торфяное месиво, иссеченное дождем, бездонная слякоть рыхлого снега и бесчисленные ручьи, выбивавшиеся на поверхность и растекавшиеся по всем направлениям. Обувь из тюленьих шкур хлюпала и чвокала у нас на ногах всякий раз, как мы вынуждены были выходить, чтобы поправить палатку, положить еще камней на парусину и тем помешать ей улететь по ветру; но все-таки наше положение было сносно в сравнении с положением наших соседей-эскимосов, живших еще в своих снежных хижинах. Стены последних были уже не из снега, а из какой-то желтоватой массы, в которой дождь просекал все новые дыры, и обитатели тщетно пытались заткнуть их своей обувью, штанами и шубами.

В самую непогоду раздался приветственный клич вновь прибывших. Двое саней во весь собачий скок примчались в становище, это прибыли люди из соседнего голодного стойбища. Они еще до непогоды выехали сюда, чтобы принять участие в уже назначенной нами охоте на оленей. Мужчинам стоило больших трудов привязать собак к камням, а женщины в это время ставили палатку, сшитую из оленьих шкур. Они были достаточно благоразумны, чтобы поставить ее лишь в полвысоты и поразительно быстро разбили свой стан, убрав в палатку спальные меховые подстилки и одеяла.

День кончился, спустились сумерки, и я успел так устать от лежания, съжившись под мокрой парусиной, что счел за благо выйти взглянуть: не нуждаются ли в моей помощи соседи по стойбищу. Сначала я пошел ко вновь прибывшим, у которых не было нитки сухой на теле, когда они приехали. Мне любопытно было узнать, как они переносят непогоду, поэтому я стал обходить палатку сзади, чтобы заглянуть внутрь через многочисленные дыры. Но когда я подошел к палатке вплотную, то, к удивлению своему, услышал песню.

Хозяин жилья Силиток — «Толстяк», имевший двух жен, сидел в самой глубине палатки между обеими женами, в кругу детей. На полу лежали две олени лопатки, сырые, но аппетитные. Это были подарки голодавшим от хозяев становища. Но теперь, когда голод перестал мучить приехавших, им захотелось петь. Младшая из жен была запевалой; вид у нее был дикий и живописный — с длинных распущенных волос текла вода. Притаясь за большим камнем, я поймал отрывок песни:

Ая-ая-ая!

Всегда я сопутствовать рад был стрелкам,
Бродить по равнинам с колчаном и луком моим за плечами!

Ая-ая-ая!

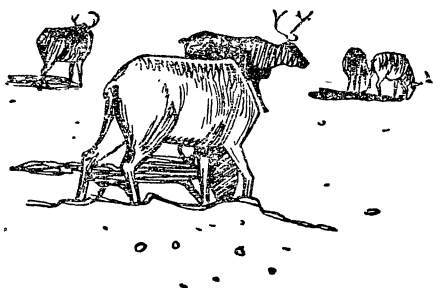
Всегда за быстреешими я попевал,

Оленей гоняя с колчаном и луком моим за плечами!

Каждая строфа пелась с большим увлечением, и нетрудно было сообразить, что эти люди в помощи не нуждаются.

Непогода продержалась два дня. Третий день принес с собой холод и пургу как раз с противоположной стороны, и мы начали серьезно беспокоиться о том, как справляются с положением наши товарищи там, на скалах. Ветер так свирепствовал, что мы лишь 28 мая поздно вечером могли выехать. Пурга еще крутила; дорогу перед собой можно было различать лишь на самом небольшом расстоянии, и целые стада оленей натыкались иногда на наши собачьи упряжки. С величайшим трудом держались мы курса, когда же перепуганные олени начинали метаться вокруг нас, собаки совсем дичали, и мы едва-едва избегали опасности разбиться с нашими санями о многочисленные камни, торчавшие из-под снега. Груза на санях у нас было достаточно, так что мы не хотели стрелять дичь, пока не доберемся до стоянки товарищей. Олений ход был в самом разгаре, и еще долгое время можно было рассчитывать на легкую и обильную добычу.

Трудно было добраться до стоянки товарищей. Наконец, после 12-часовой езды собаки почуяли жилье, и мы вихрем под дикий собачий лай влетели на стоянку. Но, несмотря на весь этот гам, нигде не шевельнулась ни одна живая душа, и мы, сколько ни глядели под маленький навес, ничего там не различали, кроме снежного сугроба.

— Они замерзли! — в ужасе вскрикнул Гага.

Мы протягиваем под навес руки, нащупываем что-то похожее на рукав шубы и начинаем теребить его изо всей силы. Шуба в самом деле оживает, и через минуту из входного отверстия высовывается голова. Это Биркет-Смит, живехонький, хотя и не

очень презентабельный. Мы соединенными силами тащим его наружу, он протестует, мы отпускаем его, и когда он, наконец, стоит на ногах, — оказывается, что с ним ровно ничего не случилось, он только истомлен двухдневным лежанием в снежном сугробе. Вскоре появляется и Хельге Бангстед. Промокшая насквозь одежда его смерзлась, и ходит он на голенищах своих сапог, чтобы вообще удержать их на ногах. Он больше похож теперь на голенастую птицу, нежели на человека.

Мы мигом принимаемся ставить палатку, поспешно снабжаем товарищей сухой одеждой, потом угощаем их чаем, крепким бульоном и вареной олениной. Скоро все превратности судьбы забыты, и душевное напряжение разрядилось смехом по поводу разных комических ситуаций, которые одни только и запомнились.

Непогода последних дней сделала нам веское предостережение; мы убедились в том, что на весеннее время нельзя твердо рассчитывать, но на легких санях мы могли бы в какие-нибудь два-три дня добраться до большого озера Хикулигьюак, где должны найти ближайших эскимосов п а д л е р м и у т, поэтому мы порешили, что Биркет-Смит с Бангстедом останутся пока в палатке с главным нашим багажом, а я с Гагой поеду на легких санях.

После двухдневных поисков мы достигли своей цели. Очужились среди людей в маленьком стойбище всего из трех палаток. Человека, принявшего нас, звали Игьюгарьюк. Он сразу произвел на нас хорошее впечатление, так как в противоположность всем своим землякам в этой местности встретил нас с бесстрашным радушием. Было что-то жизнерадостное в его широкой улыбке, и это сразу нас покорило. Кроме того, я кое-что узнал о нем заранее от ближайших соседей на реке Казан. И способ, каким он добыл себе свою первую жену, был даже по сравнению с обычными у эскимосов методами сватовства, мягко выражаясь, сногшибательным. Он никак не мог заполучить ее и потому вместе со своим старшим братом внезапно появился во входном отверстии снеж-

ной хижины своей возлюбленной и перестрелял семь-восемь человек: тестя, тещу, зятьев и невесток, пока девушка, без которой он не мог жить, не осталась, наконец, одна в хижине и он не добился своего.

Немудрено, что я был очень поражен, когда человек с таким темпераментом сразу по моем прибытии официально представился мне как местный блюститель закона и порядка, протянув документ за подписью и печатью Канадского правительства. Документ, помеченный апрелем 1921 года, был выдан в его стойбище во время преследования одного убийцы и начинался так: «Сим свидетельствуется, что предъявитель сего Эд-джоа-джук (Игьюгарьюк) с озера Чи-ко-лиг-джу-ак с сего дня мною, нижеподписавшимся, Альбертом Е. Римсом, королевским судьей Северо-Западной территории, назначен констеблем на указанной территории со специальной задачей выдать и представить на суд некоего Куаугвака, эскимоса-падлермиут, обвиняемого в двойном убийстве...»

Я прочел документ с подобающей серьезностью и в свою очередь протянул Игьюгарьюку старую газету, взятую мной для завертки. Он с достоинством принял ее от меня и просмотрел столь же внимательно, как я его документ. С этой минуты мы стали друзьями с полной верой друг в друга.

Игьюгарьюк был, однако, далек от какого-либо шарлатанства и, припоминая всех людей, с которыми я сталкивался на протяжении всего пути от Гренландии до Сибири, скажу, что ему принадлежит выдающееся место. Это был человек самостоятельный, умственно развитой и разумно властный среди своих земляков. Он тотчас пригласил нас в одну из своих палаток. Как и подобает большому человеку, он имел двух жен. Старшая, Кивкарьюк — «Обглоданная кость», бывшая причиной вышеупомянутой кровавой бойни, должна была уступить трон молодой красотке Аткарала — «Малютке, нисходящей к человеку» и, конечно, к ней-то в палатку он нас и повел.

К моей большой радости, нужда и голод уже успели смениться и здесь изобилием. Перед палаткой лежали груды неосвежаванных еще оленей; такое множество, что и не сосчитать было. И понятно стало, что значит для этих эскимосов весенний ход оленей, когда мне, в ответ на выраженную мною при виде такого чудесного мяса радость, рассказали, что всего месяц тому назад они все чуть не пропали с голоду. Сколько ни охотились, дичи нигде не попадалось. Правда, в стойбище было запасено свыше сотни белых песцовых шкурок, но ведь ни у собак, ни у людей не было сил пуститься в дальний путь до озера Бейкера, чтобы купить съестные припасы. И вот старая Кивкарьюк, первая жена Игьюгарьюка, со своим маленьким приемным сыном ушла из стойбища, таща за собой ручные санки. Стояла еще суровая зима,

а целью их странствия было дальнейшее озерко, где могли оказаться форели. Без всяких съестных припасов, без постельных шкур, тащились они вперед, делая лишь самые необходимые короткие роздыхи в холодных снежных хижинах. Озеро оказалось полно рыбой, и Кивкарьюк таким образом спасла всех земляков. Лица их еще носили следы перенесенных ими испытаний.

Но теперь все уже было по-другому. Игьюгарьюк тотчас распорядился приготовить роскошное угощение для нас, и на огонь были поставлены две крупные олени туши в огромных цинковых бадьях.

Я-то ожидал, что попаду к совсем первобытным людям, и вдруг эти рыночные товары! Они бросились мне в глаза сразу по приезде и обещали одно сплошное разочарование. Мы столкнулись здесь с наихудшим видом культуры — с «жестяночной», или «консервной», культурой, результатом торговых поездок. И когда вдобавок в эту самую минуту из палатки Игьюгарьюка раздалась одна из бравурных арий Карузо, воспроизводимая мощным граммофоном, мне показалось, что мы лет на сто опоздали посетить этих людей, которых собирались изучать. Если откинуть их внешность, то можно было скорее подумать, что я попал в стан индейцев, а не эскимосов. Палатки их были островерхими индейскими шатрами из оленьих шкур, с дымовым отверстием спереди, а внутри каждой палатки, налево от входа, горел «увкак» — «шатровый огонь». Женщины поверх своих меховых одеяний носили такие же большие пестрые платки, какие носят индианки. И, к великому моему изумлению, я сделал еще одно открытие: у некоторых на шее висели часы, т. е. крышки; механизм же был разобран и поделен между остальными членами семьи. Единственно подлинным, исконно эскимосским оказался язык. И обитатели становища, как и мы сами, к большой нашей радости, открыли, что гренландский язык понимается здесь сразу; разумеется, это не исключало некоторой разницы в произношении и в диалекте. Игьюгарьюк, не боявшийся немножко польстить, объявил, что я первый из всех встречавшихся ему белых оказался вместе с тем настоящим эскимосом.

Приготовление праздничной трапезы заняло порядочно времени; в ожидании ее занялись кормежкой своих собак, и вышло так, что мы повергли в ужас все становище. Дело в том, что у нас еще оставалась моржовина, захваченная с морского побережья; здесь около озера моржового мяса не видывали, и оно считалось табу (запретным). Вот из-за чего люди и пришли в полное смятение. Но Игьюгарьюк, развивший в себе во время своих торговых поездок известную изворотливость, ограничился запрещением молодым мужчинам стойбища дотрагиваться до моржовины, нам же разрешил

резать ее и кормить ею собак при условии, что мы будем при этом пользоваться лишь своими собственными ножами.

Этот маленький эпизод показал мне, что мы все-таки попали к новым людям, а когда один молодой эскимос Пингока подошел спросить меня: есть ли у тюленей рога, как у оленей, я совсем забыл свое разочарование. Пусть в эту минуту граммофон скрежетал танго и над большим огнем грелись привозные цинковые бадьи — все же я находился среди людей, совершенно отличных от всем известных приморских эскимосов, для которых охота на морского зверя одно из жизненных условий. И хотя мне известно было, что в этих местах появлялись белые, я знал также, что здешние эскимосы никогда и никем по-настоящему не изучались.

Размышления мои были прерваны раздавшимся на все становище криком: «Мясо сварилось! Мясо сварилось!»

И с жадностью людей, только что перенесших голодовку, все мужчины кинулись к палатке Игьюгарьюка. Очередь женщин была после окончания мужской трапезы.

Обе олени туши были нарезаны большими кусками и уложены на деревянные подносы — лотки, поставленные прямо на землю, но так как хозяин мудро сообразил, что наши привычки не совсем совпадают с их собственными, то положил несколько порций на особое блюдо и подал нам. Все накинулись на еду с жадностью собак, торопясь поскорее завладеть лучшими кусками; и хотя я часто бывал на варварских пиршествах эскимосов, но никогда еще не видел столь полного пренебрежения всякими церемониями. Лишь более пожилые мужчины пользовались ножами; люди помоложе, попросту отгрызали мясо от костей, совсем как собаки. Кроме двух оленьих туш, было сварено еще несколько голов. Каждому из членов нашей экспедиции преподнесли по одной, но предложили нам, если угодно, съесть это блюдо потом, в нашей собственной палатке. Радужные хозяева понимали, что мы абсолютно не в состоянии съесть сейчас больше того, чем нас уже угостили. Одним только был обусловлен этот мясной дар: все мы трое должны были твердо обещать, что остатки не будут обглоданы ни женщинами, ни собаками. Особенно священным блюдом считались морды зверей — их никак нельзя было оскорблять.

Затем подали десерт; он состоял из жирных сырых личинок оленьего овода, повиитасканных из шкур только что убитых оленей. Личинки так и кишели на большом мясном лотке, подобно гигантским червям, а на зубах слегка похрустывали.

Под вечер в становище прибыл целый поезд саней с большого острова, находившегося посередине озера. Для тех, кто не привык видеть, как морские эскимосы снимаются с места со своими собаками, это было замечательное зрелище — настоящее переселение народов. Всего-навсего здесь было

шесть саней, тяжело нагруженных и связанных по трое вместе; каждую тройку везла одна пара собак, но им помогали тянуть и мужчины и женщины. На возу позволено было сидеть одной-единственной, высохшей как мумия старухе; она славилась знанием всех обычаев и потому пользовалась необычайным почетом. То обстоятельство, что она была тещей Игьюгарьюка, не уменьшало, конечно, ее престижа.

Не прошло и дня, как мы почувствовали стену между нами и этими удивительными континентальными эскимосами. С виду они вполне доверяли нам и всячески старались удовлетворить нашу любознательность, когда мы расспрашивали их. Вечером я и попытался было завести беседу на главную, интересовавшую меня тему. Я объяснил Игьюгарьюку, слышавшему заклинателем духов по всему Баррен-Граундсу, как важно было бы для меня ознакомиться с их представлениями о жизни, с их верованиями и преданиями. Но тут я уткнулся лбом в стену. Ответ был короткий и определенный: он человек невежественный, ничего не знает о прошлом своего народа, а люди просто врут, говоря, что он заклинатель.

Я понял, что поторопился, что мне еще далеко до настоящего доверия со стороны Игьюгарьюка.

*

В ту ночь я не много спал. Занавеска палатки была откинута навстречу мягкой белой весенней ночи, и я со своего ложа видел между палатками пламя больших костров, с треском пылавших под огромными котлами. Это вываривали из костей жир.

Между палатками играли детишки, не делавшие разницы между днем и ночью. А на бугре сидела кучка молодых людей и девушек, распевая хором: песни были то буйные, дикие, то короткие, заунывные, которые вплетались в мои мысли, пока не убаюкали меня.

ОЛЕННЫЕ ЭСКИМОСЫ

Стоял уже белый день, когда мы поднялись, отоспавшись после пиршества в честь нашего приезда, и хозяин наш Игьюгарьюк предложил немедленно отправиться со мной, чтобы показать свою землю.

Как раз за становищем шла высокая холмистая гряда и с нее открывался вид на окрестности. Озеро оказалось огромным, низкие берега его во многих направлениях уходили за горизонт, отчего создавалось скорее впечатление моря. Индейцы называют его Яткайед, эскимосы — Хиколигьюак, то есть «Большое, никогда не свободное от льда».

Игьюгарьюк с поразительной уверенностью набросал в моей записной книжке карту берегов озера и назвал мне все ближние становища. Лет шестьдесят назад здешнее население состояло из 600 душ, теперь их едва ли наберется 100. Ввоз огнестрельного оружия изменил пути оленей, которые теперь часто обходят далеко кругом старые свои водопои, а когда у эскимосов плохая охота, наступает голод.

День выдался чудесный. Погода вообще страшно неустойчивая (то снег, то буря, то дождь), сегодня стояла тихая, мягкая и ясная. Озеро вскрылось у истока реки, и на толстом исковерканном зимнем льду блестела чистая вода, а над ней подымалась легкая дымка пара. Стаи водяных птиц нашли себе здесь полное раздолье и подымали невероятный крик и шум, когда среди них садились новые стаи.

Вокруг нас по земле журчали ручейки тающего снега. Весна пришла на пустынные равнины, и скоро земля и цветы покажутся из-под снега.

Стада диких оленей подходили к нам совсем близко, но сегодня у нас не захватывало дух от охотничьего ража, когда мы видели их на выстрел от себя. Мяса у нас было пока вдоволь, и мы сегодня хотели быть только доброжелательными наблюдателями мира животных.

Повсюду кругом виднелись кучи камней, наваленных, чтобы преградить путь оленям и дать прикрытие охотникам; виднелись также многочисленные охотничьи знаки — камни, увенчанные кучками торфа — подобия человеческих голов. Все это остатки прошлого, тех времен, когда охота велась систематически и оленей гнали до самого места переправы, где их били копьями охотники, сидевшие в каяках.

Игьюгарьюк стал рассказывать мне о всевозможных способах охоты на оленей, и особенное впечатление произвел на меня рассказ о невероятной уверенности, с какой ловкий охотник маневрирует в каяке между водоворотами. Теперь с распространением огнестрельного оружия скоро сожжен будет на Баррен-Граундсе последний каяк, но еще не так много лет тому назад континентальные эскимосы столь же смело и ловко управляли каяками, как и приморские.

Старые воспоминания овладевают Игьюгарьюком, и он рассказывает мне о том, как олени начинают покидать свои леса около середины апреля, как переходят с места на место по направлению к озеру Бейкера и оттуда разбредаются по побережью.

Как только солнце начнет пригревать, всех зверей охватывает загадочная тяга к перемене места и гонит их из укромных лесных убежищ. Частенько они слишком торопятся выбраться, и неожиданная пурга иногда загоняет их обратно. Но в следующий раз в путь пускается еще большее число оленей, и они осторожно трусят вперед по старым тро-

пам. Им известно, что у них есть враги, которые стерегут их там, где они меньше всего опасаются. Поэтому они, даже когда останавливаются отдохнуть и покормиться, всегда бдительны и расставляют вокруг своего стада сторожевых оленей.

Открывают грандиозный весенний ход стельные оленихи, их шествие замыкают резвые молодые телки. По пятам за ними идут молодые бычки, почти еще телята; они неуклюже бредут следом за этой самоуверенной красотой. Когда пройдут эти отряды, ход на несколько недель прекращается, и лишь в августе показываются быки. Они бегут большими стадами, покрывают все пастбища и медленно, отъедаясь, подвигаются вперед, туда же, куда ушли остальные. Они уверены в своей силе и победе, когда придет пора случки. Они еще не совсем вылиняли, шеи и спины у них белые, и при взгляде на них кажется, что черная земля вокруг покрылась живыми снежными сугробами.

В былые времена, когда охота велась еще с каяков, весной охотились только для домашней потребности: весенние олени худы, и шерсть на них облезлая. Поэтому главная охота откладывается на осень, когда олени, жирные и ленивые, с лоснящейся мягкой шкурой, идут обратно в свои леса. Идут они тогда большим стадом: коровы с новорожденными телятами, телки и бычки, которые уже не держатся теперь отдельно. Такое тесно сбитое стадо не в состоянии бежать, особенно если загнать его в узкий проход, и становище может в один день обеспечить себя мясом на всю зиму.

Спускаясь с Игьюгарьюком к становищу, мы различили далеко-далеко на горизонте лесную опушку, но солнце освещало ее так, что я не мог хорошенько разобрать — гряда ли это холмов или лес. Я и спросил Игьюгарьюка, что это, а он ответил: «Это Напартут — «Те, что встают». Это не настоящие леса, откуда мы берем деревья для наших длинных саней; те еще дальше. Мы верим, что деревья в лесу живые, и потому не любим ночевать между ними. Тот, кому редкий раз приходится поневоле сделать это, может рассказать, как они ночью шепчутся и стонут на языке, непонятном человеку. Это говор лесов».

Так Игьюгарьюк раскрывает мне характерный контраст между двумя соседними племенами: индейцы крайне неохотно располагаются на ночлег вне лесной защиты, тогда как эскимосы боятся ночевать в лесу.

Мы наглядеться не могли досыта на окружающее. Все звери славили весну — и зайцы, и лемминги, и горностаи, и сурки нежились на солнце в высокой траве, не помышляя о еде, а лишь упиваясь теплом и светом. Они грезят о вечном лете и предаются наслаждению, которое заставляет их совсем позабыть о врагах, грозящих их существованию. Даже

волки, эти мастера по части засад, отыскав свое прошлогоднее логовище, думают только о приплоде, который увеличит семью. Через две недели логово будет полно волчат, и тогда родителям придется выходить лишь по очереди — у лисиц острый нюх на всякую молодь, даже когда солнце печет всю. Внизу у больших речных полыней так и стрекохот морские ласточки и чайки, крикают утки, которые не понимают, почему это кайра вечно плачется, даже когда ей всего радостнее. О, эта жизнь, это благодатное плодородие, когда мерзлая земля дыханием своим помогает таянию, помогает растениям пустить корни!

Как белый плавающий лед, блестит на речном берегу песок, на котором оставляют свои следы быстроногие журавли; все пернатые кричат и шумят, не думая о великой мелодии природы, пока стая диких гусей не бросается вдруг в полынью, отчего вода расплескивается, и вся мелюзга замолкает.

Мальчуган, до изнеможения бродивший когда-то по берегам озера, нашел, отдыхая, те слова, что напевает сейчас старый Игьюгарьук:

Озеро чудное с быстрыми льдинами!
Солнце и лед!
Ломит все тело, усталостью налито.
Я отдохну,
Я наслажусь несказанною радостью,
Найденной здесь, на твоих берегах!

Солнце стоит уже низко над горизонтом, и небо и вся земля горят ярким пламенем.

— Молодой человек умер и идет на небо,— говорит Игьюгарьук,— и великий дух наряжает небо и землю в красные, праздничные цвета, чтобы приветствовать душу умершего.

*

2 июня вся экспедиция в сборе, так как прибывают Биркет-Смит и Бангстед с остатками нашего имущества. Погода переменилась. Десять градусов ниже нуля, ясное небо, ветер метет снег.

Для укрепления нового знакомства я потратил несколько дней на совместные охоты и на покупку разных мелких предметов, имевших этнографический интерес. Я понял, что надобно известное время для завоевания полного доверия этих людей. Конечно, большинству из них не впервой было вести торг с белыми, но свое мировоззрение, мысли о жизни и смерти они оставляли при себе, не желая обсуждать их с чужаками. И я надеялся, что все, так поразившее нас при нашем прибытии, только внешнее, а внутренняя жизнь их столь же проста, примитивна, как и жизнь других, встречавшихся нам эскимосов.

Вообще это были люди спокойные, неторопливые; теперь, когда перед палатками лежали груды неосвежеванных оленей, охотничий пыл их заметно остыл; мужчины наслаждались кочевой жизнью, а женщины прилежно работали. Это они таскали для костров прутья и хворост, иногда очень издалека, меся грязь по колено; они свежевали убитых оленей и следили за кострами. Вся эта работа накладывала на них свою печать; им незачем было дожидаться старости, чтобы лицо их покрылось морщинами; глаза у них часто бывали красными и слезились от дыма костров, а руки были крупные и грязные, рабочие руки с длинными грубыми ногтями. Работа съедала всю их женскую прелесть, но они оставались веселыми, неприхотливыми и приветливыми.

Нам-то было на руку, что мужчины бездельничали,— это давало возможность выкачивать из них нужные сведения. И когда дело шло о повседневном их быте, они охотно просвещали нас. Из их рассказов мы вынесли впечатление, что они живут, совершенно не завися от моря, и это нас особенно поразило. Правда, торговые поездки приводили некоторых из них к общению с приморскими эскимосами, но многие никогда не видывали моря. Этим и объяснялось строгое «табу», наложенное на всякого морского зверя. Старики держались того мнения, что предки всегда обитали в глубине материка и жили исключительно охотой на оленей и пернатую дичь да ловлей форелей.

У каждого охотника имелось современное ружье, и им нетрудно было настрелять столько песцов, сколько нужно для обмена на патроны. Но они не соображали, что именно это опасное огнестрельное оружие стало виной так часто переживаемой ими теперь нужды. В старину, разумеется, всякое звероловство гораздо больше, чем теперь, было связано с определенными временами года, но хитроумные эскимосские способы и орудия лова обыкновенно обеспечивали охотникам столь богатую добычу, что запасов хватало и на «мертвое» время, когда никакой дичи не попадалось, нужно было только иметь удачу в охотничьем сезоне да набить мясом зимние свои склады.

Первым условием для охоты была разбивка стойбищ на самых путях оленьего хода, пути эти были различны весной и осенью. Отсюда кочевой образ жизни населения. Но люди всегда возвращались обратно к месту старых своих становищ, чтобы основательно, как требовали условия охоты, подготовиться к следующему охотничьему сезону. Дело в том, что охота в открытом поле при помощи лука и стрел давала скудную добычу. Приходилось подкрадываться к зверю чуть не вплотную, и на это часто уходили целые дни: олени были пугливы, а стрельба из лука для уверенности в меткости и смертоносности выстрела требовала весьма близкого расстоя-

ния; эти затруднения преодолевались охотниками следующим образом.

В два ряда, чтобы получилось подобие аллеи, ставились на ребро крупные продолговатые камни или складывались островерхие кучки из камней и прикрывались сверху кучками торфа, как шапкой, что на известном расстоянии напоминало человечьи головы. Один конец аллеи делался очень широким и приходился как раз так, чтобы олени, сбегая с гребней холмов, сразу попадали в аллею. Женщины и дети преследовали оленей сзади, размахивая шкурами и завывая по-волчьи. Олени, полагавшие, что люди у них и позади и по бокам, не видели иного пути к спасению, как продолжать бегство вдоль по аллее, которая все суживалась и суживалась. По обе же стороны ее, за каменными прикрытиями, были устроены охотничьи засады, мимо которых оленям приходилось пробегать на расстоянии выстрела, так что немалое число их падало жертвами этого хитроумного способа.

Та же система засад практиковалась для охоты около мест переправы оленей через озера и реки. Разница заключалась лишь в том, что охотники, притаившиеся на воде около берегов, нападали на оленей не раньше, чем те искали спасения в воде. Плавают олени не особенно быстро, и охотникам в каяках нетрудно было нагонять их и убивать копьями. Если место переправы было широко и оленье стадо многочисленно, добыча при таком способе охоты бывала столь обильной, что вся поверхность воды покрывалась плавающими тушами убитых оленей.

Практиковался и еще один хитроумный способ охоты на оленей зимой в местах их зимовок: в глубоком снегу рыли ямы, прикрывали их сверху прутьями и тонким слоем снега, посыпали оленьим мохом и обрызгивали собачьей мочой. Привлеченные запахом, олени проваливались в ямы.

В сравнении с охотой на оленей все остальное было лишь подсобным промыслом. Рыбу били острогой, ловили на крючок; птицу, зайцев, леммингов и сурков — силками. На водяную птицу охотились главным образом с каяков при помощи небольших острог в осеннее время, когда птица линяла и была тяжела на подъем.

Игравший прежде огромную роль в жизни континентальных эскимосов каяк — длинный, узкий с высокими бортами и потому очень стройный — отличался, вдобавок, большой легкостью, так как деревянный скелет его обтягивался выскобленными оленьими шкурами. Управляемый привычным человеком каяк может развивать поразительную скорость. Когда же охота ведется на реках с бурными водоворотами, от гребца требуется особенная ловкость, чтобы не потерять равновесия. Неустанно гребя и лавируя в пенистых струях водоворота, он в то же время должен каждую минуту быть

готовым метнуть правой рукой копьё в кучку оленей, которые ищут спасения преимущественно в трудно доступных местах.

Увидав, как континентальный эскимос бросает каяк в речные стремнины, я вынужден был признать, что он не уступал искусством лучшим гренландским гребцам, бороздящим море в своих каяках.

Снежная хижина — единственное зимнее жильё континентального эскимоса, но за неимением сала и ворвани он не в состоянии отапливать жилище, хотя температура воздуха в холодное время года нередко падает ниже —50°. И освещается хижина в долгие темные вечера только чадающей сальной свечкой: фитиль скручивается из мха и обмакивается в растопленное оленьё сало. Но люди эти так закалены, что утверждают, будто они никогда не зябнут в своем жильё, какая бы погода ни стояла. В защиту от буранов крыши так пригнаны к хижинам, что составляют одно целое с сугробами, из которых сооружены.

Жилое помещение находится в глубине хижины; ее передняя часть, соединенная с жилой узким проходом, делается с совершенно отвесными стенами, чтобы они не таяли; это «ига», т. е. кухня. Здесь готовят пищу, если могут раздобыть топливо, что случается далеко не каждый день в такое время, когда вся земля под толстым снежным покровом. Бывает, что несколько дней подряд приходится обходиться одним мерзлым мясом без единого глотка горячего навару, чтобы согреться.

Чтобы постоянно иметь воду для питья, снежные хижины возводят у берегов озера, во льду которого всегда поддерживается открытая прорубь, защищенная снежным колпаком. Континентальные эскимосы, как и все прочие эскимосы, питающиеся исключительно мясом, поглощают невероятно много воды.

Одно только причиняет им настоящие затруднения — просушка обуви, когда они возвращаются с длительной охоты домой в мокрых чулках. Если эскимосы богаты шкурами, они бросают вымокшую обувь и заменяют ее новой, а если нет, то вынуждены просушивать ее ночью у себя за пазухой.

В мае снежные хижины тают и разваливаются; люди перебираются в палатки, — часто очень большие, прекрасные, целиком из оленьих шкур, и островерхие с дымовым отверстием наверху, похожие на индейские вигвамы. Перед местом хозяйки дома очаг, где варится вся пища, так как погода обычно очень ветреная. Можно было бы предположить, что вместе с теплом наступает время тихого уюта, но это далеко не так. Варка пищи внутри палатки не позволяет завешивать входное отверстие, и люди сидят либо на сквозняке, либо в густом дыму, что, впрочем, их как будто не стесняет.

Так в общих чертах проходит повседневная жизнь этих людей, наверно самых закаленных на свете. Страна их предлагает суровые условия жизни и все же кажется им лучшей в мире. Нам особенно бросались в глаза резкие контрасты их существования: либо тяжелая нужда, либо такое чудесное изобилие, которое заставляет их забывать как о всех уже пережитых невзгодах, так и о бедах, стерегущих во мраке грядущих зим.

ИСКАТЕЛИ ПРАВДЫ

Игыюгарьюк, так определенно утверждавший, что он не заклинатель духов и ровно ничего не знает из древней истории своего народа, скоро переменял фронт, почувствовав ко мне доверие и поняв, как серьезно отношусь я ко всем этим вопросам. Поэтому мне удалось с его помощью заглянуть в глубины эскимосской культуры, во многом для меня совершенно новой. Сведения давались шаткие и разрозненные, но то-то и хорошо, ведь мне и хотелось получить понятие о самом первобытном мировоззрении.

Философия Игыюгарьюка была проста и прямолинейна настолько, что его теории часто оказывались поразительно современными. Все его мировоззрение можно резюмировать следующими его же собственными словами: «Истинную мудрость можно обрести лишь вдаль от людей в великом уединении, и постигается она лишь путем страданий. Только нужда и страдания могут открыть уму человека то, что скрыто от других».

От Игыюгарьюка узнал я, что заклинателем человек становится не потому, что сам этого захочет, — некие таинственные силы мира дают ему почувствовать, что он избран, и это избрание принимается им как откровение во сне.

Великую силу, управляющую судьбой всех людей, называют Х и л а, и ее очень трудно объяснить. Слово это имеет три смысла; оно означает: и весь мир, и погоду — хорошую или плохую, и смесь здравого смысла, разума и мудрости. В религиозном смысле слово это употребляется, когда говорят о силе, которой могут быть наделены люди, и олицетворяется она ближе всего Хилап Инуа — «господином силы». Часто название это обозначает и другую силу — духа в образе женщины; он пребывает где-то во Вселенной и появляется лишь, когда в нем особенно нуждаются. Но все боятся этой силы, как строгой правительницы, проверяющей все дела людей. Она вездесуща и дает знать о себе, как только ее вмешательство требуется.

Одна из главных заповедей велит людям относиться к своей насущной пище с глубоким благоговением, чтобы ничто из нее не пропадало. Убив оленя, следует поэтому строго

соблюдать известные обряды для воздания должной чести убитому зверю; необходимо также тщательно схоронить все, что не пойдет людям в пищу,— даже если это требуха.

Все табу налагаются ради Хилы, чтобы не нарушить добрых отношений с ней. Требуется от людей немного, зато всякое нарушение с их стороны строго карается, то есть на них насылается непогода, болезнь или неудача на охоте — все то, чего они больше всего боятся.

Заклинатель духов — посредник между Хилой и людьми, и главная его задача исцелять больных или спасать тех, кого гонит злоба других людей. Чтобы выздороветь, больной человек должен отдать все свое имущество; все принадлежащие ему вещи уносят и кладут на землю вдали от стойбища, ибо когда человек призывает великого духа, у него не должно быть иного достояния, кроме его духа.

В молодости Игыюгарьюка часто посещали сновидения. Странные существа говорили с ним во сне, а когда он пробуждался, сновидения стояли перед ним, как живые, так что он мог описать их своим землякам. Когда, таким образом, всем стало ясно, что ему предназначено сделаться заклинателем, один старик по имени Перканаок стал его учителем. Среди зимы, в самое холодное время увез он Игыюгарьюка на санках далеко-далеко от стойбища, на ту сторону озера Хиколигыюак. Там он должен был сидеть на санях, пока старый заклинатель складывал для него снежную хижинку такой величины, чтобы он только мог поместиться в ней, сидя на корточках. Игыюгарьюк не должен был запятнать снег, ступая на него, и потому старик, чьи следы почитались чистыми и священными, сам перенес его в хижину. Несмотря на сильный холод, Игыюгарьюку не дали ни подстилки для ложа, ни мехового одеяла; лишь небольшую шкуру, только-только чтобы присесть. Не оставили ему и никакой еды — ни сухой, ни мокрой. Старик-заклинатель внушил ему, что он должен думать только о великом духе и о том духе-пособнике, который должен ему явиться. Затем старик оставил Игыюгарьюка одного. Через пять дней старый заклинатель вернулся и принес ему немного теплой воды в оленьей шкуре. После того он голодал еще пятнадцать дней, опять получил немного теплой воды и крохотный кусочек мяса, а там снова десять дней голодания; и лишь тогда окончилась первая часть срока его испытания.

Игыюгарьюк рассказывал: за эти тридцать дней он перенесся такого холоду и голоду, так истомился, что временами «умирал ненадолго». Но он все время думал о великом духе, стараясь гнать от себя все мысли о людях и повседневных событиях. И лишь под конец его поста явился к нему дух-пособник в образе женщины. Явилась она, когда он спал, и ему чудилось, что она носится над ним. Потом она ему

больше не снилась, но стала его духом-пособником. По истечении этого долгого месяца в холоде и голоде ему еще пять месяцев пришлось провести в строгом воздержании и не водиться с женщинами. Затем пост повторился. Ибо чем больше страдает человек, тем больше становится он способен заглянуть в скрытое от других. В действительности время учения никогда не кончается: от себя самого зависит, сколько времени учиться — смотря по тому, сколько пожелаешь знать.

Впоследствии, когда Игьюгарьюк уже считал себя достаточно сведущим, чтобы выступать перед людьми, он установил такой обряд вызывания духа: собирал своих земляков и приказывал им устроить праздник песен. Сам он, пока певцы состязались, уносился, несмотря ни на какую погоду, в пространство и вместе с великим духом пытался выяснить тот вопрос, который его занимал. Если задача была особенно трудная, ему приходилось странствовать по несколько суток подряд, возвращаясь лишь по утрам к себе в хижину, к продолжавшим празднество землякам, чтобы рассказать им о видениях во время своего отсутствия.

У каждого заклинателя имеется священный пояс, играющий важную роль при вызывании духов. Я получил такой пояс от заклинательницы Киналик — обыкновенный ремень, к которому были привешены следующие предметы: отщепина от ружейного ствола, обрывок тетивы, табачная бандероль, лоскут от шапки покойного брата заклинательницы, лоскуток белой оленьей шкурки, жгут из лозы, модель каяка, олений зуб, рукавица и лоскуток тюленьей шкуры. Все эти предметы приобрели волшебную силу, так как были получены заклинательницей от людей, желавших ей добра. Значение дара не в его величине или стоимости; не ценность подарка, но связанная с ним мысль дает силу.

Такой волшебный пояс употребляют вместе с волшебным жезлом. Жезл крепко привязывают к поясу, который прикрывают шкурой, а свободный конец жезла всегда в руках заклинателя. И, когда он вызывает духа, последний, проходя сквозь землю, вселяется в пояс. О появлении духа свидетельствует вес жезла; он становится таким тяжелым, что заклинатель не в силах поднять его кверху. И вот тогда заклинатель может заговорить с духом и получить от него желанные сведения.

Оленные эскимосы весьма мало думают о смерти, но верят, что все люди возрождаются, ибо душа бессмертна и всегда переходит из жизни в жизнь! Люди хорошие опять становятся людьми, а дурные возрождаются животными, таким образом населяется земля, ибо ничто, получившее жизнь однажды, никоим образом не может исчезнуть, перестать существовать.

ЯЗЫЧЕСКОЕ БЛАГОСЛОВЕНИЕ

За несколько дней до нашего отъезда решено было устроить большой певческий праздник в палатке Игьюгарьюка, собрав столько народу, сколько вместит палатка. Певец, стоя на полу посредине, пел с закрытыми глазами, покачивая бедрами в такт песне, а женщины, скупившись на лежанке, время от времени подхватывали песню хором, сливая свои высокие голоса с мужскими басами. Вот несколько текстов спетых песен:

Песни Игьюгарьюка

Яй-йяй-йяй,
Я-аяй-я!
Во весь свой дух я мчался, заведя их в долине —
быков пахучих, крупных, с блестящей черной шерстью.
Хаяй-я-хая!
Я в первый раз их видел, цветы они щипали,
от той скалы далеко, где я один стоял.
Неопытному глазу казались небольшими и слабыми они...
Но из земли как будто они росли, когда я
к ним подходил на выстрел,—
Огромные, свирепые... далеко от жилья,
Далеко от просторов, где лов идет веселый.

Песня Аванэ

Ах, ищу, выслеживаю жадно зверя меж холмами!
Иль я дряхлым стал и слабым, что гоняюсь без удачи?
Я, без промаха стрелявший в цель из лука,—
стоя прямо, без опоры,—
Так что бык ширококорый, вниз летел стремглав с обрыва,
мордой в землю зарывался.

Женщины лишь изредка поют свои собственные песни, так как по существующему своеобразному обычаю ни одна женщина не смеет слагать песен без особого на то поощрения со стороны заклинателя. Как правило, они должны довольствоваться песнями мужчин.

Но в случае если сам дух потребует от женщины песни, она свободно может выйти из хора и следовать своему вдохновению. Из женщин этого стойбища только две были избранницами духов: одной из них была первая, ныне отвергнутая жена Игьюгарьюка, вторая — Акьярток, старая мать Қиналик.

Песня старухи Акьярток

Тяжко дух перевозжу; теснит мне сердце скорбь,—
я песнь свою зову...
Жаром песни опалили сердце мне лихие вести
О голодных муках родичей, лишенных зимней дичи.
Вот зачем зову я песню свыше, песню свыше —
Хаяя!..

Я пою и забываю то, что грудь палит, теснит мне дух,
Помню только дни былые, дни, когда была сильна я.
Дни, когда себе не знала равной в спешке свежевания,
Дни, когда с убойной одна справлялась,
И для вяленья срезала мясо с целых трех быков.
Гляньте! Сочными ломтями все разложено на камнях
Раньше, чем над головою встанет солнце!
Свежим и прохладным утром, ранним утром.

Кроме обычных охотничьих песен и лирических, поются также песни уничижительные, поносящие, безжалостно разоблачающие ошибки и пороки жителей стойбища. Двое мужчин поют их по очереди друг про друга и беспощаднейшим образом изобличают один другого в присутствии всех друзей и соседей. Такие песни обычно заканчиваются кулачным боем.

*

В разгаре праздника было сообщено, что Киналик вызовет своих духов-помощников, чтобы расчистить наш путь от всяких опасностей. За помощью решено было обратиться к Хиле. Пение смолкло, и заклинательница осталась одна стоять посреди палатки, плотно стиснув веки. Она не творила заклинаний, но временами лицо ее передергивалось от боли, и она начинала дрожать всем телом. Таков был ее способ заглядывания в таинственную глубь грядущих дней; все дело заключалось в том, чтобы собрать все свои силы и сосредоточить все свои мысли на одном — желании добра тем, кому предстоял путь.

Когда воля и мысль Киналик достигли наивысшей точки экстаза, мне было предложено выйти из палатки и отыскать себе местечко на снегу, где нет ничьих следов. Там я должен был оставаться, пока меня не позовут назад. На этом чистом, никем не топтанном снегу я должен был предстать перед Хилой — молчаливый и смиренный, с опущенным взором, и пожелать про себя, чтобы небо, погода и все силы природы заметили меня и прониклись состраданием ко мне.

Это был своеобразный, но красивый молитвенный обряд, после которого меня позвали в палатку. Лицо Киналик было по-прежнему простым и естественным, но сияло. Она сообщила мне, что великий дух выслушал ее и что все опасности будут удалены с нашего пути, а всякий раз, как нам понадобится свежее мясо, у нас будет удачная охота.

Все приветствовали это пророчество одобрительно и радостно, а мы живо почувствовали, что эти люди по-своему — просто и наивно — сделали для нас все что могли, благословив наш путь.

Я поверил их слову, и моим жертвенным даром были красивые бусы.

После того как реки вскрылись и олени прошли, настроение в стойбище стало тревожным. Игыюгарьюк давно говорил о своем намерении отправиться на каяке вниз к озеру Бейкера, чтобы продать там песцовые меха, и так как ему хотелось вернуться назад вовремя, до осенней охоты, то он уже начал понемножку готовиться в путь. Но вот однажды приплыл другой каяк, державшийся берегового течения Хикоглигьюака, и выяснилось, что он тоже направляется к озеру Бейкера; мы и решили, что Биркет-Смит с Хельге Бангстедом присоединятся к нему, а я с Гагой отправлюсь попозже вместе с Игыюгарьюком.

Расстояние до озера Бейкера было, в сущности, невелико — около 400 километров по тому пути, которым мы собирались ехать, но трудность заключалась в том, что нам с Гагой предстояло всю дорогу пробираться болотистой бесснежной тундрой, поскольку не могло быть и речи о погрузке дюжины собак на наш маленький каяк. Пустить их бежать свободно за нами тоже не годилось, так как мы рисковали потерять их, если бы им вздумалось на свой страх гоняться за оленьими стадами, встречи с которыми мы ожидали.

Выступая в путь рано утром 26 июня, мы были готовы к наихудшему, и все же скоро убедились, что действительность превзошла наши худшие ожидания. В лучшем случае санный путь пролегал по размякшим кочкам и мокрым луговинам; и даже в тех местах, где никак нельзя было ожидать этого, мы натыкались на целые реки, которые приходилось переходить вброд. Часто эти водные потоки вдобавок оказывались настолько глубокими, что мы поневоле забирались далеко в глубь суши к озерам, из которых они вытекали, и лишь таким путем нам удавалось, переплывая через них на льдинах, добираться до нескрытых еще озер.

Одно только подбодряло и развлекало нас во время однообразных дневных переходов — богатая птичья жизнь кругом. Были в самом разгаре кладка и высиживание яиц, и вокруг нас шумел хор больших и малых болотных птиц, для которых здешняя тундра, по-видимому, настоящий рай.

Игыюгарьюк плыл по течению реки; его сопровождала младшая жена, двое детей и приемный сын. Каяк был так перегружен, что страшно становилось, когда его подхватывал стремительный поток. В это время года, когда тысячи ручьев соединяются вместе и сливаются с рекой Казан, последняя становится могучей рекой, достигающей в некоторых местах нескольких километров в ширину. Мы с Гагой старались, по возможности, каждый вечер встречаться с плывшими в каяке, но так как они плыли вниз с большой скоростью и не имели возможности учесть трудностей нашего сухопутного пути, то

нам не всегда удавалось одновременно с ними добираться до их места привала. Но Игьюгарьюк всегда терпеливо ждал нас и никогда не отплывал, не указав нам наилучших путей. Время ожидания он проводил на охоте или на рыбной ловле, и мы всегда могли рассчитывать на праздничное угощение в его палатке.

*

3 июля мы достигли стойбища Нахигтарторвик, где весной пережили ужасную грозу вместе «с людьми водоворотов». Пукердлук — «Грязнобелый», как звали главу, принял нас самым радушным образом. Охота на оленей благодаря его мудрому руководству была чрезвычайно удачной, и он мог встретить нас «выставкой» не менее дюжины только что освежеванных оленьих туш. В эту пору года у самцов уже отлагается жир на хребтовине и на окороках, и эти части считаются лакомым блюдом как в сыром, так и в вареном виде. Языки, головы и наштигованные жиром сердца варятся в больших котлах как праздничное угощение для мужчин, строго запретное для женщин.

В Нахигтарторвике стояло шесть палаток, и перед каждой пылал большой костер, на котором варилось в котлах мясо. Перед самой просторной из палаток лежали большие плоские камни, и обе жены Пукердлука все послеобеденное время заняты были вылавливанием из котлов самых лакомых кусков и выкладыванием их перед нами.

К нашему разочарованию, мы узнали, что забитая льдом река еще непроходима для перегруженного каяка Игьюгарьюка. К счастью, мы с Гагой могли продолжать наш путь, — только бы нас проводили до места переправы. Пукердлук с Игьюгарьюком и должны были сопровождать нас туда вместе с молодым эскимосом Кьюорутом, который затем отправлялся с нами до озера Бейкера.

На следующее утро мы сердечно распрощались с женой Игьюгарьюка, которая всю весну была для нас настоящей матерью, и пустились сухим путем к большому, покрытому льдом разливу реки.

В тот же день вечером мы увидели палатку, разбитую как раз напротив места нашей переправы через реку Казан. Мы шумно, весело подошли со своими санями и собаками к месту переправы, но все время, пока она длилась, палатка не подавала и признаков жизни, а когда мы вошли в нее, нас встретило печальное зрелище: людей оказалось всего с десятков, причем большая часть их была настолько истощена голодом, что они не в состоянии были подняться с лежанок. Старый веселый хозяин Хилиток, с которым мы уже встречались во время своей рекогносцировки, лежал бледный, истощенный в самом дальнем углу палатки. Мы сразу вски-

пятили чай, и когда люди выпили, сколько осилили, то немного оживились и вернули себе частицу старого своего благодушия. Два молодых сына Хилитока еще не совсем обессили, и мы уговорили их отправиться с нами следующей ночью попытать счастья на охоте. Индейский челнок, ненужный нам больше, мы оставили, а взамен нам одолжили два каяка, на которых мы должны были переправиться через последний опасный поток раньше, чем нас покинут Пукердлук с Игьюгарьюком. Перед отъездом мы подарили обитателям палатки фунт чаю и всю оленину, взятую нами с собой на корм собакам. Кроме того, мы им обещали, что молодые эскимосы вернутся к ним с таким запасом мяса, какой только в состоянии будут унести. Затем мы двинулись дальше по огромной тундре — все семеро людей вместе.

После пятичасового перехода мы очутились на верхушке небольшой скалы, откуда увидели оленье стадо в 14 голов. Мы застрелили трех и отослали одного целиком в «Голодное стойбище».

Поздно ночью мы вышли к реке Кунвак, куда обещал проводить нас Игьюгарьюк. И как только наш скромный багаж, сани и собаки были переправлены на тот берег, наши усердные проводники покинули нас, а мы принялись жарить на плоских камнях лакомые куски только что убитых нами оленей. Настроение было отличное, так как теперь перед нами лежал свободный путь к озеру Бейкера.

Сытые и вялые побрели мы в ночной прохладе дальше по мокрой тундре; утомительное чмокание почвы под ногами не подгоняло нас, и лишь в 6 часов утра мы добрались до трех палаток, обитатели которых, к нашему удивлению, тоже лежали полуголодные. Мы привезли с собой на санях большую часть двух оленьих туш, и свежее мягкое мясо быстро исчезло, словно испарилось, как роса на солнце.

Еще двое-трое суток, и мы, наконец, сделали привал на берегу озера Бейкера, откуда виднелась станция торговой компании, расположенная на островке. Но слившиеся многочисленные ручьи и речки отрезали лед от берега, так что нам было не переправиться своими силами. Насобирав хвороста и вереска, мы развели большой костер, и дым от него потянулся в безветренном воздухе предвечерья прямо кверху белыми витыми столбами. Восемь часов подряд поддерживали мы огонь, но солнце стало садиться, а на льду озера так и не показался никто с каяком, столь нам необходимым, и у нас опустились руки.

Вечер был необычайно тихий, и никому не захотелось ставить палатку; поэтому мы попросту улеглись среди собак отдохнуть до утра, когда можно было ожидать пробуждения на станции. Несмотря на разочарование и усталость, я все-таки не мог удержаться, чтобы не приоткрывать время от

времени глаз и не посматривать вокруг. По мере того как солнце садилось, небо становилось светло-голубым, как гигантский цветок колокольчика, а вокруг жаркого заходящего солнца сгущались резкие зеленоватые тона. Мы лежали у подошвы скалистой горы «Шапка», холодным стражем вставшей над всей низменностью — обширной страной оленей. В сумерках сверкали озерки тысячами светлых глазков, а когда солнце совсем скрылось, смолкли все птицы, затих даже вызывающий хохот белых куропаток.

*

На следующее утро мы высмотрели себе льдину и переправились на ней, гребя лыжами, как веслами. Высадились на твердый лед и спустя несколько часов достигли станции, где ожидал нас в компании Биркет-Смита и Хельге Бангстеда сам управляющий мистер Генри Форд с завтраком из масла, французской булки, кофе, сыра, калифорнийских фруктов!

*

31 июля мы были опять возле колонии Честерфилд, мимо которой так быстро проехали в период злейших буранов, во время своей экскурсии. Селение во многом похоже на торговые поселки Гренландии. Здесь находится одна из крупных станций Торговой компании Гудзонова залива, снабжающей окрестные колонии товарами; здесь же католическая миссионерская база, руководителем которой является знаменитый исследователь эскимосов отец Тюркетиль; здесь, наконец, и казармы конной полиции, откуда всю зиму разъезжают по всему побережью и углубляются в страну патрули. Мы были приняты как старые друзья, и этот короткий отдых и комфорт, которым нас окружили, очень освежил нас. 9 августа прибыл пароход Гудзоновской компании, и мы могли послать в Данию первые свои более подробные сообщения. Нам все-таки не терпелось поскорее вернуться на Датский остров, и вот 24 августа мы отправились к Репалс-Бею на шхуне «Форт Честерфилд». Там мы узнали от капитана Кливленда, что Петер Фрейхен и Теркель Матиассен закончили свою большую санную поездку на Баффинову Землю с прекрасными результатами, географическими и этнографическими. В настоящее время Фрейхен занимался съемками в окрестностях Датского острова, а Теркель Матиассен с Якобом Ольсеном после двухмесячных удачных раскопок на месте древнего стойбища Науян, где нашли важные памятники до сих пор неизвестной древней эскимосской культуры, отплыли на остров Саутгемптон продолжать исследования, входившие в программу нашей экспедиции.

18 сентября мы уже вернулись на Датский остров после полного приключений рейса на китобойном судне через забитый льдами Фрозен-Стрейт. Первая зимовка прошла и началась вторая. Все наши поездки давали каждому из нас основания радоваться достигнутому результату. Имея базу на Датском острове, где находилась наша главная квартира, мы постоянно бывали в разъездах, и дневники наши обогатились разнообразным материалом — записями научных исследований и личных переживаний. Кроме того, нам удалось собрать научные коллекции, самыми важными из которых были в соответствии с характером экспедиции — этнографические.

ИНТЕРМЕЦЦО

Арктическая осень вовсе не такое неприятное время года, как многие думают. Незаметно скользяшь ей навстречу из живой страны лета, видишь природу, застывшую от холода, но и не думаешь со страхом о мраке, ждущем впереди, или о бурях и выюгах, сквозь которые придется пробиваться. Напротив! Над всеми чувствами господствует чувство надежды, связанной с первым снегом, с первым льдом. Зима ведь не враг, она великая помощница, перекидывающая мосты через моря, прикрывающая голые камни гор и сглаживающая раскислины. И как только санный путь делает поездку возможной, тебя неудержимо тянет вдаль, рождаются новые планы, и ты только и ждешь с нетерпением, чтобы мороз покрепчал.

Всем нам не терпелось поскорее сняться с места, чтобы взяться за задачи, которые хотелось разрешить раньше, чем мы покинем Гудзонов залив. Одна только осталась у нас работа, мешавшая приступить к делу: Теркель Матиассен и Якоб Ольсен еще не вернулись с острова Саутгемптон, а до установления с ними связи невозможно было отправиться в дальнюю поездку. Различные наши планы были так тесно связаны между собой, что мы не могли обойтись без своих товарищей. Петер Фрейхен, Матиассен и Бангстед должны были отправиться на Баффинову Землю для продолжения работ, начатых последней зимой, а Биркет-Смит и я — проделать первую часть поездки на запад. И хотя остальные участники экспедиции, которым уж слишком долго приходилось ждать, могли, пожалуй, отправиться к местам своей работы немедленно, я все же был прикован к окрестностям Датского острова до тех пор, пока все наладится.

*

Рождество прошло у нас тихо: нам впервые серьезно не доставало отсутствующих товарищей, хотя мы и не могли особенно беспокоиться за их судьбу. Столовую нашу мы укра-

сили двумя большими датскими флагами, а под потолком протянули шнуры с гирляндами, фунтиками и сердечками собственной работы.

Длинный стол накрыли белой скатертью, поставили несколько свечей; все было чисто и празднично. Затем мы собрались за столом поужинать по-праздничному вареной форелью и оленьим жарким.

Мы просили всех посторонних эскимосов, проживавших этой зимой в снежных хижинах в окрестностях нашей базы, оставить нас на этот единственный день в покое. Каждый ушел в себя и думал о своих близких. Говорили вечером немного, большинство из нас сидело, перечитывая старые письма, а уроженцы мыса Йорк завели граммофон и далеко за полночь слушали рождественские псалмы.

*

На другой же день Петер Фрейхен, сопровождаемый эскимосом по имени Йон-Элль и двумя другими с острова Саутгемптон, выехал в спасательную экспедицию. Но, к нашему разочарованию, дня через два они вернулись с вестью, что путь им перерезала большая полоса открытой воды. Стало быть, наши товарищи заставляли себя ждать просто потому, что дороги домой еще не было.

1 января отправлялась из Репалс-Бея зимняя почта, и нам пора было отсылать свою корреспонденцию. Кстати решили, что Петер Фрейхен, не дожидаясь больше Теркеля Матиассена, доедет до Баффиновой Земли в сопровождении Хельге Бангстеда и гренландца Аркиока. Мне же сразу после Нового года предстояло отправиться в стойбище Ауа за кормом для собак, и Ауа, услужливый как всегда, отдал нам мясо четырех тюленей, то есть даже больше, чем могла свезти арктическая собачья упряжка в добавку к грузу, который мы брали с собой из своей штаб-квартиры.

Погода уже давно стояла очень ветреная, холодная, с температурой от -40 до -60°C , но 9 января 1923 года, когда Фрейхен с Бангстедом покидали мыс Элизабет, было тихо и ясно, а мороз не превышал -18°C . Нет ничего невиннее, приветливее такого многообещающего утра, когда природа отдыхает от бурь. Ничего так не забывается, как труды и невзгоды пройденного пути; невольно думается, что все дни предстоящего путешествия будут такими же солнечными и безветренными, так же хорош будет санный путь и так же весело будут лаять собаки. Сердечно распростились мы, старые товарищи, друг с другом. Если все пойдет по плану, мы свидимся вновь лишь в Дании. Собаки рысью помчали по льду тяжело нагруженные сани,

13 января я вернулся на свою главную квартиру и немедленно взялся за разборку этнографических коллекций, часть которых надо было привести в порядок до того, как я распрощусь с Датским островом.

Лишь через две недели я смог отправиться в охотничью стоянку, около устья залива Лайон, в гости к старому своему другу Ауа для завершения этнографических исследований в этих местах. Но еще до этого, 18 января, я послал эскимоса Йона-Элль с двумя проводниками к Фрозен-Стрейт, чтобы при первой же возможности пробраться на остров Саутгемптон и отыскать там стоянку Теркеля Матиассена. Лед еще быстро дрейфовал, но все же крепчавший мороз мог одолеть течение, и санный путь должен был скоро установиться.

29 января выдался чудесный ясный морозный день, один из тех, когда человеку не сидится на месте, а так и тянет его из дому. По отличному крепкому снегу я пробежал уже полпути до залива Лайон, как вдруг увидел, что навстречу мне летят сани, запряженные крупными сильными собаками. Я приостановился и с минуту не верил собственным глазам. Это могли быть только наши сани. Они быстро приближались, и я разглядел нашего гренландца-вожатого, размахивавшего кнутом. На какие-нибудь предположения или догадки не хватило времени — мы вихрем неслись навстречу друг другу. На первых санях сидел Аркиок с Фрейхеном, несколько позади ехал Хельге Бангстед; из трех упряжек составлены были две. Мы остановились, и я сразу заметил, что у Фрейхена одна нога в высоких кожаных бинтах. Аркиок подбежал ко мне и коротко сообщил, что Фрейхен отморозил себе ногу.

Мы все были взволнованы таким свиданием, но немногословны. Тяжело человеку непреклонной воли видеть свои путевые планы отложенными в дальний ящик. К счастью, товарищ наш отморозил себе одну ногу. Но так как в ней уже началась гангрена, то положение его было весьма серьезным. Всего часа два езды оставалось до нашего уютного жилья, где, разумеется, приезд наш взбудоражил всех. Биркет-Смит и Бангстед принялись усердно ухаживать за пациентом, и так как Фрейхен в качестве старого врача мог сам руководить лечением, то в моем присутствии необходимости не было.

Через день я уже продолжал свою прерванную поездку.

КОГДА АУА СТАЛ ИЗБРАННИКОМ ДУХОВ

Я прибыл на охотничью стоянку около залива Лайон в самый тяжелый месяц года. Запасы летних складов мяса истощились, и людям приходилось ежедневно промышлять

пищу и для себя и для многочисленных голодных собак. Тюленей били в ледовых отдушинах и в открытой воде около кромки льда.

Стояли жестокие холода, бушевали бури. Ежедневно подымалась метель, и температура бесменно держалась на -50° . Дни были короткие, и, чтобы использовать по возможности все светлое время, охотники выезжали на промысел еще в потемках и возвращались уже в потемках. Вся добыча немедленно свеживалась и делилась между жителями стойбища, а так как добыча вообще не превышала того, что в большинстве жилищ съедалось за один раз, то возвращение охотников домой ожидалось с таким страстным нетерпением, с каким ждет своего куска голодный. И когда мужчины, волочившие за собой убитых тюленей, показывались в полосе отсветов от снежных хижин, вынырнув из мрака, их всегда приветствовал радостный хор женщин и детей. И как только ожидавшие убеждались, что у них теперь будет в котлах мясо, а в лампах жир, все весело кидались в холодные снежные хижинны и пускали полный огонь в лампах. А когда жирный лоснящийся тюлень проскальзывал на своей гладкошерстой шкуре в узкий проход хижинны и шлепался на пол, где его должны были освеживать, для обитателей хижинны приходило лето, в снежном жилье скоро разливалось тепло. Не беда, что мороз еще кусается и ветер донимает, раз от огня лампы начинает капать со снежного купола хижинны. Совсем, как в мае месяце!

У мужчин, проводивших полсуток на охоте, не сгибаются и ноют ноги. Скорей долой всю лишнюю одежду! Скорей бы вскарабкаться на лежанку, чтобы погреться и отдохнуть, пока женщины хлопчут, вырезая из тюленя красные ломти мяса, с каймою сочного желтоватого жира! А когда, спустя некоторое время, в котле над играющим пламенем лампы слышится шипенье и бульканье,— близка и награда за дневной труд, получаемая с первой же чашкой горячего кровяного хлеба. Длинной заостренной костью вылавливаются из котла дымящиеся паром аппетитные куски и раскладываются на большом деревянном подносе, покрытом жирной патиной многочисленных трапез. Вместе с теплом увеличивается ощущение уюта, растет общительность, начинаются рассказы о дневных удачах и разочарованиях, языки развязываются. Наслаждаясь едой, люди смехом отгоняют все неприятные воспоминания.

*

Этими вечерними часами уюта и общего благодушия, когда даже молчаливые становились общительными, я и пользовался для своих бесед с Аua и его соседями.

Между Аua, его женой и мной установилась дружба, дававшая прочную основу для моих планов; эти двое стариков

отлично дополняли друг друга в смысле всего ими испытанного, виденного, пережитого за долгую и трудную жизнь.

Был тут еще брат Ауа, Ивалуардьюк, один из лучших еkladчиков в сокровищницу нашей экспедиции. В случае нужды он выступал и с заклинаниями, но специальностью его были все-таки народные эскимосские предания, многие из которых и были записаны мной под его диктовку.

*

Всякий поймет, почему я особенно охотно расспрашивал заклинателей духов: люди эти, в общем, глубже других входят в духовные интересы своего племени. И, к счастью для моей работы, как раз те же самые темы интересовали больше всего и Ауа, и он сделал мне ценное сообщение о том, как он стал заклинателем духов.

— Я был еще только зародышем в утробе матери, когда боязливые люди начали с участием расспрашивать ее обо мне,—ведь все дети, которых до тех пор она вынашивала, рождались мертвыми. И мать моя, заметив, что она опять понесла в себе дитя, то самое дитя, которое в свое время должно было стать мной, сказала своим домашним: «Опять ношу я плод, которому не стать человеком».

«Все очень ее жалели, и одна заклинательница по имени Артьюак в тот же вечер прибегла к заклинаниям, чтобы помочь матери.

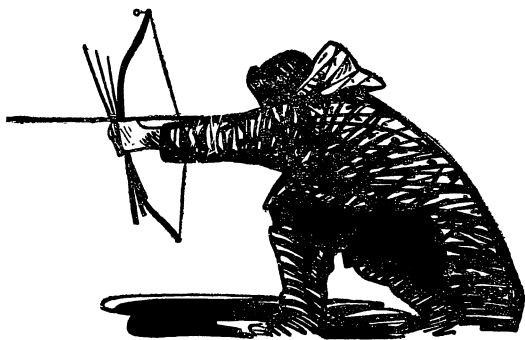
«Но однажды, когда отец мой, собираясь на охоту, разгорячился и разгневался, мать, чтобы успокоить его, стала помогать ему запрягать в сани собак. Она забыла, что в ее положении всякая работа — табу. Но едва она взяла в руки постромку и приподняла одной собаке ногу, как я начал брыкаться и пытался выскользнуть из ее пупка. Пришлось опять прибегнуть к помощи заклинателя.

«Старые люди говорили моей матери, что особенная моя чувствительность к нарушению табу означает, что я буду жить и сделаюсь великим заклинателем, но что меня еще ожидают до рождения многие опасности и беды.

«Отец мой убил моржиху с плодом и, когда попытался вырезать плод, не думая о том, что мать носит ребенка, я опять начал биться в материнской утробе и на этот раз по-настоящему. Но, родившись, в тот же миг обмер; жизнь меня покинула.

«— Он родился, чтобы умереть, но будет жить! — сказала заклинательница Артьюак, которую тотчас же вызвали. И она оставалась подле моей матери, пока жизнь ко мне не возвратилась.

«Целый год мы с матерью прожили совсем одни в отдельной снежной хижине, и отец лишь время от времени наведы-

вался к нам. Я был уже большим мальчиком, когда матери моей было позволено самой в первый раз побывать в гостях. Всем хотелось выказать ей свое расположение, и все соседи приглашали ее к себе. Но она слишком загостилась, а духи не любят, чтобы женщины с малыми детьми слишком много бывали в гостях, и отомстили ей тем, что кожа на ее голове облысела, а я, тогда совсем еще несмышленный малыш, сидя в спинном мешке, бил ее своими кулачками и поливал ее спину своей водицей.

«Подросши, я стал ходить вместе со взрослыми на промыслы, бить тюленей в ледовых отдушинах. Когда же я в первый раз сам всадил гарпун в тюленя, мой отец должен был лечь на лед голым до пояса, и мой первый тюлень был проташен через его спину, пока еще не совсем испустил дух. Только мужчины имели право есть от моей первой добычи, и ничего от нее не должно было оставаться. Шкуру и голову зарыли во льду, чтобы я потом мог опять добыть того же самого тюленя.

«Следующей моей охотничьей добычей был олень; убить его я должен был стрелой из лука. И эту добычу могли есть только мужчины, ни одна женщина не смела притронуться.

«Еще прошло время, и я стал взрослым и достаточно сильным, чтобы охотиться за моржами. В тот день, когда я всадил гарпун в первого своего моржа, отец мой во весь голос стал скликать на пир все соседние стойбища, какие знал, прибавляя: «Мяса хватит всем людям!»

«Моржа взяли на буксир и подвели к берегу; лишь у самого берега можно было убить его до смерти. Мать мою, которая должна была освежевать зверя, крепко привязали к буксирному ремню прежде, чем выдернуть из моржа острие гарпуна.

«После того как я убил первого моржа, я уже мог есть все те лакомые куски, которые были мне раньше запрещены,

даже внутренности, и женщины уже могли теперь есть мою добычу: только не родильницы. Лишь мать моя еще долго должна была соблюдать осторожность; меня ведь называли в честь малого духа Ауа, и, чтобы как-нибудь не оскорбить его, мать и должна была принимать столько всяких предосторожностей.

«Ауа был моим духом-покровителем и строго следил за тем, чтобы мы не делали ничего запрещенного. Так, я никогда не смел оставаться в жилье, если там раздевались перед сном молодые женщины, и ни одна женщина не смела при мне расчесывать свои волосы.

«Хотя таким образом все было налажено для меня с того самого времени, когда я еще находился в утробе матери, однако я тщетно пытался стать заклинателем, учась у других. Ничего не выходило; я побывал у многих знаменитых заклинателей и приносил им большие дары, которые они тут же передавали кому-нибудь, так как если бы они оставили дары себе, то их или детей их поразила бы смерть. Но все это не помогало. Я был рожден для трудностей. Тогда я стал искать уединения и скоро начал тяжело задумываться. Без всякой причины вдруг заливался слезами и чувствовал себя несчастным, сам не зная почему. Иногда же все вдруг становилось как-то по-другому, и я чувствовал сильную непонятную радость — такую сильную, что не мог с ней справиться и выливал ее в песне. В бурной песне, где было место лишь одному слову: Радость! Радость! Радость! И однажды в самый разгар такой непонятной, непреодолимой радости я стал заклинателем, сам не зная как. Но я стал им. Я получил способность видеть и слышать совсем по-новому.

«Каждый настоящий заклинатель должен чувствовать просветление внутри себя, в голове или в сердце, что-то вроде огненного луча, который дает ему силу заглядывать в сокровенное, с закрытыми глазами видеть во мраке, проникать в будущее или в чужие тайны. Я чувствовал, что владею этой чудесной силой. Я мог исцелять больных, улетать в страну мертвых, чтобы отыскивать там пропавшие души, уноситься к великому морскому духу, чтобы добиваться хорошего лова; наконец я мог совершать чудеса, которые должны были убедить людей в моих сверхъестественных силах.

«Моим первым духом-помощником был мой тезка, малый женский дух Ауа, живущий на берегу. Когда он являлся ко мне, мне казалось, что и проход в жилье и крыша подымались, и я становился таким зрячим, что мог видеть сквозь стены жилья, видеть и землю и небо насквозь. Это малый дух Ауа, паря надо мною, озарял меня таким внутренним светом, пока я пел. Потом он помещался в углу прохода, невидимый другим, но всегда готовый явиться мне на помощь по моему зову.

«Вторым моим духом-помощником стала акула, которая однажды подплыла к моему каяку в открытом море, легла на воду рядом и шепнула мне свое имя. Я был очень изумлен, так как никогда не видал раньше акул, они здесь очень редки.

«Песня, которую я обыкновенно пел, когда вызывал духов, была немногословна. Вот она:

Радость, радость, радость, радость!
Я вижу малого духа берега, моего тезку.
Радость, радость!

«Эти слова я мог повторять до тех пор, пока не заливался слезами, охваченный каким-то непонятным страхом; потом вдруг начинал дрожать всем телом, выкрикивая только: А-а-а-а, радость, радость! Хочу домой, радость, радость!»

«МЫ БОИМСЯ»

Много вечеров напролет мы с Ауа обсуждали разные житейские обычаи и обряды и табу, но дальше обстоятельного длинного перечисления всего дозволенного и недозволенного дело не шло. Все отлично знали, что именно полагается делать в каждом данном случае, но всякий раз вопрос мой почему? оставался без ответа. Моим собеседникам казалось просто нелепым, что я, не довольствуясь простым сообщением, добивался причины происхождения их религиозных представлений.

И в этот раз, как обыкновенно, вел разговор Ауа. Как всегда оставшись у меня в долгу, он вдруг встал, словно подчиняясь какому-то наитию, и пригласил меня выйти с ним на воздух. Я же предлагал своему хозяину остаться дома, так как мне хотелось закончить часть работы; к тому же погода выдалась необычайно суровая, а мяса у нас имелось в избытке после нескольких дней удачной охоты.

Короткий день уже давно сменился послеобеденными сумерками, но так как взошла луна, то можно еще было видеть далеко вперед. По небу неслись белые рваные облака, ветер порывами налетал на стойбище и набивал нам в глаза и в рот снег. Ауа, глядя мне в глаза и указывая на лед, где крутила метель, сказал:

— Для охоты и счастливой жизни людям нужна хорошая погода. Зачем же эти постоянные метели и вся эта ненужная помеха тем, кто должен промышлять пищу для себя и для тех, кого он любит? Зачем? Почему?

Вышли мы из жилища как раз в то время, когда мужчины возвращались с охоты на тюленей у ледовых отдушин. Шли они, сбившись в кучку и сгибаясь перед встречным ветром,

временами задувавшим с такой силой, что они должны были приостанавливаться и пережидать шквал. Ни один из них не ташил за собой добычи; целый день изнурительного труда пропал даром.

На вопрос Ауа я должен был ответить молчаливым покачиванием головы. Тогда он повел меня в жилье Кувдло, рядом с нашим. Маленькая жировая лампа горела тусклым огоньком, не давая ни малейшего тепла, двое иззябших маленьких ребятишек съежились в уголке лежанки, прикрывшись одеялом из оленьей шкуры.

Опять Ауа поглядел на меня и спросил:

— Зачем здесь, в жилье, должно быть холодно и неудобно? Кувдло целый день провел на охоте и, если бы он добыл себе тюленя, как того заслуживал, его жена теперь сидела бы около лампы, смеясь и пустив большой огонь без боязни, что не хватит на завтра... И в жилье было бы тепло, уютно, и дети вылезли бы из-под одеяла и радовались бы жизни. Почему же не так? Почему?

Я не ответил, и он вывел меня из жилья и повел к своей старой сестре Натсек, хворавшей и потому жившей в отдельной хижинке. Изнуренная, исхудалая, она не оживилась даже от нашего посещения. Уже несколько дней подряд ее бил злой кашель, выходивший как будто из самой глубины ее легких; похоже было, что она недолго протянет.

В третий раз взглянул на меня Ауа и спросил:

— Почему люди должны болеть и страдать? Все мы боимся болезней. Моя старая сестра, насколько нам, людям, известно, не сделала ничего дурного, прожила долгую жизнь и родила здоровых детей, а теперь должна мучиться до окончания дней своих. Почему? Почему?

На этом демонстрация кончилась, и мы вернулись назад в свое жилье, где и возобновилась прерванная беседа.

— Видишь,—сказал Ауа,—и ты не можешь указать причин, когда мы спрашиваем тебя: почему жизнь такова, какова она есть? Так оно есть и так должно быть. И все наши обычаи ведут свое начало от жизни и входят в жизнь; мы ничего не объясняем, ничего не думаем, но в том, что я показал тебе, заключены все наши ответы:

«Мы боимся!

«Мы боимся непогоды, с которой должны бороться, вырывая пищу от земли и от моря.

«Мы боимся нужды и голода в холодных снежных хижинах.

«Мы боимся болезни, которую ежедневно видим около себя. Не смерти боимся, но страданий.

«Мы боимся мертвых людей и душ зверей, убитых на лове.

«Мы боимся духов земли и воздуха.

«Вот почему предки наши вооружались всеми старыми житейскими правилами, выработанными опытом и мудростью поколений. Мы не знаем как, не догадываемся почему, но следуем этим правилам, чтобы нам дано было жить спокойно. И мы столь несведущи, несмотря на всех наших заклинателей, что боимся всего, чего не знаем. Боимся того, что видим вокруг себя, и боимся того, о чем говорят предания и сказания. Поэтому мы держимся своих обычаев и соблюдаем наши табу.

«Все табу и связанные с ними обычаи и обряды строго отделяют сухопутную дичь от морского зверя. Причина в разнице их происхождения, оттого и нельзя их смешивать; мы верим, что они заражаются одни от других и тем причиняют людям беды».

«Я БЫЛА ТАК СЧАСТЛИВА»

Жена Ауа была из тех, кто всецело жертвует собой для дома и близких. Ни минуты не оставалась она днем праздной и успевала сделать невероятно много. Чаше всего она шила, да и нельзя было не запастись непрерывно одежду, которая рвалась и изнашивалась на ежедневных охотах. А сколько лежало на ней еще других обязанностей! Она должна была носить снег для оттаивания и постоянно следить за тем, чтобы бадья с водой была полна. Мясо должно было вовремя оттаять на боковой лежанке; корм для собак быть всегда нарезанным и приготовленным к возвращению мужчин; замороженный жир надо было так колотить и уминать, что он «самотеком» попадал в лампы, которые тоже требовали искусной заправки и неусыпного надзора, чтобы никогда не коптели. Если в снежной хижине станет чересчур жарко, надо приостановить капель с потолка, залепив оттаявшие места свежими, чистыми снежными комьями. Если же от жары появятся дыры в крыше или в стенах жилья, надо подрезать и выровнять края дыр снаружи, затем вставить новые снежные глыбы. Нужно соскабливать жир с сырых тюленьих шкур, которые распяливаются для просушки над огнем лампы, а кожу для подошв, твердую как дерево, надо размягчать, прожевывая ее зубами. И все эти домашние обязанности, занимавшие целиком трудовой день, она выполняла, напевая вполголоса отрывки веселых песен, и к этим напевам около того времени, когда ожидалось возвращение мужчин с лова, неизменно примешивалось ворчанье и клокотанье в закипевших котелках.

Так бежали для нее часы, и все-таки она никогда не забывала навеститься на минутку и в другие жилища, чтобы помочь там и тут, тем или другим сунуть кусок мяса или сала, если где увидит нехватку.

Я часто просил жену Ауа рассказать мне о своей жизни и о том из пережитого, что оставило в ней особое впечатление, но она всегда отшучивалась,— не о чем ей рассказывать. Но я не отставал от нее; интересно было таким образом выхватить кусочек из эскимосской жизни. И вот раз, когда мы были одни дома, язык у нее развязался. Она сидела на своем обычном месте — на лежанке за лампой, скрестив голые ноги, и шила непромокаемые сапоги, как вдруг неожиданно оторвала меня от моей работы и без всякого предисловия перескочила на свои воспоминания.

— Зовут меня Оруло — «Трудная»; но мое настоящее имя «Куропаточка». Первое мне помнится, что мать моя жила совсем одна в маленькой снежной хижине около Иглулика. Я не понимала, почему отец живет в другой хижине, но потом мне сказали: это потому, что у матери появился маленький ребенок, и она стала на первое время нечистой для дичи и зверя, на которых охотятся. Мне все-таки позволили навещать ее, когда захочу. Но когда я подходила к ее хижинке, то никогда не могла найти входа. Я была еще такая маленькая, что не могла глянуть поверх той снежной глыбы, через которую люди переступали, чтобы войти в хижину, и я, бывало, стою и кричу: «Мать, мать, я хочу войти, хочу войти!», до тех пор, пока кто-нибудь не подымет меня до входного отверстия. А когда приду к матери, мне кажется, что снежная лежанка, на которой она сидит, такая высокая, что мне и на нее никак не взобраться без чужой помощи. Вот такая я была маленькая, когда начала помнить себя. Второе, что мне помнится,— это Пилинг, большая охотничья стоянка на Баффиновой Земле. Помню, я стою и обгладываю ногу большой-большой птицы. Мне сказали, что это белый гусь; я привыкла есть только куропаток, и гусь казался мне диковинной птицей.

«Потом все уходит из моей памяти, пока я словно не просыпаюсь вдруг опять. Мы на твердой земле, около «Горы»; отец болен, все наши земляки уехали на охоту, одни мы остались».

«Однажды я прибежала в палатку с криком: «Белые люди идут!» Я увидела людей, которые показались мне белыми. Но отец тяжело вздохнул и сказал: «Ах, я думал еще пожить немножко, но теперь понимаю — мне недолго осталось».

«Я, стало быть, не людей видела, а горных духов, и отец понял, что это предвещает ему близкую смерть».

«Мы повезли отца в соседнее стойбище, где жил один человек по имени «Воробышек» с женой по имени «Большой остров», и у них отец мой умер. Помню, его обмотали шкурками и отвезли в поле подальше от стойбища, положили там лицом к западу и оставили. Мать объяснила мне, что он был старый, а стариков всегда поворачивают к тому углу неба,

откуда приходит вечерний мрак, детей же кладут в сторону утра, а молодых людей туда, где солнце стоит в полдень.

«Осенью, когда выпал первый снег, Воробышек решил отправиться на охоту за оленями вместе со своей женой и сыном по имени «Дух-помощник». Взяли и нас — брата моего, которого звали «Маленький каяк», мать мою и меня. Мать стала второй женой Воробышка.

«Вскоре после того, как мы пришли на место, случилось такое диво. Мать сварила моржовую грудинку, сидела и ела, как вдруг кость, которую она глодала, начала издавать звуки. Мать так испугалась, что сразу перестала есть и отбросила от себя кость. Я помню, что лицо у нее совсем побелело и она вскрикнула: «Беда случилась с моим мальчиком!» И в самом деле, через несколько дней поздно вечером вернулся в стойбище Воробышек и крикнул матери в оконце: «Милая Малышка! Я виноват, что ты лишилась сына!» Потом он вошел и рассказал нам, как это произошло. У них не было удачи на охоте, и несколько дней они питались только оленьим пометом и очень изморились. Наконец, они выбрались туда, где Воробышек после одной из прежних охот зарыл мясо оленя. Но теперь он никак не мог найти тот склад. Они разделились: жена пошла в одну сторону, а он сам с двумя мальчиками в другую. Искали, искали — не нашли. Дул холодный ветер, началась метелица, одеты они были плохо, улеглись за камнями отдохнуть и все сильно продрогли. День был короткий, а ночь длинная; им надо было дожидаться

рассвета, чтобы снова идти искать. Тем временем Большой остров нашла склад, но не знала, где теперь искать мужа и детей. И она тоже прилегла за камнем и задремала, как вдруг сильно вздрогнула и проснулась. Ей приснилось, что мой брат стоит перед ней как наяву, весь бледный и дрожит от холода. И сказал ей: «Тетка, ты меня больше не увидишь. Вши земные рассердились, что мы ели их жилы и их помет раньше, чем прошел год после смерти отца!»

«Я так ясно помню все это, потому что в первый раз поняла тогда, что чего-то не следует делать после чьей-нибудь смерти. Вшами земными называются на языке заклинателей олени.

«Наутро, когда рассвело и Воробышек собрался в путь, оказалось, что брат мой совсем ослаб и не стоит на ногах. Его прикрыли оленьей шкурой и оставили. Потом нашли склад, но Маленький каяк замерз.

«Следующей весной мы снялись с места и доехали до залива Адмиралтейства. Добрались мы туда как раз в такое время, когда люди собирались внутрь страны охотиться за оленями. Был тут один человек по имени «Косой»; его жена Кунуалук незадолго до того родила недоноска и потому не могла ехать с охотниками. Вместо нее взяли мою мать, и я поехала тоже. Мы все лето провели на суше. Мужчины удачно охотились, и мы помогали им переносить мясо в склады. Жилось весело, сытно; мы ели лакомые куски; и день проходил, как в игре. Потом помню: однажды всех перепугал крик из одной палатки: «Идите сюда! Скорей идите смотреть!» Мы все прибежали и увидели паука, который спускался на паутине вниз на землю прямо с неба. Мы все это видели, и между палатками стало тихо-тихо. Ведь если паук спускается с неба, это предвещает смерть. И верно! Когда приехали к нам гости с побережья, мы узнали, что погибло четверо мужчин в каяке, в их числе мой отчим Воробышек. Так что мы с матерью опять остались одинокими и бесприютными.

«В недолгом времени мать, однако, снова вышла замуж за молодого человека, гораздо моложе ее. Они жили вместе, пока он не взял себе вторую жену, ровесницу. Мать была отвергнута, и мы опять остались одинокими. После того мать снова вышла замуж за человека по имени Аупила — «Красный», и опять у нас появился кормилец. Этот Аупила хотел отправиться в Понд-Инлет поискать там белых людей. Он слышал, что туда приезжают летом китоловы. Вот он и уехал с моей матерью, а меня оставили у «Волка» и его жены «Грязной». Пробыла я у них недолго, так как Волку казалось, что у него слишком много ртов в семье. Я перешла к «Бычку». От него-то и взял меня Ауа себе в жены, и тут кончаются мои переживания. Ведь кто живет счастливо, тот

ничего не переживает. И в самом деле, я прожила счастливую жизнь, имела семерых детей».

Оруло крепко задумалась, но мне хотелось узнать побольше, и я потревожил ее вопросом: «Не расскажешь ли ты мне когда-нибудь самое горькое свое воспоминание?»

Она, не задумываясь ни на минуту, ответила:

— Самое горькое, что осталось у меня в памяти, это время плохих охот вскоре после рождения моего старшего сына. Вдобавок случилось еще одно несчастье: росوماха разорила все наши склады с олениной. Целых два месяца в самое холодное время года мой новый муж не спал почти ни одной ночи в жилье, но все время проводил на охоте за тюленями и только подремлет, бывало, немного под снежным навесиком, которым прикрывал тюленьи отдушины. Мы тогда чуть не умерли с голоду; ведь за все время он добыл лишь двух тюленей. Больно смотреть было, как он, иззябший, голодный, напрасно бьется на охоте днем и ночью во всякую погоду, видеть, как он все худеет и слабеет... о-о, это было ужасно!

— Ну, а самое веселое воспоминание? — спросил я.

При этих словах приветливое старушечье лицо Оруло осветилось широкой улыбкой, она отбросила от себя шитье, пододвинулась ко мне и стала рассказывать.

— Я пережила это, когда в первый раз вернулась назад на Баффинову Землю после того, как вышла замуж. Меня, бедную сироту, все время переходившую из рук в руки, теперь с почетом встретили все мои бывшие соседи по стойбищу. Муж мой приехал вызвать одного своего товарища на состязание певцов, и по этому случаю устроено было много праздников. До тех пор я только слыхала о праздниках, но никогда на них не бывала.

— Расскажи мне что-нибудь о них!

— Да, самый веселый праздник это «Кулунгертут». Начинается он тем, что мужчины вызывают друг друга на разные состязания под открытым небом и состязаются попарно, а кончается пиром в празднично убранном жилье.

«Двое мужчин, вызвавших друг друга на состязание, встречаются на ровном месте, обнимаются и целуются. Все женщины стойбища делятся на две партии. Одна запекает песню, которая повторяется все время, длинная-длинная песня; другая партия стоит, подняв руки, и машет крыльями чаек; все дело в том, какая партия выдержит дольше — та, что поет, или та, что машет крыльями чаек. Вот отрывок песни, которая при этом поется:

Женщины, женщины, женщины юные!
Ай! Идут нарядные, все в новых шубах,
Женщины, женщины, женщины юные!
Ай! Все в тонких белых рукавицах держат крылья чаек.
Гляньте: машут и зовут, от радости краснея.
Женщины, женщины, женщины юные!
Ай-ай, ай-ай-ай!
Мерно бедра их колышут полы длинные одежд.
Как прекрасны, приближаясь к храбрецам, что ожидают
Радостно награды за победу.
Женщины, женщины, женщины юные!

«Побежденная партия женщин должна перейти на сторону победивших, которые замыкают их в свой круг, где мужчины стараются поцеловать их.

«После этой игры стреляют из луков. Мишень вешают на высоком шесте, и первых, попавших в нее 10 раз без промаха, называют победителями. Потом идет игра в мяч и яростный бой на кулачках. Заканчивается день праздником певцов, который продолжается всю ночь. Вот три песни Аua, спетые им на таких праздниках:

Моржовая охота

Не мог уснуть я ночью,
Блестело слишком море
У моего жилья.
Я сел в каяк и поплыл.
Вдруг морж из волн поднялся
У самого борта.
Копьем не размахнуться,—
Гарпун в упор всадил я;—
Запрыгал поплавок!

Но скоро зверь вновь выплыл;
За разом раз, как локти,
Клал на воду клыки,—
Хотел пузырь прорвать.
Себя измучил зверь напрасно,—
Мех неродившейся пеструшки
Всегда носил я на себе.
Стал снова собираться с силой,

Пыхтя от злобы, зверь,— я подплыл
И смертную борьбу его пресек.
И вот, скажу вам, гости с фьордов дальних:
Привыкли вы дышать самохвалою,
А вы расширьте легкие для песен
О подвигах охотничьих чужих.

Медвежья охота

На льду плавучем увидел я зверя,
Бежал он собакой безвредной навстречу, махая хвостом.
Но так хотел меня сожрать, что волчком закрутился,
Когда с его пути свернул я вдруг.
И вот гонялись мы с ним с утра до вечерней зари.
Совсем из сил он выбился, наконец, и проворно
Ему свое копье всадил я в бок.

Оленья охота

Полз ползком я неслышно по кочкам болотным,
Стрелы и лук держал я во рту.
Нету болотам конца, а вода ледяная,
Нет прикрытия нигде кругом.
Тихо к цели своей подвигаясь,
Мокрый весь, невидимкой я полз.
Вот на выстрел подкрался к оленьему стаду.
Беззаботно паслось оно.
Но стрела засвистела, впиалась глубоко
Прямо в грудь быку.
Ужас взял простодушных питомцев тундры,
Быстро они кинулись прочь,
Крупной рысью умчались, исчезли
За холмистой грядой».

*

Оруло рассказывала мне о своей жизни с глубокой серьезностью, и по мере того, как она говорила, я замечал, что все сильнее и сильнее становился поток воспоминаний, пока они совсем не завладели ею. Окончив свой рассказ, она разразилась слезами, как будто ее одолело великое горе. Я спросил о причине такого волнения, и она ответила.

— Я сегодня опять была ребенком. Рассказывая тебе о своей жизни, я снова пережила ее. Я видела все и чувствовала то же самое, что чувствовала, когда переживала это на самом деле. О многом мы не думаем, пока не придут к нам воспоминания. Теперь ты знаешь жизнь старой женщины от начала до сегодняшнего дня. И я не могла не заплакать от радости, что была так счастлива...

ПЕРЕД ВЫСТУПЛЕНИЕМ

17 февраля с Датского острова приехали наши сани и нарушили идиллический мир моей работы в охотничьем стан-

вище у залива Лайон. Товарищей моих начала тревожить затянувшаяся поездка Йона-Элля на остров Саутгемптон, и они предлагали устроить совещание членов экспедиции. Я немедленно выехал на главную квартиру.

21 февраля выдался необыкновенно пасмурный день. Никто не выходил из жилья без крайней необходимости, все занимались своим делом дома. Гренландцы осматривали охотничью снасть, заготавливали сбрую и постромки для собак, мы же были заняты своими записями, стараясь подогнать их á jour. Вдруг дверь распахнулась, и перед нами предстал Теркель Матиассен — живехонький!

Изумление наше было так велико, что с секунду стояла мертвая тишина. Затем разразился ураган радостных приветствий. Мы кричали наперебой.

Но Jakob, Jakob! Где же Jakob?

Оказалось, что он едет следом. Он остановил сани, чтобы распутать постромки. У Матиассена же не хватило терпения дожидаться, и он помчался вперед.

Вновь прибывшим вручили письма из Дании и Гренландии, дожидавшиеся их с самой поездки нашей в Честерфилд. Они углубились в вести с родины, а мы тем временем принялись варить и жарить праздничное угощение.

Тяжело пришлось им за эти восемь месяцев; запасов провианта не было, жили только охотничьей добычей. Зато превосходные археологические результаты их работы были наградой за все лишения и труды. Теперь мы все были в сборе и могли принять окончательные решения относительно экспедиции.

Теркель Матиассен, археологические изыскания которого уже дали блестящие результаты, должен был продолжать эту работу в связи с прочими своими этнографическими и картографическими работами на Баффиновой Земле и потому отправлялся на санях к Понд-Инлет.

Кай Биркет-Смит, главные задачи которого были связаны с изучением оленных эскимосов, уезжал, взяв с собой толмачом Якоба Ольсена, в окрестности Эскимо-Пойнта, чтобы оттуда охватить своей исследовательской работой и соседние племена — чайпьянских индейцев около Чёрчилля.

Петеру Фрейхену было дано поручение доставить весной с Датского острова большие коллекции экспедиции с Репалс-Бея. Оттуда он должен был на китоловном судне плыть до Честерфилда, проверяя по пути старую географическую карту, а в Честерфилде полечить свою больную ногу у врача, который каждое лето объезжал побережье на пароходе Гудзоновской торговой компании.

Еще одну осень и первую половину зимы оставалось «Раздувальному меху» служить приютом для участников экспедиции, а затем и его сага кончалась. С наступлением

светлого времени в начале 1924 года Фрейхен вместе с уроженцами мыса Йорк отправлялся в Понд-Инлет и оттуда на санях или на каком-нибудь судне — в Гренландию.

Я же сразу по окончании всех необходимых приготовлений должен был начать свою экспедицию через Северо-западный проход до Аляски.

До залива Пелли меня должен был сопровождать Хельге Бангстед, который затем собирался провести лето на острове Ванситтарта, занимаясь раскопками на местах древних стойбищ, находившихся поблизости старых охотничьих угодий гренландцев у Солнечных скал. Заключительной задачей Бангстеда после оказания помощи Фрейхену при оставлении нашей штаб-квартиры было пополнение коллекций, собранных нами на Баррен-Граундсе. Затем в Честерфилде ему предстояло присмотреть за погрузкой на пароход имущества экспедиции и оттуда уже отправиться домой через Чёрчилль, Йорк и Виннипег.

Все эти широкие планы и были выполнены согласно программе.

Наше небольшое хозяйство в «Раздувальном мехе», которое мы вели с 1 октября 1921 года до марта 1923 года, приходилось теперь ликвидировать. Воспоминания о маленьком нашем лагере я лучше всего резюмирую, обратившись к впечатлениям одного из последних вечеров, проведенных мной там.

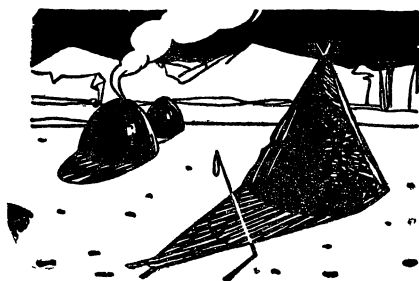
Я возвращался домой из разведочной поездки по морскому льду и, когда стал огигать в сумерки Южный мыс, мне открылся вид на наш «Раздувальный мех». Свет из окошек дома ложился на снег и падал на многочисленных собак, крепко спавших враспяжку, словно они понимали, что надо отдохнуть хорошенько, пока есть время. При свете фонарей несколько групп товарищей мастерили новые сани, которые скоро должны были понадобиться. Приходилось спешить, рабочего дня не хватало, и люди, забывая усталость, работали с рассвета до поздней ночи. Молотки пели, ударяя о стальные полозья, а рубанки в такт стругали деревянные брусочки для подполозьев.

Ритм радости слышался в спешке работы, красота и мир зимней ночи окружали людей. На фоне белой равнины темнели две скалы, вершины которых мы украсили путевыми знаками в память тех, кто должен был быть с нами, но кого смерть подстерегла на пороге выступления в путь. У подошвы скал светились звездочками ледяные оконца ульеобразных снежных хижин эскимосов.

Вихрем разметала разоспавшихся собак моя упряжка, а когда мы остановились у навеса, где она обыкновенно стояла на привязи, до меня донеслись с озерка, куда мы

обычно ходили за льдом, строфы песни. Она словно напутствовала нас, выступавших через несколько дней в дальний путь в разные концы побережья, навстречу новым задачам:

Только духи неба знают,
Что нас ждет там, за скалами!
Все же смело направляю
Я собак своих вперед,
Все вперед,
Все вперед!

ВДОЛЬ СЕВЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ АМЕРИКИ

К СЕВЕРО-ЗАПАДНОМУ ПРОХОДУ

Арктическая весна манила нас своими обещаниями в то мартовское утро, когда мы прощались с остальными товарищами, отправляясь в великий санный путь. Никогда еще не обменивались товарищи более торжественным рукопожатием!

Веселые напутствия утонули в суматохе выступления, и не успели мы опомниться, как собаки, по-дорожному радостно возбужденные, уже отделили нас от наших старых товарищей полосой великого безмолвия.

Гага и Малышка еще раз помахали на прощанье своим айвиликским друзьям, с которыми им уже не суждено было больше свидеться, и таким образом закончили еще одну главу своей жизни, полную приключений.

Мне в ближайшие полтора года предстояло посетить все группы эскимосов, обитающих на побережье Полярного моря, то есть, преодолев Северо-западный проход, объехать все северные берега Америки, промышляя охотой пищу себе с товарищами и своим собакам.

Нашей далекой целью на крайнем западе был мыс Восточный (Дежнева), голый сосед Аляски, отделенный от нее Беринговым проливом, за которым начинается Азия.

Первую продолжительную остановку мы наметили себе в Арвиллигьюаке, то есть на «Земле больших китов», — таково эскимосское название области залива Пелли, где находятся охотничьи угодья самых восточных нетсиликов.

В дальний путь надо пускаться по возможности в самой тесной компании, поэтому нас было всего трое.

Во-первых, Кавигарссуак Митек, прозванный «Гагой», 22-летний молодой эскимос из Туле. Он не знал страха, был смелым и выносливым охотником, хорошо правил собаками, никогда не шадил себя самого и не боялся брать самые большие грузы.

Во-вторых, Арнарулунгуак — «Малышка», 28 лет от роду. И она была из Туле и, подобно своему двоюродному брату Гаге, отличалась ровным, веселым характером. Теперь ей предстояла длинная санная поездка, требовавшая от нее изо дня в день упорного тяжелого труда наравне с мужчинами и, кроме того, всей чисто женской работы: на ней лежало приготовление пищи и осмотр и починка нашей одежды на каждой вечерней остановке в новой снежной хижине. Но Малышка и то и другое находила в порядке вещей.

Из запасов мы взяли с собой лишь самое необходимое, и во всем снаряжении нашем не было ничего лишнего. На двух длинных шестиметровых санях, типа «Гудзон-Бей», снабженных торфяно-ледяными подположьями, везли мы груз в 1000 кг, поделенный пополам; в каждые сани впрягалась дюжина собак. Почти две трети груза составлял корм для собак; остальное: чай, кофе, сахар, мука, табак, меновой товар для приобретения разных этнографических достопримечательностей, наконец, одежда, оружие и запас патронов на год.

Капитан Кливленд из Репалс-Бея до конца оставался для нас гостеприимным и услужливым соседом; его молодой помощник Джимми Том проводил нас до Джибсон-Ков, откуда начинался путь через перешеек Рей. Рано утром 20 марта мы распростились с нашим проводником. Дул свежий бриз, и мороз покусывал. С этих пор никто не мог получить от нас вестей, пока мы не доберемся до первой телеграфной станции где-нибудь на Аляске.

Перешеек Рей, образующий узкую возвышенность между бухтой Репалс и заливом Коммитти, лежит вне путей белых купцов. Открыл его, объехал в первый раз и нанес на карту англичанин Джон Рей в 1864 г.

Санный путь был хорош; повсюду мы встречали твердый, слегка подмерзший снег, но, разумеется, ветер не давал нам покоя, ежедневно мела метелица и свирепый норд, как ножом, резал нос.

Уже 28 марта во время бурана произошла первая встреча с людьми. Мы только что согласились между собой, что выступать не стоит, как мне крикнули в снежную хижину, что впереди видны люди. Никогда не одевался я проворнее. Совершенно верно! Два рослых человека медленно приближались к нашей снежной хижине, но остановились на расстоянии ружейного выстрела; я направился к ним безоружный, чтобы они сразу увидели в нас друзей. Они же, видимо, были вооружены до зубов — с длинными каменными ножами и с тюленьими гарпунами в руках. Их сильно озадачила встреча с белым человеком в здешних краях, и удивление их дошло до столбняка, когда я заговорил с ними на их языке: «Положите ваше оружие! Мы люди мирные и хотим только посетить вашу землю».

На это старший из них ответил: «Мы самые простые люди, от которых не ждите себе ничего худого. Наши снежные хижины находятся немного дальше, и мы, увидав вашу хижину там, где, как нам известно, никто из наших не селился, пошли сюда посмотреть, кто же это. Наше оружие не против тебя; мы здесь всегда с оружием в руках встречаем чужих».

Мы пригласили их в свою снежную хижину, и новые знакомцы наши, сначала очень стеснявшиеся и робевшие, скоро заулыбались и пришли в хорошее настроение. Это были отец и сын. Отца звали Орпингалик — «Тот с веткой ивы», а сына Канайок — «Головач». Несмотря на буран, мы порешили немедленно выступить и перенести свою стоянку к их хижинам. Прошло три скверных часа в борьбе со снегом и вьюгой, и мы достигли стоянки Ивовой ветки на берегу залива Коммитти. Новые знакомые наши были статные, красивые люди, типа, сильно отклонявшегося от обычного эскимосского; высокие, хорошо сложенные, они чертами лица напоминали скорее индейцев. Только широкая улыбка и открытое добродушное выражение лица были характерными, чисто эскимосскими.

В снежных хижинах стоянки проживали следующие члены семьи Ивовой ветки: его жена Увдлунак — «Денек» и маленькая дочь Карматсиак — «Маленькое убежище»; взрослый сын Нигтайок — «Полынья», жена его Илуитсок — «Цельная» и дочь Тунок — «Оленье сало»; наконец, упомяну-

тый уже сын Головач и его молодая жена Авилаюк — «Маленькая временная жена».

Мы встретились, как будто были давно знакомы. Нас угостили мороженой лососиной и олениной, и пока мы ели и благодумствовали в тепле в компании женщин, мужчины немедленно принялись складывать для нас просторную снежную хижину.

Ивовая ветка, почитаемый заклинатель духов и необыкновенно интересный человек, прекрасно знавший старые предания своего племени, отличался не только умственным развитием и живым темпераментом, но и едким юмором. Славился он и как охотник, поэтому понятно то уважение, с каким к нему все относились; он был «большим человеком» среди эскимосов арвильгьюармиут.

Пожитки и припасы свои мы оставили на старой стоянке, и так как погода была отвратительная, то понадобилось несколько дней, чтобы перевезти весь груз сюда, на берег. Пока мои товарищи занимались этим, я имел возможность позаняться с Ивовой веткой и записать с его слов некоторые сказания, песни и заклинания.

Передать заклинания очень трудно, так как они часто состоят из непереводаемых слов или же вся их сила заключается в особых ударениях, слова же нанизаны так, что фраза иной раз ничего не выражает. Все значение заклинаний в их таинственности. Произносят их шепотом, но отчетливо, с ударением на каждом слове, и медленно, с частыми интервалами. Вот заклинание, дающее удачу на оленьей охоте:

Дичь, земная вошь, длинноножка, долгоушка, с жесткой гривой,
от меня не убегай! Вот несу я кожу для подошв, вот несу я мох для
фитиля, подходи ко мне, не бойся, подходи.

Ивовая ветка был также неплохим поэтом, с плодovitой фантазией и чувствительной душой. В свободное от работы время он всегда пел и называл песни своими «товарищами по одиночеству». Вот одна из них:

Спеть песню хочу я, пусть мала, но сильна.
Унайя — унайя!
Я с осени самой лежу, не вставая,
Беспомощный, будто младенцем я собственным стал!
Жену я свою отправляю в чужое жилье,
К тому человеку, что даст ей приют,
Надежный и верный, как зимние льды.
Унайя — унайя!
К защитнику лучшему я отправляю жену.
Ведь сам я бессилен подняться с одра.
Унайя — унайя!
Себя самого узнаешь ты? И что о себе ты знаешь?
На ложе своем распростерт я бессильно,
Во мне только память о прошлом сильна!
Унайя — унайя!

Я спросил его, много ли песен он сложил вообще, и он ответил: «Сколько у меня песен, я не могу тебе сказать. Не считал. Знаю только, что их у меня много и что все во мне обращается в песни. Я пою, как дышу».

Но Ивовая ветка был не единственным певцом в этих местах. Он познакомил меня с одной из песен своей жены Денька. Был у них еще сын Игсивалитак — «Укушенный морозом», который года два-три тому назад умертвил в ссоре своего товарища по охоте и теперь скрывался в горах у Пелли-Бея, боясь, что его схватит конная полиция. Печалась о судьбе сына, мать сложила песню.

Вот эта «Песня Денька»:

Эя-эя!

Отрывок из песни припомнился мне,

Его берегу, как близкого друга.

Эя-эя!

Стыдиться надобно сына, которого ты

Носила в мешке за спиною,

Стыдиться, узнав, что бежал, отвергнут людьми.

Эя-эя!

Правы те, что мыслят так!

Эя-эя!

Правы те!

Эя-эя!

Я стыжусь! Но того лишь, что матери он не имел

Чистой и беспорочной, как неба свод синий,

Мудрой, не вздорной.

Эя-эя!

Будут его довоспитывать толки людские теперь.

Этого я заслужила, я — мать, что родила себе

Сына, который утехой не будет на старости мне.

Эя-эя!

Мне должно стыдиться!

А я лишь завидую тем, когда провожают друзья,

Желая поездки счастливой, когда

Те с пира домой отъезжают.

Эя-эя!

Я помню: весною

Мы стан свой разбили у «Глаза Косого».

Тепло было, тихо похрустывал тающий снег под ногой.

Похожа тогда я была на ручного оленя, что к людям все жметяся.

Но весть об убийстве и бегстве пришла,—

Скалою земля подо мной отвердела,

И я на вершине скалы зашаталась.

*

Ивовая ветка рассказал нам, что около Арвилигьюака мы встретим много людей. Чтобы провести с ним побольше времени, я закупил у него большой запас собачьего корма, а именно, целый склад лосося и несколько оленей. Все это находилось на складах около устья реки, впадавшей в залив Пелли. Но, чтобы отыскать мясной склад, надо было сначала разыскать Укушенного морозом,

5 апреля мы после трогательного прощания продолжали свой путь. Последними словами, прозвучавшими нам вслед, были: «Если бы все могли выступать в путь без злых духов-спутников!»

Уже 8 апреля нашли мы склад лососины и были поражены его богатством. Оказалось, что мы за полкилограмма чаю, полкилограмма сахара, 20 пачек прессованного табака и складной ножик приобрели около сотни крупных морских лососей, общим весом около 300 килограммов. Теперь надо было отыскать беглеца, который укажет нам мясной склад. На следующий день я поехал вместе с нетсиликским эскимосом Анаркаоком, который взялся сопровождать меня на эту захватывающую «охоту за убийцей».

Полдня мы ехали между скалами по долинам и, выбравшись на морской лед, различили вдали две чернеющие точки,—словно две вороны сидели на ледяной глыбе. Мы подъехали поближе и увидели, что это двое людей, которые давно заметили нас. Время от времени они спрыгивали со своего возвышения и бегали взад и вперед в большом возбуждении. Анаркаок вытащил из ножен наши большие ножи для резки снега и воткнул их сверху, между санными тюками, чтобы можно было быстро схватить их в нужную минуту. Я посмеялся над его предосторожностью, но он сказал: «Лучше быть наготове. Укушенный морозом — мужчина, настоящий мужчина, и если он подумает, что мы посланы полицией схватить его, он нападает на нас первый».

Мы быстро повернули по направлению к этим двум людям и, когда проехали с километр, один из них побежал нам навстречу. «Это приемный сын,—сказал мне Анаркаок.—Укушенный морозом, верно, хочет узнать, чего ему ждать от нас и послал сына для переговоров».

Но мы мчались с такой быстротой, что до переговоров не дошло. Собаки почуяли жилой дух, и их невозможно было остановить. Мы только-только успели подхватить парламентаря и швырнуть его к себе на сани, как уже очутились около снежной хижины, где по-прежнему стоял настороже на высокой ледяной глыбе Укушенный морозом. Едва собаки остановились, я, смеясь, подошел к нему приблизительно с такими же словами, какими приветствовал меня его отец: «Мы только простые люди, не замышляющие ничего дурного». Укушенный морозом ответил тем же приветствием и, видимо, был поражен неофициальностью нашего появления в тех местах, где всего за несколько минут до этого он собирался дать нам бой, защищая свою свободу и жизнь. От радости он громко вскрикнул, и почти одновременно вышла из хижины его жена, присоединяя свои радостные восклицания к нашим.

Не сразу хозяин наш пришел в себя. Некоторое время он тяжело переводил дух от волнения, но после того, как мы по-

беседовали с ним и он понял, что я обо всем знаю от его родителей, он, видимо, решил сразу же посвятить меня в подробности дела, из-за которого ему пришлось бежать от людей. Он рассказал мне всю историю без всяких уверток, радуясь, что может дать такое объяснение своему поступку, которое, с точки зрения эскимосской морали, вполне оправдывало его. Затем мы нашли радушный прием в его хижине, где нас накормили олениной, салом и вареной форелью. Собрав все свои запасы собачьего корма, мы поехали к эскимосам арвилигьяармиут в их зимнюю стоянку на льду залива Пелли. Эскимосов этих было 54 человека.

*

Арвилигьяок — «Земля больших китов» — так называется весь район залива Пелли. Самое название произошло от прибрежных скал, которые издали имеют сходство с китами, поднявшимися на поверхность. Киты же в эти воды, как мне объяснили, никогда не заходят. Условия для лова, однако, чрезвычайно благоприятны во всем этом районе, и эскимосы арвилигьяармиут с гордостью рассказывали мне, что они вообще не знают ни нужды, ни тяжелых времен, какие переживают эскимосы нетсилингмиут, живущие к западу от перешейка Бутия. Объясняется это тем, что охота и лов идут здесь круглый год, делясь на разные отрасли — охотятся на оленей, на мускусных быков, на тюленей, ловят форель. Если в одной отрасли не повезет, выручает другая.

Земля этих эскимосов лежит совсем в стороне от путей белых людей, поэтому жители с незапамятных времен учились обходиться тем, что могли добыть сами. Для свежевания зверя и дичи служили им небольшие ножи из желтовато-белых кремней «хавиорарнак». Женщины орудовали своими особыми ножами «уло». Огонь добывался с помощью кремня — «игнерит», или сернистого колчедана, который находили у моря близ Арфертутсиака, к западу от залива Лорд-Мэра. Высекаемые искры падали на болотный пух или мох, на который было накапано сало, чтобы легче ловить искру. Кремень приходилось привозить издалека, с реки Бакс.

Камень-жировик, из которого выделялись лампы и котелки, эскимосы добывали внутри страны, к югу от Пелли-Бея, неподалеку от большой возвышенности.

Всего ощутительнее был недостаток дерева. Мощный плавающий лед, постоянно заполняющий залив Бутия, мешает лесу-плавнику попадать в фьорд. Приходилось путешествовать за ним на самое побережье Игьюлика к западу от полуострова Аделаида. Но в большинстве случаев здесь умели обходиться и без дерева. Длинные гибкие рукоятки для гарпунов выделяли из оленьих рогов. Их распаривали в горячей воде и

надставляли колено за коленом, пока не получалась рукоятка нужной длины. Таким же образом делали здесь шесты для палаток, которые вообще укрепляются лишь одним шестом. Так как и железо и кремень материал редкий, то зубья для гарпунов научились выделывать из крепких берцовых костей медведя.

Когда подходит лето и нет уже нужды в палатках, олени палаточные шкуры идут на полозья для саней. Для этого их прежде всего спускают в озеро, дают размякнуть, плотно скатывают в трубки и замораживают, придав им сначала нужную для санных полозьев форму. Употребляют для той же цели шкуры мускусных быков. Для большей прочности в шкуры закатывают мороженую форель или ломти мяса; потом все это плотно смерзается вместе. Весной в оттепель сани, оттаяв, распадаются, и шкуры стравливают собакам, а люди съедают рыбную или мясную начинку. Подполозья для таких саней делаются тоже из торфяной замороженной жижи. Служат такие сани обыкновенно до конца апреля, а когда подходит май, пользуются санями другого рода — из медвежьих шкур или шкур бородатых тюленей. Такие сани с грузом представляют огромную тяжесть, поэтому их крепко перетягивают ремнями. Наружная волосатая сторона шкур чрезвычайно легко скользит по талому мягкому снегу, каким обыкновенно становится снег весной, когда солнце начнет пригревать; поэтому волос не так скоро вытирается; во всяком случае, таких саней хватает на всю весну.

Еще в одном ощущался здесь сильный недостаток, пока не удалось раздобыть железа, — в швейных иглоках. Их выделывали из твердых косточек птичьих крыльев. Для шитья одежды из оленьих шкур требовались острые и тонкие иглы, для пришивания подошв к непромокаемой обуви из тюленьих шкур нужны были шила, чтобы прокалывать толстую твердую кожу. Еще требовались прочные нитки, и их искусно скручивали из оленьих жил, которые обладают превосходным качеством: стежки стягиваются, когда сапоги вымокнут.

Вообще надо удивляться уменью этих людей преодолевать все затруднения. Но вот поздней осенью 1829 года вдруг показался в заливе Лорд-Мэра большой корабль и зазимовал неподалеку от стойбища Сарфак. Это была английская полярная экспедиция Джона Росса. Его зимовка в северной области эскимосов арвиллигьюармиут имела для этих людей громаднейшее значение, сильно двинув вперед искусство выделки всяких орудий. И до сих пор еще здешние эскимосы находят железо на месте зимовки экспедиции. Месту этому дано было название Киланартут — «Берег радостных ожиданий».

Рассказывают, что судно Джона Росса было замечено в самом начале зимы одним человеком по имени Авдлилугток, который отправлялся на лов тюленей. Завидев что-то вроде

скалы посреди маленькой бухты, он стал с любопытством приближаться к ней, чтобы рассмотреть хорошенько, что это такое, до сих пор им здесь невиданное. Но когда он разглядел высокие мачты корабля, то подумал, что это великий дух, и убежал. Весь вечер и всю ночь совещались эскимосы о том, что теперь делать, и утром, опасаясь, что великий дух погубит их, если они не опередят его намерений, отправились, вооруженные гарпунами и луками, чтобы напасть на него. Тут они открыли, что около судна расхаживают люди, и спрятались за ледяным торосом, чтобы понаблюдать и разобраться в том, кто это такие. Белые в свою очередь заметили эскимосов и направились к ним. Эскимосы не замедлили выйти из своей засады, показывая этим, что не боятся. Белые тотчас сложили оружие на лед, и эскимосы сделали то же самое. Произошла дружественная встреча с объятиями и уверениями в приязни, хотя новые друзья и не понимали друг друга. Эскимосы, правда, слыхали рассказы о белых, но в их области это был первый случай появления белого человека. Потом они получили подарки — все, чего никогда не могли добыть своими силами; стали часто видаться с белыми и взапуски служить им проводниками в поездках, помогая ориентироваться в стране, которую сами знали вдоль и поперек.

После первых зимовок корабль был затерт льдами и затем затонул в Итсуарторвике (залив Лорд-Мэра). Весь провиант и прочее добро были спасены в лодках и доставлены в Киланартут. Когда же белые уехали совсем, то оставили массу дерева, железа, гвоздей, якорных цепей, железных обручей от бочек и прочих драгоценностей, которые и до сих пор дают материал для выделки ножей, наконечников для копий и стрел, для зубьев гарпунов и острог, для небольших крючков. Позже к берегу принесло мачту, которая пошла на сани, каяки и рукоятки. Ее разделили, распилив на части пилами, сделанными из железных обручей для бочек; на это ушли, разумеется, все лето и вся осень, но времени эскимосам было не занимать стать!

Наше пребывание в Пелли-Бее не могло быть особенно продолжительным, так как нам предстояла поездка на запад, но за время с 13 по 23 апреля я достиг намеченных мной результатов. И когда настал день отъезда, я распростился с нашими хозяевами с чувством удовлетворения: я обследовал еще одну горсточку людей из числа населяющих землю.

ОХОТА ЗА АМУЛЕТАМИ У МАГНИТНОГО ПОЛЮСА

Во время нашей стоянки в Пелли-Бее к востоку от перешейка Бутия перед нашей снежной хижиной внезапно вынырнули из снежных вихрей двое людей. Первое впечатление

было такое, что в нашу хижину постучались люди совсем без ничего: ни саней, ни собак; в руках только большие каменные ножи. Все это было странно, так как покрой одежды говорил, что они дальние жители.

Они вползли в хижину и оттаяли, а когда наелись досыта, то и языки у них развязались. Оказались они двумя братьями из окрестностей магнитного полюса, привезшими сюда песцовые меха, чтобы выменять их на старые ружья у людей, живущих в Пелли-Бее и имеющих торговые связи с Репалс-Беем. Младший брат должен был продолжать путь, а старший Какортингнек — «Белый» собирался сразу вернуться домой. Пока что он оставил своих двух жен и приемного сына неподалеку от нашей стоянки.

Сразу же решено было, что мы поедем вместе с ним туда, где он живет, а сейчас как можно скорее перевезем к себе женщин. Часа через два вся семья была в сборе. Женщины оказались молодыми и красивыми. Белый явно старался произвести хорошее впечатление на нас и заодно выхвалял чисто женские достоинства своих двух жен. Мы спросили, как их зовут, и он сейчас же воспользовался случаем связать с их именами все необходимые, по его мнению, сведения о них.

— Эта вот Кертилик — «Упрямоглазая», самая дорогая из моих жен, — сказал он. — За нее отданы деревянные сани.

Нам чрезвычайно импонировала столь неслыханная цена; мы знали ведь, что вообще сани делаются здесь из более прочного материала.

Вторая жена, постарше, по имени Кунгак — «Улыбка» была куплена за кусок свинца и старый напилоч, но муж галантно прибавил, что такая дешевизна обусловлена была особыми причинами: Улыбка стала частью его хозяйства в тот самый день, когда умер с голоду ее первый муж и сама она осталась без кормильца.

Затем пришла очередь приемного сына быть отрекомендованным. Его звали Ангутисугсук — «Человечек». Относительно этого скромного, улыбающегося юноши дано было объяснение, что он один из близнецов и взят был новорожденным. Вообще-то полагается убивать одного из двух близнецов и потому было безрассудно приобретать обреченного на смерть малютку за каяк и котелок. Подобная сделка могла быть оправдана лишь тем, что мужчины всегда ценились дороже женщин.

В течение ночи песцовые меха были сбыты, и на следующее утро мы выступили в путь, направляясь через перешеек Франклина. Медленно пробивались мы по руслу большой реки, текущей между заливами Пелли и Шеперд к западу. Целью нашей было зимнее стойбище нетсиликов на льду между островом Кинг-Вильям и перешейком Бутия.

3 мая мы делаем привал к северу от реки Мёрчисон и поднимаемся на холм, чтобы осмотреться кругом. Мы находимся в центре обширной равнины, примыкающей к заливу Шеперд. Однообразная ослепительно белая плоскость кажется бесконечной; лишь кое-где вздымаются гряды холмов, небольшие гнейсовые бугры, похожие на головы тюленей, вынырнувших из моря. Вообще только глубокая и широкая река вносит разнообразие в пейзаж; высокие песчано-глинистые обрывы тянутся вдаль, насколько хватает глаз, а на рыхлом снегу — всюду узоры оленьих следов. Каждый день мы стреляем двух-трех оленей в пищу себе и собакам, а по вечерам и ночам, если погода тихая, отдыхаем у костра под открытым небом. Огромная равнина сливается с ледяным покровом моря, и лишь узкая борозда в снегу указывает, что мы перешли полосу прилива-отлива и спустились с суши на лед залива Шеперд. Не было и намека ни на подъем, ни на спуск; ни единого тороса, никакой заметной границы между линиями берега и моря.

Вечером 5 мая собаки наши почуяли какую-то вонь, и Белый потребовал, чтобы мы немедленно остановились. Затем он побежал вперед и открыл невдалеке длинный ряд тюленьих черепов, уложенных на льду, мордами в определенном направлении. Нам отдано было распоряжение объехать их далеко кругом; и, когда мы уже достаточно отъехали, Белый рассказал нам о вере эскимосов в то, что голова — обиталище души, а душа бессмертна и возрождается снова и снова; таким образом, человек может убивать одного и того же тюленя много раз. Поэтому, переноса стоянку на новое место, перемещают и черепа убитых тюленей, — они всегда должны быть повернуты мордами в сторону места новой охоты. Тогда тюлени будут следовать за охотниками, и люди не будут знать нужды.

Нам этот своеобразный урок практической зоологии заметил компас, указав направление, по какому следовало искать интересующих нас людей.

В снежной мгле бурана самому Белому не легко было решить эту задачу, но никто из нас не хотел сдаваться и, наконец, около полуночи мы въехали прямо в стойбище Белого, где все спали глубоким сном. Мы с Человечком сразу заползли в одну из ближайших снежных хижин, где жили его мать и отчим.

— У нас в гостях белый человек! — возбужденно крикнул Человечек.

Вскочив с вороха грязных шкур, мать его с растрепанными жирными волосами, в которые набилась оленья шерсть, встала на лежанке на колени и обнажила грудь; Человечек поцеловал ее. Так приветствует свою мать сын, вернувшись из дальней поездки. Такое свидетельство взаимной связи, этот

почтительный сыновний привет материнской груди как-то особенно растрогали меня в этой грязной неопрятной обстановке.

Я долго беседовал с эскимосами, пока они не догадались спросить: «где же белый человек?» Когда я сказал, что это я сам, беседующий с ними, они с трудом поверили. Но оленья была поставлена вариться, и мы вышли разгрузить сани. Я поспел как раз вовремя, чтобы стать свидетелем встречи Налунгьяк — «Малютки» со своей дочерью Упрямоглазой. Несмотря на буран, она стянула с себя верхнюю часть одежды, и молоденькая Кертилик приветствовала вскормившую ее грудь долгим искренним поцелуем.

Все стойбище проснулось. Мужчины предложили свою помощь для сооружения хижины и благодаря их искусству жилье наше было готово за то время, которое понадобилось нам на разгрузку саней и на размещение нашего багажа. И как только мы очутились под снежной крышей, к хижине приволокли двое огромных саней. Все — и люди и собаки — должны были отпраздновать наше прибытие!

Весь день я провел в гостях, переходя из одной хижины в другую. Я скоро понял, что попал на настоящую охотничью стоянку. Ни один из 23 мужчин не думал ни о чем, кроме лова тюленей. Выгоднее было бы для меня встретиться с ними позже, когда они уже поселились бы на острове Кинг-Вильям. Поэтому я решил уехать отсюда собирать амулеты около магнитного полюса, где, как мне сказали, находилось большое стойбище, представлявшее более богатую картину народной жизни. Но раньше надобно было подготовиться к встрече приближавшейся весны. После этой поездки я собирался совершить еще небольшую экскурсию на сушу к Большой Рыбной реке, а Гагу вместе с нетсиликским эскимосом отправить прямо на полуостров Кент, где находился торговый пункт Гудзоновской компании. Гага должен был доставить туда по хорошему весеннему льду все те коллекции, которые нам уже удалось составить, а оттуда привезти разные продукты и, между прочим, патроны.

К 11 мая я закончил все приготовления, распростился с двумя своими спутниками и направился к северу через пролив Рей. Моим проводником был здешний эскимос Алорнек — «Подошва», которого лучше всего характеризовала улыбка, постоянно сушившая его десны.

Нельзя было сказать заранее, где мы найдем людей; никому ведь неизвестно, где расположатся люди весной бить тюленей в ледовых отдушинах. Поэтому мы просто направились к северу вокруг острова Матти и дальше по проливу Веллингтона искать санные следы. Лишь найдя их, мы могли начать настоящие розыски.

Мы находились как раз перед магнитным полюсом, у мыса Аделаиды, когда увидели несколько покинутых снежных хи-

жин. Мы поехали по проложенному следу и тут и там видели трогательные выставки тюленьих черепов, указывавшие путь к обитаемым жильям. Сначала нам попались пять хижин, потом три, затем двенадцать и, наконец, опять двенадцать.

Подошва — настоящая собака-ищейка, не хуже Белого. Он хорошо знает здешних людей, знает, как они строят свои хижины, как спят на лежанках, знает следы их ног, и таким образом задолго до самой встречи мы знали, кого найдем.

На следующий день после полудня в самый буран все наши собаки вдруг исчезают с поверхности льда, и, когда мы всматриваемся хорошенько, оказывается, что они влетели во входное отверстие жилья, а мы находимся в центре заметенного снегом стойбища, которое искали в течение нескольких дней.

Разумеется, никто не замечает нашего прибытия, но Алорнек ходит от входа к входу и громко провозглашает наши имена. Мало-помалу все выползают из снежных сугробов — веселые, изумленные, исполненные того радушия, в котором так нуждается путник, застигнутый бураном.

Мы устраиваем себе жилье, огородившись двойным снежным валом: прежде всего нужно укрыться от бури, разметывающей наш строительный материал — снег.

*

Теперь, стало быть, начиналась великая охота за амулетами. Но я понимал, что это предприятие должно вестись с величайшей осторожностью. Во имя науки я обязан был попытаться скупить все эти невинные маленькие святыни, носимые на себе здешними эскимосами, и сделать это так, чтобы у них не было оснований потом, когда я скроюсь, обвинять меня в бедах, которые могут посетить их стойбище.

В основе религии этих племен лежит постоянная борьба со злыми невидимыми духами, которые портят людям жизнь болезнями и всякими неудачами на охоте. В защиту от всего этого у них только «табу», заклинания и амулеты. Я понимал, что моя задача была чрезвычайно деликатна и торопливостью я мог испортить все; поэтому весь первый день я провел, переходя из жилья в жилье и поглощая праздничное угощение — мороженую лососину, содержимое оленьих желудков и тюленину в таких количествах, что мой желудок едва справлялся.

Тем временем я заставил Подошву перенести в мою снежную хижину весь меновой товар. Тут были чудесные блестящие швейные иглы, вынутые из бумажек, чтобы оптом они сильнее бросались в глаза; ножи, наперстки, гвозди, табак, спички — все элементарные мелочи, столь обычные в нашем обиходе, но для людей, не имеющих регулярного общения с

цивилизованным миром, являвшиеся драгоценностями. С радостью отметил я большую посещаемость снежных сугробов, среди которых я устроил свое жилье; я был уверен, что люди приходили исключительно ради моей выставки.

Вечер я закончил в жилье самого старого обитателя стойбища, знаменитого заклинателя духов, который прожил долгую и кипучую жизнь, глубоко веря в свою силу, но теперь уже был согбен старостью и невзгодами жизни. Он улыбнулся мне со своей лежанки. Мы принялись обсуждать важные вопросы, и немного времени понадобилось, чтобы он признал во мне человека, столь же посвященного в тайны бытия, как и он. С любовью говорили мы об амулетах и об их значении и порешили, как настоящие коллеги, что я такой же специалист, как и он.

Вернувшись поздно вечером к себе, я нашел свою хижину переполненной мужчинами и женщинами. Все принесли с собой меха белых песцов, росомах, медвежьих шкуры и прочих меновой товар, какой в спросе у здешних торговых агентов. Гул разочарования пронесся по хижине, когда я сразу объявил им, что не являюсь обыкновенным торговым агентом. Я добавил, что разъезжаю, чтобы ознакомиться с нравами и обычаями чужих племен и вот теперь посетил их, так как знал, что из всех эскимосов они владеют самыми сильными амулетами. Я объяснил еще, что прибыл из дальней-дальней страны, поэтому можно без страха за меня лично нарушить все здешние «табу». Наконец, я произнес небольшую речь насчет самых амулетов и их употребления, причем, не забыв сослаться на свою беседу с местным ведуном, подкрепил свои взгляды словами знаменитых заклинателей других эскимосских племен. Я сильно напирал на то, что, по мнению их же собственного заклинателя, владелец амулета не лишается его защиты, если потеряет его. Сила амулета таинственно нисходит на того, кто носит этот амулет с детства. Главным же моим аргументом было, что если человек, потерявший амулет (который таким образом пропадает без всякой пользы), остается под защитой этого амулета, то ведь то же самое должно быть в том случае, если амулет путем обмена доставит своему владельцу прямую пользу. И сам я не собираюсь носить амулеты, которые покупаю; я не нуждаюсь в их волшебной силе; меня интересуют лишь самые предметы и их история.

После этой речи я попросил гостей покинуть мое жилье, так как мы с Подошвой устали и нуждаемся в отдыхе. Сквозь наблюдательное отверстие в стене моей хижины я мог видеть, как они кучками направлялись к старому заклинателю, доверие и понимание которого я успел завоевать.

Спали долго, и был уже поздний день, когда мы отодвинули снежную глыбу, которой загораживают вход по вечерам,

ложась спать. Пока ее не отодвинут сами хозяева жилья, считается неэтичным являться к ним в гости.

Мы с Подошвой сварили себе чаю, закусили тюлениной, но, невзирая на гостеприимно открытый вход в наше жилье, никто к нам не являлся. Я уже считал игру проигранной, как вдруг одна молодая девушка, заметившая вчера, что у меня имеются, между прочим, и бусы, подошла к нашему входному отверстию, но как-то замялась. Мы окликнули ее, и она протиснулась в проход со всеми своими амулетами, которые носила на себе ради будущего своего сына. Женщины вообще редко носят амулеты ради себя самих. По взглядам эскимосов, мужчины, а не женщины, должны бороться за существование; из этого естественно вытекает, что даже пятишестилетние девочки носят амулеты ради блага тех сыновей, которые у них когда-нибудь родятся,— ведь чем старше амулет, тем он сильнее.

Молодая девушка, которую звали Кусек — «Капля», подала мне небольшой кожаный мешок, куда она сложила все свои амулеты, которые за минуту до этого носила в разных потаенных местах своей нижней и верхней одежды. Я вынул амулеты — невинные, заплесневевшие вещицы с дурным запахом, не носившие никакой видимой печати своей внутренней священной, охраняющей силы. Взяв длинный черный лебединый клюв, я спросил девушку, для чего он служит. «Чтобы первый мой ребенок был мальчик», — сказала она, опустив глаза, премилая в своем бесконечном смущении.

Затем пришла очередь головы куропатки, к которой привязана была ножка той же птицы. Это означало, по объяснению девушки, что ее мальчик, быстроногий и выносливый на бегу, как куропатка, будет неутомимым охотником за дичью. Медвежий зуб давал крепкие зубы и хорошее пищеварение. Горностаевая шкурка с черепом, накрепко привязанным к снятому с головы зверька лоскутку, наделяла мальчика силой и ловкостью, а маленькая камбала защищала от опасностей при встрече с чужими племенами.

Это было все, что она осмеливалась отдать. У нее оставалось еще несколько вещиц, но их она хотела сохранить на всякий случай. Тем временем пришло еще несколько молодых мужчин и женщин; они с хихиканьем окружили девушку, увеличивая ее смущение. Но их насмешливые улыбки завяли, когда они увидели, что получила она в обмен. Я дал ей не только такое количество бус, что его должно было хватить на целое ожерелье, но еще две швейные иголки и блестящий наперсток в придачу.

В течение двух-трех часов в моей хижине было такое скопление народу, что я прямо боялся, как бы от напора толпы не сдвинулись с места снежные глыбы, и раньше чем пришла нам пора ложиться спать, я мог крикнуть из своей им-

провизированной лавочки: «Все распродано!» Зато я приобрел свыше 200 амулетов, единственных в своем роде.

В числе наиболее ходовых амулетов, считавшихся и наиболее ценными, были: морская ласточка — смелый и уверенный пловец; нога кайры, делающая мужчину искусным гребцом в каяке; голова и когти ворона, обеспечивающие долю в охотничьих добычах, ибо ворон умеет всегда вовремя явиться к дележу; оленьи зубы, зашитые в одежду, создают хорошего охотника за оленями; пчелиная матка, со всем своим роем зашитая в лоскут кожи, дает человеку светлую голову; муха наделяет неуязвимостью, так как очень трудно пришить муху; водяной жук закаляет височную кость. Одним из немногих собственно женских амулетов была чешуйчатая полоска лососьей кожи, дающая способность шить частыми и ровными стежками.

*

Мы с Подошвой запаковали амулеты как можно тщательнее. Перед тем я занес в свою записную книжку все, что узнал об их значении. Выступить решено было на следующее же утро с зарей, но мы не рассчитали, что старый заклинатель в последнюю минуту вмешается в дело со всем своим авторитетом оракула.

Ночная тьма уже готовилась уступить место предрассветной дымке утра, когда мы услышали похрустыванье снега и людские голоса. Это был старый заклинатель. Он велел своему сыну подвезти себя на санях к нашей хижине и желал поговорить со мной. Он явился к нам, когда мы сидели за своей скромной утренней трапезой, и объяснил мне, что, доверяя впечатлению, которое я произвел на него, он сам был в числе людей, пославших своих детей и внуков ко мне продать амулеты. Товары белого человека — редкость в здешних местах, но если даже наши рассуждения насчет амулетов безусловно правильны, все же амулет есть амулет, это истина незыблемая. Из всего, что я рассказывал им о совершенных мною дальних поездках и о многих племенах, которые я посетил, ясно, что я обладаю особой силой, делающей меня способным на такие подвиги. Сила человека прежде всего сказывается в росте и обилии его волос; так вот, он предлагает

мне отворотить гнев необузданных духов от здешних жителей, наделив прядью волос каждого, кто продал мне свой амулет!

Я сразу признал его правоту, но сослался на зимние холода и на неудобство выехать из стойбища совсем лысым. Мы поладили на том, что лишь отдавшие мне наиболее ценные амулеты имеют право получить от меня по прядке моих волос. А так как части одежды человека тоже могут считаться амулетами (что и старик признал правильным), то я, кроме волос, поделюсь еще своей старой шубой и рубашкой. Этим все были удовлетворены, и старик, которого звали Иткилик, все утро раздавал людям лоскуты моей шубы и рубашки, проверяя вместе со мной по моей записной книжке кто что дал. И лишь за самые ценные амулеты выдавал он по клочку моих волос, отрезая их довольно чувствительным для меня образом, так как нож у него был тупой, а ножниц в стойбище вообще не знали.

Когда, наконец, все эти церемонии были закончены, внешность моя не совсем отвечала тем идеалам, которые ставят себе наши парикмахеры, подстригая джентльмена!

Около полудня нам удалось-таки выбраться. Нас проводжали громкими напутствиями, которые говорили мне, что я не только приобрел здесь единственную в своем роде коллекцию, но и друзей, оставшихся в убеждении, что я отдал больше, нежели получил сам.

У СОБАК КАНИКУЛЫ

23 мая я простился с Гагой, который отправился с нашими коллекциями на полуостров Кент; туда и обратно было 120 км. Сам же я с Арнарулук, то есть с Малышкой, собрался ехать к эскимосам уткухикьялингмиут, жившим около Большой Рыбной реки, к самому неизвестному из всех эскимосских племен.

Мне говорили, что ближайшие стойбища находятся около Итивнарюка у озера Франклин. Туда от снежных хижин нет-силиков было не больше 250 километров по слегка подмерзшему весеннему снегу. Выходила не экспедиция, а небольшая экскурсия. На каждой стоянке мы наблюдали стада оленей; словно потоком живого провианта текли они к северу, спокойные, довольные, пощипывая мох, наслаждаясь прохладой открытых равнин. А на льду на солнце лежали тюлени в ленивой дреме. В шесть дней мы добрались до речной дельты, где тонкая наледь пути вдруг сменилась бездонным глинистым месивом. Река готова была вскрыться, по берегам тянулась голая земля; приходилось спешить, чтобы быстро надвигающаяся весна не отрезала нам обратного пути. Стойбища

оказались как раз там, где мы ожидали их найти, и мы провели восемь весьма интересных дней у этих континентальных эскимосов численностью 164 человека, разделенных на 3 стойбища. Держась преимущественно около рек и озер, они живут исключительно охотой на оленей и ловом форелей; условия их существования поэтому совершенно те же, что и вышеописанных континентальных эскимосов. Быстро пролетела эта богатая содержанием неделя, и мы пустились в обратный путь, сначала по реке, потом опять через глинистую бездорожную дельту.

*

По рыхлому снегу и глубоким лужам талой воды медленно двигались мы через пролив Симпсон и 13 июня выбрались на остров Кинг-Вильям у Малеруалика, где должны были по уговору встретиться с Гагой по его возвращении с полуострова Кент. Гаги, однако, здесь не оказалось, зато мы встретили старых знакомых: Белого с его двумя молодыми женами, к которым прибавилась еще третья Сакитаит — «Та, что заставляет сворачивать с пути». Она была замужем за спутником Гаги, но на время долгой отлучки мужа перешла к Белому вместе с детьми и всем хозяйством. Таков обычай в здешних местах. Кроме Белого, был тут еще человек по имени Иткилик — «Индеец», который прибыл со всей своей семьей с северных берегов острова Сомерсет у пролива Белло, где провел несколько лет. С такими-то людьми мне и хотелось встретиться, и так как я одновременно получил подтверждение, что все племя нетсиликов, живущее в стойбищах между полуостровом Аделаида и перешейком Бутия, соберется для рыбной ловли на остров Кинг-Вильям, то я, наконец, решил про себя, что умнее всего будет остаться тут на все лето.

Разумеется, это не был новый неисследованный край: до меня в этих местах побывали и Шватка, и Руал Амундсен, и Годфред Хансен, но у моих предшественников были иные задачи, чем у меня, и я, не слишком умаляя их превосходные исследования, мог все-таки сказать, что нахожусь среди новых людей.

Я провел в стойбище два-три дня, чтобы сделать кое-какие необходимые приготовления к лету. У нас не было больше средств для закупки провианта, и запасы патронов были весьма невелики, так как я, продолжая пополнять свои этнографические коллекции, оплачивал покупки порохом и свинцом, предназначавшимися собственно для нас самих. Запоздание Гаги вынуждало меня теперь же составить твердый план на предстоящее лето, и лучше всего казалось мне устроиться так, чтобы я мог посвятить все свое время этнографической и археологической работе. Человечек, сопровождавший меня к Большой Рыбной реке, обещал остаться у

меня на службе вместе со своей женой и двумя пасынками. Имея в виду уход за нашими 17 собаками, я пригласил еще одного молодого человека, с которым тоже встретился здесь в стойбище. Звали его Головач и женат он был на молоденькой Трещине. Человечек предоставил весь свой запас патронов в мое распоряжение, а Головач сам почти ничего не имел. Мы уговорились с ним, что он, расходуя на охоте мои патроны, будет зато кормить наших собак. Кроме того, я вообще был хозяином их времени и мог поставить на любую работу, кроме раскопок руин, что являлось для них «табу». Награду же я им обещал, как только сам разживусь средствами.

СТОЙБИЩЕ БЛАЖЕННЫХ

1 июля мы с Арнарулук — «Малышкой» принялись за раскопки руин большого эскимосского становища, которое наши около Малеруалика. Оставшиеся еще в палатках немногочисленные обитатели этого стойбища неодобрительно смотрели на нашу затею. Они убеждены были, что не только не следует тревожить покой мертвецов, но нельзя трогать и оставленного ими. Кроме того, они знали, что нам будет очень трудно добывать себе там пропитание, — в данное время года в этих местах дичи совсем не водилось. Все поэтому спешили в глубь страны к рыбным местам, где начинался лов форели.

Каждый день я отправлял Человечка и Головача с собаками на охоту за тюленями, а сам с головой уходил в раскопки. Вся наша охотничья добыча свелась, однако, к десятку тюленей — куда меньше того, на что я рассчитывал.

25 июля положение стало настолько невыносимым, что мы решили на время перебраться к озеру Амйтсок внутри страны, где шел большой лов форели. Ход оленей на север еще продолжался, и это обещало нам неплохую охоту в пути.

5 августа мы достигли знаменитейшего рыбного места на острове Кинг-Вильям. Я столько слышал об этом месте, наслушался таких похвал за последние месяцы, что испытал разочарование. Все стойбище насчитывало лишь пяток скромных палаток, и самое озеро Амйтсок было абсолютно не живописным продолговатым водоемом, соединенным с другим безыменным озером речкой около 500 метров длины и 12—15 метров ширины. Вот и все! Местность вокруг была плоская, каменистая; некоторое разнообразие вносили лишь гряды холмов на юго-западе, высотой в 100—200 метров. И никакого вида отсюда не открывалось. Я сразу это отметил, так как надеялся было, что отсюда нам удастся выслеживать оленей и в течение нескольких недель энергичной охотой пополнить свои запасы. Население стойбища оказалось сплошь из старых наших знакомцев, и это было единствен-

ным утешением. Здесь находился и Беспалый со своей семьей и заклинитель духов Самик, с которым я весной познакомился в стойбище снежных хижин около реки Мёрчисон. Я купил у него тогда тюленью шкуру, которую забыл захватить с собой, и он с тех пор таскал ее за собой всюду, чтобы отдать мне, если мы случайно встретимся. Прекрасный пример добросовестности! Кроме того, здесь находилось несколько молодых

людей да две-три старухи, а всего-навсего 30 человек.

Сведения, полученные от них, были неутешительны. Мало оленей, мало лососей, никакого корма для собак! Мы приехали слишком рано. Лов рыбы начинался после 15 августа и только к концу месяца бывал в самом разгаре. С припасами у них все лето было туго, я не давал о себе вестей, и потому рыбные склады, на которые я втихомолку рассчитывал, давно уже были исчерпаны. В ближайшем нашем соседстве проживало около 150 человек, но они все разбрелись по разным рыбным местам, чтобы иметь больше шансов. И мне пришлось посылать своих людей поодиночке в разные стороны.

Последние дни здесь дул штормовой норд, но погода стояла ясная. Перед самым же нашим приездом в стойбище ветер улегся, и в первый раз за долгое время наступил штиль, и жарища выманила отдельных назойливых комаров из их укромных болот. От хорошей погоды все воспрянули духом, и, несмотря на жару, на равнине около стойбища шли всевозможные игры. Мы намерзли в суровую ветреную погоду, которая держалась сплошь весь последний месяц, и теперь прямо ожили, глядя на ребятишек, бегающих голышом и даже купающихся в озерах.

У Амитсока я провел восемь дней и собрал много интересных сведений о старинных обычаях и нравах. Нам удалось добыть шесть оленей, и их мясом кормились и собаки наши и соседи, пока я занимался своим писанием.

В жизни не видывал я таких веселых и беззаботных людей, так мило голодающих, так благодушно мерзнущих в своих жалких, драных одеждах! Никогда не забуду, напри-

мер, сыновей Самика, одинаково резвившихся и в поле и в ледяной воде, одетых всегда в лохмотья, с посиневшими и распухшими от холода руками и ногами, но абсолютно нечувствительных к этому. Здешние люди представляют себе «страну блаженных» местом, где радость живет вечно, и ежедневным выражением ее служат непрерывные игры. Такой идеал существования достигнут ими, кажется, и в здешней жизни — на местах лова лососей, где люди всех возрастов, обоего пола, проводят в играх часов по шесть в день, по крайней мере!

Складывается их день приблизительно так: сначала работа, дающая хлеб насущный. Она занимает не больше получаса — по 10 минут три раза в день; но и эти десять рабочих минут становятся праздником — все работы взапуски с радостными криками, оглушительным хохотом.

Рыбу ловили в речке, соединяющей оба озера. Она перегородена большой плотиной. Посередине речки устроен большой круглый пруд «касге» с отверстием в сторону того озера, откуда речка вытекает. Отверстие «увкуак» задвигается плоским камнем, как только рыба, искавшая из внутреннего озера ход в море, заблудится в пруду. К последнему примыкает ряд вершей или каменных мешков «ситусарфит» с крышками из плоских камней. Мешки эти делаются длиной в 2 метра; ширина входных отверстий $1\frac{1}{2}$ метра; противоположными же узкими концами верши входят одна в другую.

Ход рыбы обычно бывает около полуночи, ранним утром перед восходом солнца, а иногда еще под вечер, когда солнце клонится к закату. Только в эти три срока и происходит лов, в другое время доступ к реке запрещен — рыбе необходимо дать покой.

Лов общий, участвуют в нем все вместе. Никто не смеет приблизиться к месту, пока рыбный староста не подаст сигнала всему стойбищу возгласом «Аркайниалерпугут!» — «Идем теперь!»

В ответ раздаются радостные крики из всех палаток, и люди взапуски кидаются к реке, все — и стар и млад, мужчины, женщины и дети, кто в полной одежде, кто полуголый, большинство босиком, хотя вода в реке ледяная. На некотором расстоянии от места лова все останавливаются там, где сложены остроги с длинными деревянными рукоятками. Затем четверо-пятеро мужчин подкрадываются к озеру, откуда должна выйти рыба. Приходится соблюдать большую осторожность, чтобы тень от людей не легла на воду. В 20 метрах от искусственного пруда люди разом бултыхаются в речку, и надо видеть, как вся рыба, собравшаяся около каменной плотины, устремляется к пруду! Некоторые лососи перепрыгивают преграду и уходят в другое озеро, но большая

часть входит в отверстие пруда. И как только в реке не остается больше рыбы, один из мужчин быстро задвигает отверстие пруда большим плоским камнем. Это знак, что лов может начаться. И, не обращая внимания на ледяную воду, не боясь насквозь промочить одежду, вся нетерпеливая толпа людская бросается в реку, затем в пруд и начинает колотить острогами скопившуюся там рыбу, которая мечется и проскальзывает между ногами людей. Колят без всякой системы, каждый старается только набить побольше, и для меня всегда было загадкой, как в этой суматохе, где все тычут острогами, по-видимому, куда попало, не становятся добычей пальцы ног ловцов? Но, кажется, таких случаев не бывает. У каждого ловца в руке длинная костяная игла с ремешком и деревяшкой вместо узла на другом конце. Поймав рыбу, ловец прокалывает ее иглой, предпочтительно так, чтобы хребет хрустнул, продергивает сквозь нее ремешок и продолжает лов. Часто ловец таким образом таскает за собой по воде по 5—6 рыбин. Не вся рыба добывается острогами в пруду, много ее набивается в верши, где она и ждет хозяина — того, кто ставил вершу. Вылавливают рыбу оттуда и мужчины и женщины. Делается это так: один ловец держит наготове свою острогу у самого входа в вершу, так что рыба не осмеливается выскользнуть отсюда, другой убирает прочь камень из внутреннего прикрытого конца верши, где испуганная рыба и дает поймать себя.

Попозже летом или в начале осени у Амитока бывает такой богатый улов рыбы, что каждая семья за две недели может наловить достаточно, чтобы заготовить про запас на зиму 3—4 полных склада прекрасной жирной рыбы. В каждом складе бывает от 200 до 300 кг.

Чрезвычайно трудно добывать топливо у Амитока. Касия здесь не водится, и приходится довольствоваться сырым дриасом, который вдобавок в это время года цветет. Его до такой степени трудно разжигать, что приходится непрерывно раздувать огонь, отчего не только дух захватывает, но и глаза ест дымом, особенно если костер разведен в палатке без дымового отверстия. Трудно и добыть огонь. Спичек у здешних людей вообще не водится; огонь добывают, ударяя по куску серного колчедана обломком железа и стараясь, чтобы искры попали на сухой, обрызганный салом мох или болотный пух. Когда образуется тлеющий нагар или уголек, надо усердно раздувать его, пока весь мох или пух не затлеет; тогда подкидывают пук сухой травы; но, чтобы разжечь самое топливо, надо провозиться не менее получаса. И как только кому-нибудь удастся это, к нему обыкновенно идут за огоньком все соседи.

Приняв во внимание все эти трудности, не станешь удивляться, что пища большей частью — и мясо и рыба —

сдается в сыром виде. На то, чтобы сварить котел рыбы и вскипятить котелок воды на дриасе, Арнарулук тратила по пяти часов! Кассия, напротив, разгорается быстро и дает совсем другой жар, поэтому на то же самое уходит меньше часа.

Рыбные места считаются, как и места переправы оленей, «священными». Самый лов обставлен строгими «табу», нарушение которых грозит, по общему мнению, роковыми последствиями,— может сказаться на всем ходе зимних промыслов и охоты. Запрещено употреблять в пищу мозговые кости, никто не смеет полакомиться и свежими оленьими мозгами; головы, если их принесут на стойбище, необходимо тщательно очистить от мяса и бережно опустить в ближайшую речку, где не водится рыбы. Большая часть «табу» налагается на женщин; им запрещено, например, шить в своих палатках, где, впрочем, и мужчины не имеют права чинить или налаживать рыболовную снасть. Шитье чего бы то ни было из шкур животных безусловно запрещено в палатках, поэтому от изношенной за зиму одежды остаются летом одни жалкие лохмотья. Нельзя даже дыры заштопать, заплату положить. Единственное дозволенное шитье — это подшивка новых или латанье старых подошв и то лишь в том случае, если весь нужный материал раскроен прежде, чем люди покинули берег. Вдобавок работа эта, как и починка рыболовной снасти, должна производиться не в самом стойбище, а на особой рабочей площадке — «Сангнавик», где-нибудь под защитой от ветра, за большим камнем, на некотором расстоянии от палаток. Тут большинство людей и проводит свое время, когда не погружено в сон или не занято играми.

Игры, которыми здесь могут заниматься часами, просты и наивны, но вполне удовлетворяют своему назначению,— согревают и дают моцион, что является нелишним.

Особенно любимая игра — нечто среднее между прятками и пятнашками. Все участники становятся тесно в круг и стоят, опустив головы, в то время как один прячется. Как только его найдут, он бежит, его догоняют, и первый, кто добьется до голого местечка на его теле, идет прятаться в свою очередь, и игра возобновляется. Или все садятся в ряд, а один ходит вдоль всего длинного ряда и пинает всех сидящих носком в подошвы; потом достается их пальцам ног, затем голени, и всякий раз, проходя ряд, он бодает кого-нибудь головой в живот. Наконец, он щекочет каждого и пускается бежать; его ловят, и он должен, отщипнув клочок меха от своей шубы, сунуть его кому-нибудь, кто и берет на себя его роль. Играют также в молчанку, плотно сжав губы. Кто первый рассмеется, получает комическое прозвище, на которое должен откликаться до конца дня. Играют и в медведя, который, бегая на четвереньках, пытается повалить всех

по очереди. Особенно любима игра в мяч, в которой должно принимать участие по возможности большее число людей. Играют пара против пары: партнеры стараются перекинуть мяч один другому, перебивая мяч противников. Все уловки дозволены. С противниками дерутся, подставляют им ножку, толкают их в спину — все это с веселыми криками и хохотом. Стоит начать эту игру, в которую готовы играть и стар и млад, и она может продолжаться целый день, никто не подумает передохнуть хоть на минуту. На следующий день принимаются опять за ту же игру. Муж с женой обыкновенно бывают партнерами, и я часто любовался их красивой и трогательной манерой обращения друг с другом. Редко в других местах слышал я, чтобы мужчины так расхваливали своих жен, зато и жены в свою очередь не устают восхвалять достоинства своих мужей.

12 августа я с сожалением вынужден был покинуть эту стоянку, где каждый день дарил меня новыми впечатлениями, иллюстрировавшими завидную легкость духа этих примитивных натур. Поскольку способность отдаваться минуте — благое свойство, я в самом деле побывал в «стойбище блаженных».

Улов рыбы был все время скудный, олени держались совсем в другой стороне острова, дождь и ветер не давали пощады, и частенько нельзя было даже считать себя сытым! Но лето еще не миновало, еще возможен был перелом в условиях охоты, и зачем же думать о завтрашнем дне? Кроме того, по старым поверьям племени, духи никогда не помогают унывающим и малодушным!

17 августа мы снова вернулись на свою старую стоянку у Малеруалика.

Я сажусь перед палаткой и курю трубку за трубкой в благоговейном молчании. Какое дивное зрелище представляет море с его изменчивыми красками и настроениями! Лед совершенно исчез. Зеркально гладкая поверхность пролива Симпсон пышет белизной растопленного свинца; мелкие озера выступают темными контурами на фоне светлого вечернего неба.

Мы поставили на реке сети сразу, как приехали, и раньше, чем улеглись на покой, Арнарулук явилась с двумя жирными форелями, которых мы тотчас же сунули в котел. Варили мы на костре из кассии; не хотелось уходить в палатку. Выдался один из тех необыкновенных вечеров, которые не забываются. И, чтобы он еще больше врезался в память, на гребне небольшой гряды холмов перед нашей палаткой вынырнули вдруг десять лоснящихся оленьих самок под предводительством могучего быка. Собаки, увидев их, залились оглушительным лаем.

На следующий день мы с Арнарулук принялись за раскопки, но уже 25 августа с северо-запада налетел шторм с первым снегом. Земля подмерзла, и все мелкие озера затянулись ледком. К этому дню у нас, однако, было уже раскопано до дюжины остатков старых жилищ и пополнен материал, столь необходимый для суждения о новой культуре, которую мы обнаружили. Осень неумолимо стучалась в двери, и так как мне очень хотелось остаток времени перед нашим выступлением на запад использовать здесь для записи слышанного мной от старейшего представителя племени, то мы с Арнарулук возвели себе каменное жилье северогренландского типа, какие в ходу на мысе Йорк.

3 сентября выдалась погода, по которой мы тосковали недели: тихая, с легким морозцем, ярким солнцем на ясном небе и со слабым западным бризом. Подобные дни настолько редки в здешних местах, что трудно не поддаться их необычайному очарованию.

Мы решили подняться на гребень гряды, находившейся в нескольких часах езды от нашей стоянки, чтобы провести там с неделю и запастись топливом до наступления снегопада. Там, наверху, было одно из тех немногих мест, где произрастала кассия. Арнарулук не нужно будет поэтому тратить ежедневно по несколько часов на соби́рание топлива для приготовления нам пищи. Как раз когда мы уже готовы были выступить, пришел Человечек с несколькими нашими собаками, нагруженными мясом. Не успел он снять выюк и привязать собак, как мимо нас промчалась кучка оленей. Человечек немедленно пустился их преследовать, и мы пока что отложили свое выступление.

Перевалило за вторую половину дня, мы с Арнарулук сидели около палатки, несколько разочарованные тем, что день все-таки не ознаменован нашим выступлением. Мы сидели и глядели на воду, как вдруг Арнарулук голосом, дрожащим от волнения, воскликнула:

— Я думала это прилив, а теперь вижу, что это отмель, только я как будто не узнаю ее... Глядите! Она движется!

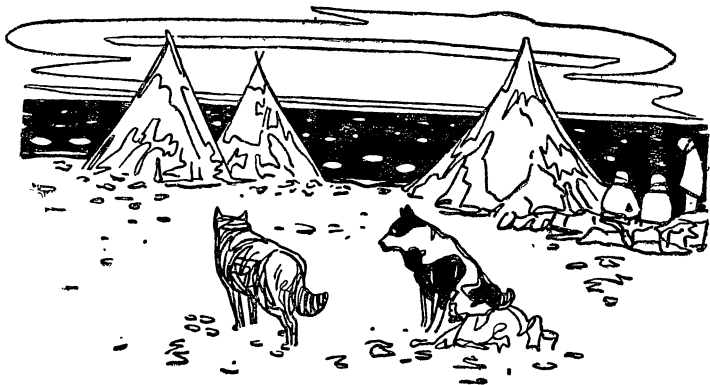
Она указала на плоский мыс к западу от острова Эта, и теперь мы оба ясно увидели небольшое каноэ*, плывущее в нашу сторону. В здешнем крае в каяках плавают только по пресноводным озерам, и судно на море было явлением невиданным. В каноэ сидело двое, и это могли быть только Гага со своим спутником. Мы ждали их с середины июня, каждый день высматривали их, а теперь, когда увидели на самом деле, у нас дух замер.

* Индейская лодка с высоким носом и кормой.

Мы схватились за бинокль и узнали их. Это действительно были они! Через час они добрались до нас. Мы кинулись вниз навстречу им гораздо раньше, чем они могли пристать к берегу. Мы радовались, что видим их живыми и здоровыми, и напряженно ожидали выяснения вопроса: привезли ли они нам то, в чем мы так сильно нуждались. К сожалению, к радости свидания быстро примешалось разочарование. Гага прежде всего крикнул нам: «Ни патронов, ни табаку, ни чаю, ни кофе, ни сахару, ни муки! Но,— добавил он, смеясь,— мы сами живехоньки, а на это-то не всегда можно было рассчитывать, как, пожалуй, вам кажется».

Тут каноэ закрипело о крупный прибрежный песок. Гага выпрыгнул на берег, и мы широко распахнули друг другу объятия.

Тотчас был дан и отчет. Оставив остров Кинг-Вильям в конце мая, они попали в полосу торосов у побережья материка и вынуждены были направиться через остров Линдса около острова Виктория, откуда двинулись через мыс Белого Медведя на южном берегу залива Куин-Мод. На пути к острову Мелборн они два раза встретили эскимосов китлинермиут, которые отнеслись к ним крайне враждебно. Сначала показывались только женщины; мужчины выжидали в засадах вокруг стойбища, готовые напасть, если представится случай. Дружеские отношения, впрочем, налаживались быстро, но в двух местах эскимосы держались подозрительно таинственно, и Гага с товарищем сочли за лучшее не ночевать у них. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, они обыкновенно привязывали своих собак вокруг всей палатки и таким образом могли быть уверены в том, что проснутся, с какой бы стороны ни подошли нападающие. Коллекции были в целости сданы представителю Гудзоновской компании на полуострове Кент, но песцовый промысел дал в этом году такие блестящие результаты, что все товары в лавке оказались распроданными. И Гага с товарищем получили так мало патронов, что им только-только хватило на обратный путь. Реки, впадавшие в залив Куин-Мод, вскрылись уже в начале июня, поэтому для продолжения пути им пришлось занять каноэ. Всех собак своих они оставили у эскимосов по близости реки Эллис, где путники провели с месяц, пока не прошел лед и можно было идти на веслах вдоль берега. Повсюду они видели большие стада оленей, а недалеко от реки Эллис встретили столь огромное, что оно целых три дня проходило мимо них. И все это время вокруг била ключом жизнь, кипело движение. В разгаре лета, когда, наконец, можно было пользоваться лодкой, пак столь плотно придвинулся к берегу, что им лишь с величайшим трудом удавалось пробиваться вперед в своем утлом каноэ. Несмотря на такие обескураживающие сообщения, свидание, разумеется, все-таки было веселым.

Я особенно радовался тому, что не буду совсем одиноким среди чужих, когда недостаток патронов осложнит нашу борьбу за сохранение собак.

У оленей свои определенные привычки, которых они держатся из года в год с таким постоянством, что можно весьма точно указать сроки начала и конца оленьего хода. При первом же снегопаде в сентябре месяце олени начинают собираться стадами от 25 до 100 голов, и пока озера затягиваются льдом, медленно спускаются к берегам пролива Симпсон; затем все усиливающийся холод, обыкновенно сопровождающийся обледенением дорог в начале октября, дает сигнал к великому передвижению, которое наводняет оленями все окрестности Малеруалика. Совсем неподалеку, к северо-западу от руин старых стойбищ, лежит посреди залива остров Эта, значительно сокращающий оленям переправу. Разные стада каким-то загадочным образом держат связь между собой, и едва успеют первые кучки оленей достигнуть берега и ознакомиться с условиями переправы, как их товарищи несутся потоком со всех сторон острова на берег, противоположащий острову Эта. Они держатся, вдобавок, вполне определенных путей и поэтому вдоль береговой полосы и в разных горных проходах масса охотничьих знаков и засад указывает, как в старину гнали оленей охотники, вооруженные луком и стрелами. В те времена все стойбище объединялось для гоньбы, и хотя это был медленный способ охоты, не дававший таких больших запасов мяса, какой дает применение огнестрельного оружия, однако поколения за поколениями кормились таким образом. Зато тогда не было этого массового истребления зверя, которое грозит оленю всюду, где эскимосы вооружены современными ружьями.

15 сентября в нашем стойбище, мало-помалу собравшем свыше ста жителей, произошла паника. Между палатками

пронесся вопль, и когда мы все выскочили, то увидели первые крупные стада оленей, рысцой пробегавшие с холмов к востоку от стойбища. Издали они напоминали мощные кавалерийские отряды, двигавшиеся колоннами в 50—100 голов, твердо держа курс к месту переправы на остров Эта. Все мужчины похватали свои ружья и охотничьи сумки и через минуту уже залегли в засадах между буграми, мимо которых должны были пробегать олени. Это было первое осеннее истребление оленей, которые, ничего не подозревая, продолжали свой путь к берегу все той же рысцой, пока оглушительный ружейный залп внезапно не остановил их. С секунду стояли они как пригвожденные, растерянно озираясь вокруг, ища невидимых врагов, и этот миг растерянности дал многим охотникам хороший шанс. Выстрел гремел за выстрелом, и олень за оленем, шатаясь, падал между пораженными ужасом сородичами, пока вдруг вся кавалькада, словно по уговору, не разбилась на массу отдельных кучек и не помчалась обратно в глубь острова.

Мы с Гагой не участвовали в этой охоте, так как в распоряжении у нас обоих вместе оставалось не более 75 выстрелов; надо было дорожить до крайности каждым патроном, и мы не смели рисковать заразиться тем азартом, который так легко охватывает охотников, когда они стреляют все взапуски, без разбора.

ВЕЛИКОЕ ЧУДО

21 сентября мы пережили великое чудо.

Я направляюсь к палаткам стойбища, как вдруг замечаю, что там начинается страшное смятение. В один миг все выскакивают из палаток — мужчины, женщины и дети и все кричат: о-о-о-о-о-о!

Сначала все так взволнованы, что никто не двигается с места, но затем новое волнение, и все бросаются ко мне; впереди всех бежит вообще столь спокойный Ниунуак — «Малая нога». Я догадываюсь, что они завидели приближающееся стадо оленей и хотят попросить у меня ружье. И отвечаю заранее отказом, так как приходится экономить патроны. Но Малая нога подбегает ко мне вплотную, еще не успев рта раскрыть, широким жестом указывает на пролив Симпсон в направлении острова Эта и кричит без всяких пояснений:

— Гляди, гляди! Да гляди же туда!

Я оборачиваюсь и вижу... нет, я не верю собственным глазам: судно под всеми парусами идет к нашему стойбищу! Для всей молодежи, безмолвно стоявшей вокруг меня, это огромное чудо. Они сроду еще не видывали корабля. Поглядите только, как он плывет! Ах, откуда они там взяли столько де-

рева?! И плывет он по воде, как огромная птица, большие паруса топырятся, как большие белые крылья!

Я сам был охвачен странным волнением, которым звучали все эти громкие изумленные крики, и, не рассуждая о том, что за люди на этом корабле и что им тут нужно, отдался мысли, что на этом маленьком судне есть патроны, в которых мы так нуждаемся, что оно недаром приплыло к нам чуть не на край света!

На флагштоке, составленном из двух связанных лыж, подняли мы над моим эскимосским жильем флаги: датский и английский, а через час чужое судно бросило якорь перед нашим стойбищем, и моторный бот с двумя белыми людьми на борту запыхтел у берега. Они отрекомендовались мне: Петер Норберг из Хернесанда и Генри Бьёрн из Престё, датчане!

Так велик и вместе с тем так мал белый свет!

Им поручено было открыть новый торговый пункт Гудзоновской компании на острове Кинг-Вильям. Судно называлось «Эль Суэно». Это была старая изношенная посудина — увеселительная яхта из Сан-Франциско. Нам, отвыкшим от вида кораблей, она показалась фрегатом, хоть и была не больше 20 тонн водоизмещением. И на этой скорлупе, не бывшей даже паровым судном и вдобавок тащившей на буксире большой бот, Петер Норберг форсировал самую трудную часть старого Северо-западного прохода, залив Куин-Мод, совершив таким образом настоящий подвиг мореплавателя, подвиг, о величине которого он и сам даже не подозревал! Морской карты ни у кого из них не было, и вообще их не снабдили никакими техническими вспомогательными средствами для такой морской экспедиции. «Но,— сказал Петер Норберг,— недаром же мы северяне и потомки викингов!»

В борьбе за преодоление Северо-западного прохода 40 кораблей тщетно направляли свой бег в эти воды. Руал Амундсен на своей маленькой «Йоа» явился первым победителем, вторым — Петер Норберг на судне, которое даже нельзя назвать кораблем. Оно предназначалось только для увеселительных прогулок у Голден-Гейт *

Через 10 минут я уже на борту судна и запускаю зубы в апельсин. Немного спустя я сижу и таращу глаза на чашку дымящегося кофе. На столе хлеб, сыр и масло, но я их не трогаю, я довольствуюсь тем, что окружаю себя густыми облаками табачного дыма. Подкрепившись немного, я открываю, что сижу на ящике, содержащем 5000 патронов как раз того калибра, который подходит к нашим ружьям, и слышу смутно, как во сне, что мне обещают запас патронов, необхо-

* «Золотые ворота» — пролив, ведущий в бухту Сан-Франциско.

димый на срок с сегодняшнего дня и до тех пор, когда мы отправимся на запад по первопутку.

Так внезапно, так круто может измениться все положение арктической экспедиции!

Я выглянул в открытый иллюминатор: солнце светит, миллионами мельчайших кристаллов блестит белый снег, и сотни диких оленей, ничего не подозревая, трусят рысцой к югу, навстречу смерти и истреблению.

ЗАКАЛЕННОЕ ПЛЕМЯ

Отгороженной от внешнего мира ледяным морем и огромными, бездорожными, арктическими пустынями горсточке людей, называющих себя нетсилингмиут, или «тюленьими эскимосами», предоставлено было жить и развиваться совершенно свободно, без посторонних влияний вплоть до наших дней. Они сами дали себе следующие групповые обозначения.

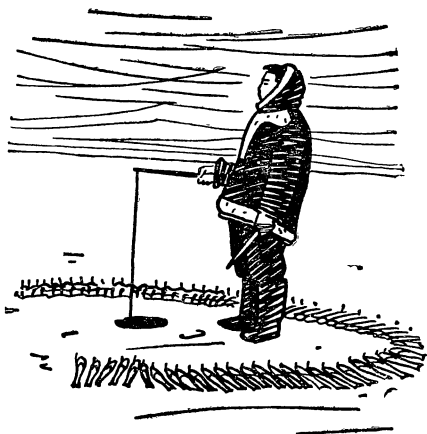
Арвиллигьярмиут около Пелли-Бея, численностью: 32 души мужского пола и 22 женского; собственно нетсилингмиут на перешейке Бутия: 39 мужчин и 27 женщин; кунгмиут на реке Мёрчисон: 22 мужчины и 15 женщин; арвертормиут у пролива Белло и северного Сомерсета: 10 мужчин и 8 женщин и, наконец, иливилермиут на полуострове Аделаида: 47 мужчин и 37 женщин.

В общем 259 человек живут внутри страны с половины июля до декабря охотой на оленей и ловом лососей; остальную же часть года бьют тюленей на морском льду. Наименование «тюленьих» эскимосов вряд ли дано им было потому, что область изобилует тюленьями,— это далеко не так. Скорее же назвали их так потому, что после более раннего периода своей культуры, когда они вели сухопутно-кочевой образ жизни, они перебрались в приморские области и в противоположность «оленным» эскимосам занялись ловом морского зверя. Произошло это в сравнительно более позднее время.

Несмотря на малочисленность народа, их общие охотничьи угодья занимают площадь приблизительно в 12 500 кв. километров, то есть приблизительно в три раза больше Дании или всей свободной от материкового льда Западной Гренландии.

С этими людьми я прожил более полугода в самой благоприятной обстановке для их изучения, так как сам вынужден был на это время вернуться к первобытному образу жизни и всецело разделять условия их существования. Общая судьба, связывавшая нас в повседневной жизни, чрезвычайно сблизила нас.

Собственные предания нетсиликских эскимосов указывают, что они здесь племя не коренное, а пришедшее, завладевшее землей первоначальных обитателей. Последних называют, как и более раннее, теперь вымершее население берегов Гудзонова залива, тунитами. Рассказывают, что это туниты в самые ранние времена сделали землю обитаемой. Они отыскали места переправ оленей и расставили каменные знаки по всей стране, чтобы таким образом заставить оленей следовать определенными путями, по которым им легко было гнать охотникам. Они же отыскивали рыбу в реках и научились ловить ее острогами, устраивать плотины из камней и искусственные пруды.

Эти первые обитатели страны говорили на том же языке, что и нынешние, хотя и на ином наречии, которое оставило свои следы в отдельных преданиях. Тунитов рисуют рослым и сильным народом, но добродушным до трусливости, легко обращавшимся в бегство. Образ их жизни в глубине страны в летнее и осеннее время вполне совпадал с образом жизни нынешних «тюленьих» эскимосов, если подразумевать под этим охоту на оленей и рыболовство. Но, в противоположность нынешнему населению, туниты любили море; когда оно бывало свободно ото льда, они ставили свои палатки там, где водилось много китов, моржей и тюленей, и охотились на морского зверя с каяков. Были они также ловкими охотниками за мускусными быками и смелыми медвежатниками.

Нетсилингмиут живут в стране, где никогда не живетя слишком сытно. Разумеется, в некоторые периоды года добыча превышает ежедневное потребление, главным образом во время больших осенних охот на оленей или в период обильного лова лососей. Но учитывая, что зимой часто неделями невозможно раздобыть ничего съестного, нельзя не признать устройства складов мяса и рыбы абсолютной жизненной необходимостью. Жизнь здесь — почти непрерывная жестокая борьба за существование, и роковые периоды нужды и голодания нередки. Неудивительно поэтому и нередкие случаи каннибализма, о которых рассказывал мне Самик.

— Многие люди ели человеческое мясо, но делали это не по охоте, а для спасения жизни, когда муки долгой голодовки так их терзали, что они почти лишались рассудка. Голод по-

лон ужасов, голод несет бред, видения, он может сломить самых сильных людей и толкнуть их на такие дела, от которых они в другое время отвернулись бы с отвращением.

Ярче всего борьбу за существование иллюстрирует стремление как можно больше сэкономить на деторождении. Ведь только соображениями экономии вызван обычай убивать новорожденных девочек, если они заранее не обещаны семье, имеющей сына, которому надобно будет в свое время взять жену. Эти детоубийства отнюдь не проявление жестокости, и причина их не в недооценке женщины как члена общества. Нет, настолько жестока борьба за существование, что поколение за поколением на опыте убеждается, насколько невозможно одному добытчику прокормить больше строго необходимого числа членов семьи. Девочка является только обузой, расходной статьёй в хозяйстве, пока не подрастет настолько, что может приносить пользу, но ведь как только она становится способной участвовать в общей работе, она выходит замуж и покидает свою семью. Вот откуда это регулирование деторождения и предпочтение мальчиков девочкам.

ЗИМНЯЯ ОХОТА НА ТЮЛЕНЕЙ

Если условия жизни «тюленьих» эскимосов так тяжелы, то надо удивляться их способностям и умению вести борьбу за существование. Они смекнули, как лучше охотиться на робких и быстроногих оленей: надо загонять их в озера, где можно их настигать в стройных, подвижных каяках и прокалывать копьями. Они изучили привычки и пути оленей и устроили на оленьих тропах засады из камней, откуда стреляют зверя из луков. А форелей речных и озерных, которые редко бывают голодны и потому не идут на обыкновенные крючки, выманивают из их убежищ маленькой, похожей на рыбку приманкой и бьют затем острогами.

Наибольшего искусства из всех практикуемых эскимосами родов и способов охоты и лова требует все-таки зимний лов с гарпуном через тюленьи отдушины.

Когда море затягивается льдом, тюлени продирают в нем своими острыми, как ножи, когтями небольшие дыры, через которые и вдыхают воздух. И пока лед тонок, нетрудно бить тюленей гарпуном через такую отдушину, выделяющуюся на ровной поверхности тонким ледяно-воздушным колпачком.

Такой колпачок образуется оттого, что тюлень, собираясь дышать, пробивает тонкий лед своей круглой головой, и горячее дыхание зверя тоже дырявит лед. Тюлень заботливо углубляет свою отдушину по мере того, как ледяной покров все утолщается снизу; колпачок же наверху сохраняется неизменно как наполненное воздухом пространство между во-

дой, льдом и снегом. Довольно скоро отдушина покрывается сверху слоем снега, но тепло от дыхания тюленя проникает сквозь снег, и снова образуется дыра. Через нее отдушина, уходящая глубоко в толщу льда, постоянно сообщается с воздухом, хотя бы ее временами и прикрывал тонкий слой снега.

Но если нетрудно всадить гарпун в тюленя, пока лед тонок, то гораздо труднее сделать это, когда лед с течением зимы достигает толщины двух-трех метров, хотя тюлень постоянно поддерживает свою отдушину открытой. В толще льда образуется как бы труба 60—70 сантиметров в диаметре; тюленю есть где повернуться. Наполненный воздухом колпачок наверху сохраняется и через дыру в снегу всегда сообщается с воздухом, тогда как нижнее отверстие быстро замерзает, едва тюлень покидает эту отдушину, чтобы направиться к другим. Таким образом тюленю приходится продирать когтями дыру всякий раз, как ему нужно подышать. У каждого тюленя много отдушин; он не может найти для себя достаточно пищи где-нибудь в одном месте и вынужден искать ее на довольно обширном пространстве, где у него должно быть достаточное число отдушин на случай, если он начнет задыхаться.

Несведущие люди часто полагают, что лов тюленей через отдушины дело легкое. Я попытаюсь дать понятие о том, насколько это дело сложное.

Ранним утром, когда кругом еще полумрак, нас с Инугтуком будят, подавая нам ведро вскипяченной тюленьей крови. Полусонные глотаем мы горячий кровавый суп, обильно сдобренный тюленьим жиром: мы знаем по опыту, что не можем рассчитывать на новую трапезу в течение ближайших 10—12 часов. Затем мы быстро одеваемся и вылезаем из снежной хижины. Как всегда, дует свежий бриз, и мороз кусается. Наши товарищи-ловцы уже поджидают нас; все мы, 15 человек, гуськом идем по льду.

Каждый ловец вооружен снеговым ножом, который с помощью ремешка, продетого сквозь дырочку в рукоятке, прикреплен к костяной пуговице на верхней одежде. Через плечо висит охотничья сумка из белого песка, а в ней орудия лова. В левой руке ловца гарпун и шуп, правой он ведет на ремне собаку, которая своим тонким нюхом почует отдушину. Найти отдушину без помощи собаки — просто дело случая; отдушину трудно заметить, да их и не так много.

Как только первая отдушина найдена, все собираются вокруг и взапуски мечут в нее гарпуны, — отдушина будет принадлежать тому, кто первый попадет в отверстие, занесенное снегом. Мы потратили три часа, чтобы найти первую отдушину; она достается Инугтуку, с которым остаюсь и я. Товарищи наши разбредаются по льду, и днем мы видим, как они занимают позицию возле других отдушин; некоторые из

них оказываются в таком расстоянии от нас, что кажутся издали только черными точками на белом снегу.

С большим знанием дела приступает Инуттук к своим приготовлениям. Прежде всего он срезает ножом весь верхний снежный пласт так, что ледяной колпачок отдушины обнажается. Затем пешней, насаженной на другой конец древка гарпуна, пробивает лед в том месте, где обыкновенно тюлень сам проделывает отверстие, и ложкой из рога мускусного быка — «илаут» — вычерпывает ледяные осколки, наполняющие дыру. Затем берет щуп и производит обследование формы, которую имеет «труба» или верхняя часть «ледяной чаши» под отдушиной. Щуп — это изогнутый роговой зонд, которым прощупывают, где находится отдушина — посредине «трубы», в которую всовывается тюлень, чтобы дышать, или сбоку. Это имеет значение для направления удара гарпуна. Тюлень всегда поднимается спиной ко льду, и так как он далеко не заполняет всей трубы, то легко можно метнуть гарпун мимо, если предварительно не рассчитать направления удара. Когда все эти приготовления закончены, отдушину снова закрывают снежным колпачком — точь-в-точь, как было раньше. После того гарпуном протыкают в снежном колпачке дыру над самым отверстием во льду — условие, чтобы гарпун в решительную минуту не встретил препятствия.

Затем вынимается искусно сконструированный «пушок». Он состоит из оленьего сухожилия, твердого сухожилия, взятого из оленьей плюсны и напоминающего формой куколку с растопыренными руками и раскоряченными ногами. Между этими ногами прикрепляют лебяжий пух и спускают «пушок» в дырку в снегу так, чтобы куколка уперлась «руками» в снежные стенки, а «ноги» с лебяжьим пухом попали в самое отверстие, но опустились лишь на такую глубину, чтобы легко можно было следить за снарядом сверху. Как только тюлень всунется мордой в отдушину и начнет дышать, заколеблется из стороны в сторону «пушок» — единственное, что доступно взору наблюдателя, и ловцу надо тогда, не теряя ни минуты, метнуть гарпун.

Кроме «пушка», применяется и другой хитроумный индикатор — узенькая роговая пластинка с бляшкой на одном конце; верхний ее конец прикреплен жгутиком из сухожилий к другой роговой пластинке, которую втыкают в снег рядом с верхним отверстием. Самый индикатор суют в отверстие, где пластинку задерживает бляшка; в сильный мороз в отверстии всегда ведь достаточно инея и мелких льдинок, отчего пластинка торчит там стоймя. Когда тюлень появится и начнет дышать, индикатор, невидимый зверю, сдвинется в сторону — значит ловцу пора метнуть гарпун.

К верхнему концу короткой деревянной рукоятки гарпуна прикрепляется пешня — острое для пробивания льда, а на

нижний конец насаживается длинный гарпун — в былое время из оленьего рога, теперь же всего чаще из круглого железа; длина его не меньше метра. На стержень гарпуна плотно насаживается острый наконечник, привязанный к двухметровому линю, сплетенному из сухожилий. Едва удар нанесен, наконечник соскакивает с гарпуна, и тюленя подтягивают на лине, как рыбу на лесе, к самой отдушине, и затем убивают новым ударом гарпуна.

Когда все приготовления были закончены, Инугтук растелил свою охотничью сумку перед отдушиной и встал на нее. Эта подстилка устраняет скрип снега и защищает от ледяного холода ноги ловца, стоящего неподвижно, как столб, с гарпуном в руке и со взором, прикованным к «пушку». Так проходит час за часом, и я понимаю, какой требуется ловцу запас терпения и выносливости, чтобы заниматься таким промыслом в непогоду и при температуре — 50° С. Мне четыре часа показались вечностью, а есть люди, способные простоять полсуток без перерыва, когда дело идет о том, чтобы добыть мяса для голодных жены и ребятишек!

Мы уже собирались домой, когда увидели человека, вонзившего свой гарпун в тюленя. Как только счастливый ловец вытянул свою добычу на лед, мы побежали к нему, чтобы принять участие в торжественной трапезе, носящей почти религиозный характер. Все становятся на колени, человек, убивший тюленя, справа от него, остальные слева. Затем ловец, вспоров брюхо тюленя, извлекает оттуда печень и кусок сала, после чего разрез скрепляется иглой, служащей для зашиванья ран; это для того, чтобы не выступила и не пролилась зря кровь. Печень и сало разрезают на кусочки и съедают тут же, стоя на коленях. Сколько раз участвовал я в таких жертвенных трапезах и всегда бывал захвачен красивым и трогательным обрядом, которым сыны холода отдают честь своей охотничьей добыче.

На этот раз в результате трудового дня пятнадцати человек, проводших на охоте 11 часов, был добыт один-единственный тюлень, но мои товарищи были рады и тому, что их труды не пропали совсем даром, как это часто случается.

ЭСКИМОССКИЙ КАТЕХИЗИС

Я прожил под одной крышей с Налунгиак и ее мужем Человечком уже полгода, и вот однажды вечером она, сумерничая со мной, познакомила меня, наконец, с религиозными представлениями своих соплеменников. Она вообще была великолепной рассказчицей — когда бывала в настроении и никто ее не принуждал. Рассказ тогда лился легко и естественно: тайны бытия, от которых она была так да-

лека в будничной жизни, захватывали ее и делали красноречивой.

— Я совсем простой человек и ничего не знаю сама по себе. Никогда я не хворала, и снов у меня почти никогда не бывает, оттого я и не стала ясновидящей. Когда я уйду иной раз подальше собирать топливо, то чувствую только радость оттого, что светит солнце, и много что вспоминается мне, когда я опять вижу те места, где ходила девочкой. Другого я не переживаю, когда бываю одна, и с меня довольно слушать, как рассказывают другие. Все что я знаю, я узнала от старого дяди, заклинателя Унаралука. Его духи-пособники: умершие отец и мать, солнце, одна собака да один головач. Через этих духов он узнавал обо всем на земле и под землей, в море и на небе.

«Но то, о чем я расскажу, знает каждый ребенок, засыпающий под рассказы матери.

«В стародавние времена не было на земле никакого света, все было темно, и не видно было ни земель, ни зверя для лова. А все-таки на земле жили и люди и звери, но между ними не было разницы. Жили впережку. Человек мог стать зверем, зверь — человеком. Были и волки, и медведи, и песцы, но когда они делались людьми, то все становились одинаковыми. Правда, у них оставались разные привычки, но все говорили на одном языке, жили в одинаковых хижинах и палатках и охотились одинаково.

«Так жилось на земле в самые стародавние времена, времена, которых никто уже не помнит теперь. Тогда и родилось волшебное слово, заклинание. Случайное слово могло вдруг получить особую силу, и то, чего особенно хотелось, сбывалось; отчего, как — никто не мог объяснить.

«С этих времен запомнили старики разговор между лисой и зайцем: «Таок — таок — таок (мрак — мрак — мрак)!» — сказала лиса. Ей-то нужен был мрак, чтобы воровать из людских складов. «Увдлок — увдлок — увдлок (день — день — день)!» — сказал заяц. Ему нужен был свет, чтобы отыскивать пищу. И вдруг стало так, как пожелал заяц. Его слово было сильнее. Пришел день и сменил ночь, а когда день ушел, пришла опять ночь. Так свет и мрак начали сменять друг друга.

«В те времена не было никакого зверя в море. Люди не умели жечь жир в своих лампах. В те времена свежевывавший снег мог загораться — мелкий-мелкий снег в мягких, белых, как мел, кучах, которые скоплялись с подветренной стороны твердых крепких сугробов».

— А что ты знаешь о сотворении мира?

— Ничего. Никто не рассказывал мне, как сотворена была земля. Она такая, как теперь, с тех самых пор, как помнит ее наш народ. Но солнце и месяц, и звезды, гром и молния — это люди, которые однажды унеслись в пространство.

— Каким образом?

— Этого нельзя объяснить, и мы никогда не спрашиваем об этом. Но причина все-таки была. Злые дела и нарушенные «табу» носились в воздухе вместе с духами. Солнце и месяц умертвили свою мать и, хотя были братом и сестрой, влюбились друг в друга. Оттого они и перестали быть людьми.

«И гром с молнией тоже были брат и сестра, двое бедных безродных сирот. Жили они когда-то в стране нетсиликов, но когда люди во время охоты на оленей переправлялись через реку, то бросили сирот умирать с голоду. Бедные брат и сестра пошли на кучу отбросов посмотреть, не найдут ли там чего забытого. И нашли: сестра — кремь, брат — лоскут оленьей шкуры. И, держа в руках кремь и волосатую высохшую шкуру, они крикнули друг другу: «Чем нам стать? — Громом и молнией!» — Ни один из них не знал, что это такое, но вдруг оба поднялись и понеслись по воздуху; сестра высекала искры из своего кремня, а брат барабанил по сухой шкуре, так что грохот стоял в небесном пространстве. В первый раз сверкнула молния и загредел гром над землей у самого стойбища, где жили люди, которые бросили сирот. И все эти люди умерли в своих палатках, и собаки их тоже. Они совсем не изменились с виду, и ран у них не было, только глаза красные; но когда до них дотронулись, они рассыпались золой.

«Так явились гром и молния.

«Потом явились ветры с дождем, снегом и бурей».

— Каким образом?

— Об этом есть особое предание. Все знают о знаменитом великане Ингугпасугссук. Он был такой огромный, что вши у него в голове были величиной с леммингов. Он жил в стародавние времена среди людей и даже усыновил одного мальчика.

«Однажды великан был в поле со своим приемным сыном и встретил того, кто был сильнее его, Инуаругдлигасугсука — «Карлу-великана». Тот был еще огромнее и сильнее. Они схватились и Карла-великан убил бы Ингугпасугссука, если бы не приемный сын его, который перерезал Карла-великану поджилки, пока те боролись. Так убит был Карла-великан, но, испуская дух, он отчаянным шепотом позвал на помощь. И почти в тот же миг на скалистом холме показалась его жена, такая же огромная, как он. Такая огромная, что груди у нее были величиной с тюленей, и когда великанша схватила Ингугпасугссука, они захлупали так тяжело и так страшно над его головой, что он едва на ногах устоял. Но его приемный сын перерезал поджилки и ей, так что она тоже была убита. В попытках великанша обронила из спинного мешка своего грудного ребенка, и тот лежал и ревел в ивняке. Великан нашел его, но оставил погибать с голоду. Од-

нако такое злое дело вдруг придало силы ребенку, и он, понатужившись, поднялся на воздух, как бы спеленутым, и стал духом воздуха. И чтобы отомстить тем, кто сделал его сиротой, он выпустил на волю все ветры с летними дождями и с зимним снегом. Мы называем его Нарсук. Когда он распускает ремень, которым стянуты его меховые пеленки, начинается страшный сквозняк в воздухе, и налетают ветры. И чем больше распускает он свой ремень, тем сильнее шторм. Под конец люди совсем не могут выходить на лов и голодают. Тогда заклинателям приходится отправляться к Нарсуку, чтобы потуже стянуть его ремнем.

«Так от убийства и бессердечия к ребенку родилась непогода».

— Каким образом?

— Мы ничего не знаем, кроме того, что мысль человеческая и слово человеческое имели в старину таинственную силу. Но вы своими расспросами заставите меня забыть, о чем я собиралась вам рассказать еще.

«Мужчина появился на свет раньше женщины, и первыми людьми были двое мужчин, великие заклинатели. Но они не могли размножаться, и один из них превратил себя в женщину, и люди размножились.

«Рассказывают тоже, что первые люди были детьми земли, вышли из земли, из травянистых кочек, похожих на человечесьи головы.

«Все вышло из земли. И земля кормила людей. Когда они отправлялись на охоту и разбивали себе стойбища, то все принимались рыть землю, вскапывали ее, чтобы найти пищу.

«Зверя морского тогда еще не водилось, и люди не знали никаких этих строгих «табу». Никакие беды не грозили им, но и никаких радостей не ждали они после дневного труда. И вот случилось, что одну девочку-сироту бросили в море около Кингмертока, большого стойбища около залива Шерман. Жители стойбища выступили в путь и собирались переправиться через залив в каяках, связанных вместе; никому не было дела до сироты, и когда она хотела тоже сесть в каяк, ее столкнули в море. Она пыталась ухватиться за борт, но ей обрубали пальцы, и в тот же миг появились морские звери,— отрубленные пальцы превратились в тюленей, которые стали нырять вокруг каяков.

«А девочка опустилась на дно морское и стала матерью всей дичи на земле и всех зверей в море. Она, всегда бывшая нищей, стала давать пищу всем людям на земле. Но она и мстит людям за их бессердечие. Ее боятся больше всех остальных духов, потому что хотя она и посылает людям пищу и изобилие, но и всего лишает их, если разгневается. Она бывает виной всякого голода и всяких неудач на охоте и лове; ради нее-то и введены все «табу». Зовут ее Нулияук.

«Мир велик и в нем есть место и для людей, которые умерли и не показываются больше на земле. Есть три места, куда попадают после смерти: Ангердлартарфик — «Вечные жилища для радостного возвращения». Это страна блаженства, и находится она на небе. Там постоянно идут большие охоты, и, говорят, сам месяц помогает людям ловить добычу. Когда же они не охотятся, то играют; вокруг жилищ слышны только песни и смех, и снег крепко утопан на широком пространстве всеми этими веселыми игроками в мяч. Сюда попадают лишь великие ловцы и женщины с очень красивой татуировкой.

«Один заклинатель, посетивший эти жилища, слышал, как одна старуха крикнула: «Если бы я знала, что следовало умереть молодой!»

«Это она крикнула потому, что люди остаются там в том возрасте, в котором умерли. Умирающим старыми нелегко угнаться там за молодыми. Вот почему не надо горевать о тех, кто умирает молодым. Утешением старикам служит обильная пища, в которой никогда нет недостатка; там множество оленей, и нет никакой нужды ни в чем.

«А внизу, как раз под корой земной, находится Нокви-миут — «Страна понурых голов». Сюда попадают мужчины — плохие лоецы, и женщины без всякой татуировки. Они все ходят, понурив головы, и подбородки у них вросли в грудь. Они вечно голодны, потому что единственная их пища — бабочки; они постоянно сидят на корточках, свесив голову и закрыв глаза. Только когда мимо пролетает бабочка, они медленно поднимают головы и ловят добычу ртом, как птенцы ловят мух. И в ту же минуту из глотки у них вылетает дым, как будто рассыпался комок пыли.

«Наконец, есть Агдлит — «Страна мертвых» в преисподней, о которой мы знаем от знаменитого заклинателя по имени Ангнаитурсук.

«В первый раз он очутился в преисподней, сам не зная как. Это один из его духов-пособников захотел показать ему преисподнюю. Он возвращался к себе в жилье, как вдруг упал в узком жилищном проходе. Кругом зашумело, загрохотало и стемнело. Потом опять стало светло, и он увидел, что попал в преисподнюю. В стране людей стояла тогда зима, а здесь было лето. У реки собралось много людей с острогами. Они шумели и смеялись, и были очень веселы. Заклинатель прошел, не останавливаясь, но мимоходом узнал некоторых умерших. Потом он подошел к одной палатке и пролез в отверстие. В палатке сидел пожилой человек и натягивал свой лук.

— Ну, неужели ко мне гость? — сказал он и дружески принял пришельца. Рассказал, что собирается на охоту за оленями и что поблизости много оленей. Реки тоже полны

рыбы; вообще нет недостатка в дичи и всяком звере. Он предложил гостю отправиться вместе. Но заклинатель побоялся забыть дорогу домой, превратился в чайку и полетел на речку, где видел веселых людей. «Глядите, глядите!» — закричали они наперебой, швырнули на землю оленью кость для приманки и стали натягивать свои луки. Заклинатель спокойно слетел и схватил кость, а они хоть и выстрелили все, но ни один не попал в него. «Это, верно, не простая чайка!» — услышал он крики позади себя и улетел обратно на землю, где и рассказал людям, что пришлось ему пережить.

«Вот и все, что я могу рассказать как о знакомом мне мире, так и о незнакомом. Если бы у меня бывали сновидения, я бы знала больше; ведь люди, которые умеют видеть во сне, слышат и видят много. Мы верим в сны и верим, что люди могут жить и другой жизнью рядом с настоящей — жизнью, которой живут лишь во сне».

ПОСЛЕДНЯЯ ПОЧЕСТЬ

Уже на исходе сентября нам удалось подготовить все для нашей санной поездки. В течение недели мы набили оленей, сколько нам нужно было на прожиток и про запас в дорогу. Специально дорожный провиант мы заготавливали таким образом: снимали все мягкое мясо с костей бедра и лопатки, резали на куски и смешивали с салом, потом увязывали в оленьи шкуры. Получались тюки весом килограммов по 50 каждый. Ехать мы собирались на трех санях гуськом. Для перевозки своих коллекций наняли одни сани и двух людей на часть нашего пути, а именно от острова Кинг-Вильям до Кента, протяженностью около 600 километров. На каждые из трех саней, запряженных восемью собаками, погружено было по 200 килограммов мяса.

Продолжительность поездки, правда, определялась всего четырнадцатью днями, но оленье мясо — невероятно малопитательный собачий корм.

Торфяно-ледяные подполозья не годятся для влажного, запущенного снегом молодого льда, поэтому мы оставили длинные гудзоновские сани и вместо них смастерили пару легких осенних саней гренландского типа, подбитых железом. Все было сделано быстро, и мы ждали только ледостава, ждали с нетерпением, чтобы начать, наконец, свой Великий санный путь, который будущей весной должен был вывести нас в цивилизованный мир. Время ожидания решено было использовать для экскурсий по окрестностям, и теперь, когда я закончил ту работу, которую вел со своими рассказчиками, мне, к большой моей радости, удалось осуществить свое заветное желание.

Всем известно, что одна из величайших полярных трагедий имела печальную развязку именно около острова Кинг-Вильям. В 1845 году из Англии отплыл на двух кораблях «Эребус» и «Террор» Джон Франклин с экипажем численностью в 129 человек. Целью экспедиции было открытие Северо-западного прохода, великого морского пути, который связал бы Атлантический океан с Тихим. Но вместо открытого моря путешественники нашли только широкие и узкие проливы, забитые тяжелым полярным льдом. После первой же зимовки участники экспедиции попали в ледяной плен, пришлось оставить корабли, и при попытке вернуться на родину по Большой Рыбной реке все люди, которые еще не умерли от болезни, погибли от невероятных лишений. Несмотря на многочисленные вспомогательные экспедиции, прошло много лет, прежде чем удалось через «тюленых эскимосов» выяснить участь, постигшую несчастных путешественников.

У Малеруалика я встретил нескольких стариков, которые рассказали мне интересные подробности о злополучной экспедиции. Я попытался собрать все сведения, какие только мог, и передаю их со слов эскимоса Какортингнека.

— Два брата пошли раз на лов тюленей к северо-западу от Кекертака (остров Кинг-Вильям). Было это весной, когда снег тает на тюленях отдушинах.

«Далеко на льду ловцы увидали что-то черное, большое. Это не мог быть зверь. Они пошли и увидали, что это большой корабль. Они тотчас же побежали домой и рассказали своим соседям, а на другой день все пошли туда. Людей они не нашли, корабль был покинут, поэтому они решили растащить все, что тут видели. Но никто из них никогда еще не видал белого человека, и они понятия не имели о применении разных вещей.

«Один человек увидал лодку, висевшую у борта, и крикнул: «Корыто! Огромное корыто! Я его беру!» Он никогда не видал лодки и подумал, что это корыто, в котором рубят мясо для собак. Он перерезал канаты, которыми лодка была привязана, она грохнулась на лед и раскололась.

«Нашли они и разбросанные по кораблю ружья и, не зная, как их употребляют, отбили стальные стволы от лож и прибили их к гарпунам. Да, они так мало понимали насчет ружей, что называли найденные во множестве пистоны «наперсточками», думая, что у белых людей водятся такие карлики, которым они впору.

«Сначала они не смели спускаться вниз, в нутро корабля, но потом стали храбрее и даже осмелились войти в каюты, находившиеся под палубой. Там они нашли много мертвых людей, лежавших на койках. Под конец они осмелились зайти и в большое помещение посреди корабля. Там было темно. Но скоро они нашли инструменты и решили прорубить дыру

для окошка. И вот эти неразумные люди, ничего не понимавшие в делах белых людей, прорубили дыру у самой ватерлинии, так что вода хлынула внутрь, и корабль затонул. Пошел ко дну со всеми сокровищами; почти ничего не успели спасти.

«В том же году попозже весною трое людей шли с острова Кинг-Вильям на полуостров Аделаида на охоту за молодыми оленями. Тут они нашли лодку с шестью мертвыми телами. В лодке были ружья, ножи и провиант; значит, умерли эти люди от болезни.

«И во многих местах на нашей земле видели мы еще кости белых людей. Я сам был на Кавдлунарсюрфике — косе на полуострове Аделаида, почти напротив того места, где зимовал Амундсен. Там мы до самого прошлого года копали и находили свинец и обломки железа. Да еще в Кангерарфигдлуке, тут совсем близко на берегу, чуть к западу.

«Вот и все, что я знаю о пельартут — «умерших с голоду», как мы зовем белых, которые когда-то посетили нашу страну и погибли раньше, чем наши отцы могли спасти их».

*

Незадолго до ледостава я вместе с Петерсом Норбергом и Какортигнеком отплыл в Кавдлунарсюрфик на восточном берегу полуострова Аделаида. Там мы нашли, точно на том самом месте, где указывали эскимосы, человеческие кости, — без сомнения, последние земные останки членов экспедиции Франклина. Лоскуты одежды и обрывки кожаной обуви, найденные нами тут же, свидетельствовали о европейском происхождении. За 80 лет, протекших с тех пор, хищные звери растащили выбеленные солнцем кости по всему полуострову и уничтожили жуткие следы на том месте, где происходила последняя борьба.

Мы были, вероятно, первыми европейцами, которые посетили это место. Мы собрали все кости, поставили над ними гурий и подняли два приспущенных флага — английский и свой. Так, без лишних слов, мы отдали погибшим последние почести.

*

Наконец, 1 ноября наступил день прощания, и, как часто бывало и прежде, мне нелегко было расстаться с людьми, к которым я за долгое время совместной жизни успел привязаться. И сами нетсикаки казались растроганными нашей разлукой навсегда. Товарищеское общение и тот серьезный отпечаток, который невольно накладывала моя работа на многочисленные беседы, скрепили наши узы, и их теперь было не так легко порвать,

ПЛЕМЯ ОХОТНИКОВ НА МУСКУСНЫХ БЫКОВ

Прекрасным предвечерем 14 ноября, как раз на закате нежаркого осеннего солнца, я подъезжал к маленькому торговому пункту, находящемуся в тихой бухте почти у самого большого фьорда Элу. Тут меня ожидал прием, который я не скоро забуду, так как здесь я опять впервые после долгого промежутка встретил земляков.

Заведовал пунктом мистер Х. Кларк, симпатичный, интеллигентный молодой человек, посланный Гудзоновской компанией в эти дальние края наладить работу новых торговых пунктов, расположенных к востоку от острова Бейли. Помощником мистера Кларка был датский машинист Рудольф Иенсен, который почти 20 лет провел в районе дельты реки Макензи в качестве самостоятельного охотника за пушным зверем, а теперь поступил на службу компании. Больше всего обрадовало меня все-таки свидание с кинооператором Лео Хансенom, который приехал именно для встречи со мной и с зимы должен был делить с нами горе и радости на решительном этапе экспедиции — в течение третьей и последней нашей полярной зимовки. Но прежде чем начать совместную работу, необходимо было дать отдых собакам, да и сам я рад был отдохнуть несколько дней в мирной, спокойной обстановке, перечитать и переварить большую почту, только что мною полученную.

Мистер Кларк любезно отвел нам домик, пустовавший в это время, и мы, искренне радуясь предложенному нам непривычному комфорту, завладели этим маленьким деревянным баракom.

Мы находились теперь среди людей, которых все восточные эскимосы называют китлинермиут. Китленек — эскимосское наименование острова Виктория; значит оно, собственно, «граница», и племена, живущие южнее, без сомнения, связывают с наименованием китлинермиут свое представление о них, как о «людях крайнего севера». Последние, как и «тюленьи эскимосы», составляют одно племя, причем все знают друг друга, часто встречаются на местах охоты и лова, и тоже делятся на несколько групп, самые наименования которых указывают на основное место их пребывания.

Есть, например, э к у а л у г т о р м и у т — «люди с рек, обильных лососями»; живут они на острове Виктория, у залива Кембридж; их всего 98 душ: 54 мужского пола и 44 женского. Затем идут а х и а р м и у т — «живущие в стороне»; это жители побережья залива Куин-Мод, числом 116: 70 мужчин и 46 женщин. Дальше у м и н г м а к т о р м и у т — «живущие на возвышенности» между полуостровом Кент и заливом Батерст, всего 50 человек: 27 мужчин и 23 женщины. И, наконец, к и л у х и г т о р м и у т — «люди из глубины глу-

бокого фьорда», то есть залива Батерст, всего 113 человек: 68 мужчин и 45 женщин.

Бросается в глаза численное преобладание мужчин, что опять указывает на обычай убивать новорожденных девочек.

Летом и осенью главными промыслами жителей острова Виктория (экуалугтормиут) являются оленья охота и рыболовство. Весенний ход оленей с материка не играет здесь такой большой роли, как в других местах, так как олени переправляются через пролив лишь небольшими кучками. Главная охота на оленей идет внутри страны; иногда охотники доходят даже до северо-восточного побережья острова Виктория, где олени держатся летом. Охотничья добыча здесь никогда не бывает столь богатой, как на побережьях материка, и нередко люди совсем бросают охоту на оленей и уходят на лов лососей уже в августе, когда «птенцы подрастают».

Тюленей бьют на льду между полуостровом Кент и островом Виктория, иногда уклоняясь несколько к западу, так что экуалугтормиут встречаются с эскимосами килухигтормиут у залива Батерст. В другое время первые подаются к востоку и встречаются с племенем нетсилингмиут на льду перед островом Дженни-Линд. Встречаются они также и с племенем архиармиут, когда эти последние к весне пробираются на северо-восток.

Архиармиут оставляют побережье в июне и начинают продвигаться в глубь страны от реки Эллис или от одной из больших рек дальше к востоку, в направлении залива Огден. Они встречают большой олений ход раньше, чем олени облиняют, и охота у них продолжается все лето у таких мест переправ, где еще применяются каяки. Эти эскимосы, по-видимому, очень запасливы и устраивают солидные склады вяленого мяса на зиму. Ближе к осени они располагаются далеко от берегов, часто часах в двенадцати пути в глубь страны, а именно у большого озера Экалуарпалик, где ход оленей бывает в ноябре. На морской лед эскимосы спускаются редко раньше конца декабря и тогда бьют тюленей между устьем реки Эллис и островом Мелборн, откуда весной переходят на новые места, подвигаясь к острову Дженни-Линд.

Умингматормиут живут в тесном контакте с эскимосами из пролива Батерст, имея в известные времена года общие с ними тюленьи промыслы; расстаются они лишь весной, когда уходят в глубь страны гнать оленей с мая по октябрь.

Намечая себе поле работы, мы должны были сделать выбор между всеми этими племенами. Сначала мне хотелось поехать к «людям с рек, обильных лососями», но и Вильялмур Стефанссон и Даймонд Дженнесс уже побывали на острове Виктория и описали племена, живущие дальше к северо-западу в совершенно одинаковых условиях с этими;

поэтому я решил посетить племя охотников на мускусных быков, которое расположилось как раз неподалеку от полуострова Кент, чтобы начать подготовку к зимнему лову тюленей. Там я мог встретить людей, никогда и никем еще не описанных. И мне не пришлось раскаться в своем выборе,

22 ноября мы добрались до Малерисиорфика, где эскимосы поставили себе снежные хижины под защитой скалы. Крутил снежный буран, и хотя нас приветствовал оглушительный собачий лай, но нас не сразу заметили среди снежных волн, захлестывавших сани. Все мужчины немедленно вышли и принялись складывать для нас большую хижину. Женщины занялись Арнарулунгуак и повели ее в свое теплое жилье, где оказали ей самое изысканное гостеприимство, смешанное с тем любопытством, которого заслуживает женщина, умеющая говорить на местном языке и прибывшая, к тому же, из бесконечно далекого стойбища. И как только мы перебрались в свою новую снежную хижину, явились одна за другой все женщины с подношениями на новоселье — мясом, лососиной. Мы скромно отказывались от всего этого провианта, мало-помалу горой выросшего на снежной лежанке, но безуспешно. Никто не пожелал нарушить обычаев племени по отношению к желанным гостям. Эта сердечность и услужливость, бывшие проявлением большого природного радушия, не изменились в течение всего времени нашего пребывания у этого племени.

Сутки потратили мы, чтобы ознакомить своих новых друзей с задачами, которые предстояло нам разрешить, и хотя последние были не совсем обычного порядка, нам не так трудно оказалось ввести людей в курс дела. Вначале некоторое затруднение вышло с киносъемкой. Эскимосы не могли понять, как же эти снимки оживут, если мы не похитим заодно и души тех, кто снимался. Но это затруднение мы все-таки преодолели, показав несколько проявленных киноснимков, иллюстрировавших процесс запечатления на ленте каждого отдельного движения. Когда затем мы объяснили эскимосам, каким образом все эти картины, во много раз увеличенные, оживут, они быстро смекнули технику дела, и так как я вдобавок обещал, что Лео Хансен начнет с того, что «отнимет мою душу», то все сомнения были отброшены.

*

Мне не понадобилось очень много времени, чтобы подметить резкую разницу между охотниками на мускусных быков и более восточными эскимосами, у которых я уже побывал. Выдающейся чертой здешних эскимосов была заразительная

живость, бойкость. Они не только блистали юмором, но и отличались почти вызывающей самоуверенностью и такой свободой поведения, что часто оказывалось необходимым немножко осаживать некоторых. Их притязательность, вероятно, и объясняет тот страх, который более смирные племена питают к племени китлинермиут. Самоуверенность же их не совсем безосновательна — жизнь так и брызжет из них, делая их более предприимчивыми, богатыми инициативой, нежели прочие эскимосы, которых я встречал в Канаде. Уже одна обработка их орудий и оружия, особенно луков и стрел, указывает, что это народ, предъявляющий большие требования к себе.

Порядок и чистота у них были удивительные, и хотя эскимосы страдали от недостатка оленьих шкур, однако одевались они не только опрятно, но даже щеголевато. Женщины были большие мастерицы шить и прилагали куда больше усердия и искусства к украшению своих одежд, нежели нетсители и эскимосы Гудзонова залива.

Если чего не доставало в этом веселом снежном лагере, так это тишины и спокойствия для моей работы. Наша хижина всегда была полна гостями, и так как они любили горланить взпуски, то нелегко мне было сосредоточиться на какой-нибудь письменной работе.

Сделанное мне мистером Кларком предложение — пока что жить и работать в одном из домов компании — оставалось по-прежнему в силе, и поэтому я, как только достаточно вошел в повседневную жизнь здешних эскимосов, какой они живут на своих зимних стойбищах, решил вернуться обратно на полуостров Кент. Уже в середине декабря я перебрался туда, прихватив с собой тех эскимосов, которых нашел наиболее подходящими для совместной работы. Упомянув об этом, должен особенно отметить старого заклинателя духов по имени Хек — «Полярная ива», выдающегося специалиста по тайнам бытия. Еще я взял сына его по имени Татильгак — «Журавель» и его жену Хикхик — «Сурок», которые дали мне подробные сведения о всех орудиях и методах лова, применяемых мужчинами, а также обо всей домашней работе женщин. Затем молодого Нетсита — «Тюленя», которому не минуло еще и 20 лет, но который уже считался лучшим знатоком и рассказчиком старых преданий, так как был приемным сыном старого заклинателя. Вместе с этими людьми я работал с утра до вечера до тех пор, когда вынужден был снова сняться с места, чтобы отправиться дальше на запад. Благодаря им я получил возможность ознакомиться ближе с духовной и материальной жизнью племени и собрал чрезвычайно интересный материал.

Ярче всего характеризует племя «охотников на мускусных быков» их темперамент, их экспансивность и своеобразное

отражение этого в их песнях и сказаниях. Из всех встреченных мной племен они самые даровитые поэты; в песнях своих они не ограничиваются эпическими описаниями охотничьих приключений и подвигов, которыми гордятся, но отличаются еще талантом, которого я не встречал ни у кого больше из жителей здешних мест,— подлинным лиризмом.

Темперамент их сказывается двояко — не только художественными наклонностями и способностями, но и поступками, действиями, которые не всегда согласуются с моралью белых людей. Поэтому, прежде чем описывать их как певцов, поэтов и товарищей по охоте, небезынтересно будет, например, упомянуть о том, как смотрит на них канадская конная полиция, однажды выславшая сюда свой патруль. Двое американских ученых Рэдфорд и Стрит предприняли в 1913 году санную поездку по Баррен-Граундсу до арктического побережья. В глубине залива Батерст, откуда они хотели идти с проводниками дальше к западу, у них вышла ссора с туземцами, и кончилась она тем, что оба ученых были зарезаны мужчинами стойбища. Рэдфорда рисуют очень вспыльчивым человеком, который избил хлыстом эскимоса, отказавшегося сопровождать их; таким образом, виновником катастрофы был, несомненно, он сам. Тем интереснее послушать характеристику, данную эскимосам Батерстского залива начальником полицейского патруля. Самих убийц он не нашел, встретив только их соплеменников, которых он аттестовал как воров от природы, ужасных лгунов и настолько ненадежных людей, что он не удивился бы, если бы услышал еще о новых случаях убийства,— ведь любой из них готов душу продать черту за ружье!

Оригинально, что мы с Лео Хансеном около месяца прожили в Малерисиорфике вместе с двумя убийцами, которых разыскивала полиция: Хагдлагдлаок и Канияк. Второй из них был даже нашим хозяином долгое время, и мы знали их как симпатичных, страшно услужливых людей, которые доказали нам свою привязанность и преданность,— словом, оставили у нас по себе хорошую память.

Слишком легко говорят о «разбойничьих шайках» этого племени, совершенно не считаясь с тем, что люди эти проще нас, белых, смотрят на жизнь и смерть, не делая между ними такой торжественной разницы. Нравы и обычаи их совершенно отличны от наших; пресловутое истребление «лишних» девочек создает такие ненормальности быта, что борьба за женщину, а отсюда многие случаи кровной мести выработали своеобразную мораль у этих легкомысленных и темпераментных детей природы.

Мистер Кларк и я обследовали однажды небольшое стойбище снежных хижин, где проживало 15 семейств, и результат получился тот, что не нашлось ни единого взрослого муж-

чины, который бы не был так или иначе замешан в убийстве. Надо согласиться, что это не только трагедия, но и несчастье для племени; тем не менее это результат морали кочевников, основанной на бесчисленных родовых традициях. Я должен поэтому повторить то, что уже говорил раньше о «тюленьих эскимосах»: несправедливо было бы считать здешних убийц преступниками или дурными людьми. Напротив, это бывают лучшие люди племени и во многих случаях даже столпы здешних маленьких общин. У них из-за пустяков дело часто доходит до драки, которая почти всегда бывает жестокой, беспощадной. Но об этом быстро забывается — нельзя же вечно злиться друг на друга. Поэтому люди, у которых были серьезные столкновения, отлично могут стать опять лучшими друзьями.

ПРАЗДНИК ПЕВЦОВ

Как-то раз днем, когда отсутствие света и сильный мороз приостановили всякую работу с киносъемками, примчался в стойбище молодой человек с легкими санками, запряженными тройкой собак; по местному обычаю такая поездка была не поездкой, а безостановочным бегом впереди собак почти в течение двух суток. Он приехал из большого стойбища у залива Батерст и сообщил, что люди уже выступили в путь, готовясь бить тюленей в отдушинах на морском льду. Оленья охота внутри страны, около озера Бичи, у верховья Большой Рыбной реки дала богатейшую добычу; удалось навялить столько мяса, что двигаться теперь на север можно было не спеша, делая совсем короткие дневные переходы.

«Люди из глубины глубокого фьорда» давно меня интересовали. У них-то как раз и побывал инспектор Фрэнч, охотясь за убийцами в 1916—1917 годах. Но Лео Хансену предстояло сделать еще несколько киносъемок. Гаге надо было запасти корма для собак, и я решил отправиться в гости в сопровождении лишь одного местного эскимоса, лучшего моего рассказчика Тюленя.

Дело было в начале декабря, необыкновенно холодного, — термометр часто показывал —50° С. Света было мало и выступать приходилось ранним утром при луне, чтобы наши дневные переходы были хоть на что-нибудь похожи. Дул свежий норд-ост со снегом, и холод как будто еще усилился, когда ночной мрак сменился дневным рассветом. Само солнце уже не показывалось, только заря пробивалась сквозь облака, расцветивая их всем богатством своих красок. Но ветер дул навстречу, и нам не до зари было — только бы не обморозить лица! Мы словно огонь в себя вдыхали, и мороз как будто высекал искры у нас из носа.

Залив Батерст — большой фьорд, окаймленный скалами, он тешит взор человека, явившегося с однообразной изменности, с востока. Пейзаж был совсем гренландский, родной мне с виду, но настроение создавал все-таки другое: все здесь, даже непосредственное впечатление от самой природы страны, было холоднее, суровее.

Мы с Тюленем мало разговаривали между собой, ничто не располагало к общительности. И первый день нашего путешествия уже подошел к концу, а мы все еще не освоились

друг с другом по-настоящему. Но вот мы нашли удобный сугроб и поставили себе хижину для ночлега.

У меня сохранилось несколько папирос — для особых случаев, и вечером, после ужина из вареной оленины и чашки горячего кофе, я решил, что пришел момент для лукулловской роскоши: закурил папиросу и предложил вторую Тюленю. К большому моему удивлению, он не закурил, а завернул папиросу в лоскуток. Не знаю, кому, кроме нас двоих, боровшихся часов десять подряд с холодным ветром, наша снежная хижина показалась бы теплой. Но нам в самом деле было преугодно. Желтовато-золотистый свет жировой лампы разливал такое тепло вокруг, что мы прямо разнежились и поддались соблазну извлечь из этого вечера как можно больше — сварили себе по лишней чашке кофе, и я предложил Тюленю рассказать мне что-нибудь. Чтобы довести наш уют до блаженства, мы заползли в спальные мешки, плотно завалив сначала вход в свое жилье и засыпав снежные плиты хижины толстым слоем рыхлого снега.

Вот несколько рассказов Тюленя:

Не пренебрегай малыми

Жил-был маленький комарик, который полетел по свету. Он был такой маленький, что думал — люди его не заметят. Но когда он, проголодавшись, сел на руку мальчику, то услышал чей-то голос: «У-у, скверный комар! Скорей раздави его!»

Но тут вдруг у комара явился дар речи, и он ответил так, что мальчик его услышал: «О, пощади мою жизнь, пощади мою жизнь! У меня есть маленький внучек, он будет плакать, если я не вернусь домой!»

Подумать, такой маленький и уже дедушка!

О двух людях, которые хотели счесть волосы
на шкурах волка и оленя

Жили-были двое мужчин и встретились они на охоте. Один поймал в капкан волка, другой застрелил из лука оленя, и, когда встретились, у каждого была перекинута через плечо шкура его добычи.

Один сказал: Чудесная у тебя оленья шкура.

Другой ответил: Чудесная у тебя волчья шкура.

И они завели разговор об этих двух шкурах, о их шерсти, подшерстке, и один говорит:

— У оленя волос гуще!

— Нет,— ответил другой,— у волка гуще!

И они так разгорячились, что уселись тут же на землю, и человек с оленьей шкурой принялся считать на ней волосы, выщипывая волосок за волоском, а сидевший рядом человек с волчьей шкурой считал таким же образом волосы на ней.

Но мы все знаем, что и у оленя и у волка шерсть густая-прегустая, волос в ней и не счесть, если считать их вот так, как они — один по одному; зато дни и проходили один за другим, а эти двое все сидели, считали да считали.

— По-моему, у оленя волос гуще! — продолжал твердить один.

— У волка гуще! — стоял на своем второй.

Они были одинаково упрямы оба, и так как ни один не хотел сдаться, то в конце концов оба померли с голоду.

Вот что бывает, если возьмешься за пустое, бесполезное дело, которое ни к чему не может привести.

Лиса, которая хотела научить волка
ловить лососей

Жили-были лиса и волк, и встретились они раз на пресном озере.

— Как ты ловишь лососей? — спросил волк лису.

— А вот я тебя научу,— сказала лиса, и подвела волка к трещине на льду и сказала:

— Опусть теперь хвост в воду и жди, пока не почувствуешь, что лосось клюнул, тогда разом дерни хвост вверх.

Волк сунул хвост в трещину, а лиса перебежала по льду и спряталась в ивняке на пригорке, откуда было видно волка. Но волк сидел, опустив хвост в воду, пока хвост не примерз крепко, и он слишком поздно догадался, что его одурачили. Под конец пришлось ему вцепиться в свой собственный хвост, но хвост не поддавался, пока не перервался пополам. В ярости волк разнюхал след лисы и погнался за ней, чтобы отомстить, а лиса, увидев, что волк бежит, сорвала листок и приложила его ко лбу козырьком, чтобы тень на глаза падала, и прищурилась. Волк поравнялся с нею и говорит:

— Не видала ли ты лисы, из-за которой я хвост потерял?

Лиса отвечает:

— Нет, я так много бегала последнее время, что у меня снежная слепота сделалась, не вижу почти ничего.

А сама листок ко лбу прижимает и все щурится.

Волк ей поверил и побежал дальше в горы по другому лисьему следу.

А какой же смысл этого рассказа? — спросил я Тюленя.— По-моему, конец странный.

И Тюлень ответил:

— Мы не всегда требуем смысла, лишь бы забавно было слушать. Это только белые люди во всем до причины доискиваются, смысла ищут. Поэтому наши старики и говорят, что мы должны обходиться с белыми людьми, как с детьми, которые непременно своего добиваются, а не то начнут сердиться и браниться. Я тебе перед сном расскажу еще одну сказку, в которой смысла еще меньше, но которая нам все-таки очень нравится. Называется она:

Вошь, которую раздавили между ногтями

Маленькая вошь крикнула в окошко своей жене:

— Поддай мне мои рукавицы и мой топор, я отправляюсь на макушку скалы!

Но жена ответила:

— Оставайся лучше дома, не то люди съедят тебя!

— Пусть съедят, а я вылезу из задницы. Вот если скалы в ущелье сдвинутся и раздавят меня, тогда ты уж больше меня не увидишь!

Маленькая вошь называла ногти человека скалами, и когда хрустнула между ногтями, то, значит, скалы сдвинулись и раздавили ее.

Маленькая вошь никогда больше не вернулась домой к жене.

Эту самую сказку я двадцать лет тому назад слышал около Туле в Гренландии от жены Соркаака Арнарулук. Сотни миль разделяли эти два племени, и по крайней мере тысячу лет не было между ними никакого общения, и все же сохранилась далеко к востоку и почти столь же далеко к западу от древней колыбели эскимосов эта сказка о вошке, которая никогда не вернулась домой.

Еще два-три дня на морозе и столько же ночей в сладком отдыхе в новых снежных хижинах, и мы добрались до того места залива, где жили многочисленные «шайки разбойников». В середине последнего дня пути мы встретили трое саней, нагруженных прутьями; сопровождали их мальчики и девушки, которые приветливо с нами поздоровались и сообщили, где именно находится их стойбище.— «Инуит амигайтут!» — «Целый мир людей!», — сказали они, и мы в первый раз за долгое время поехали дальше по проложенному следу. Это была весть жизни, знак проезжей дороги! И в нетерпении скорее добраться до цели мы подбодряли собак веселыми возгласами.

Под вечер мы обогнули мысок и сразу очутились среди новых людей, попав в очень большое по здешним понятиям стойбище. Великое переживание! Снежные хижины числом свыше 30 лепятся одна к другой, расположившись амфитеатром на скате. И в центре этого комплекса мраморнобелых снежных

хижин выделяется своим праздничным видом большая хижина с белым куполом, служащая для больших сборищ и танцев. Храм праздничной радости среди сугробов снежной пустыни! Мы находимся среди людей обесславленных.

Все стойбище дымит. Очаги снежных хижин пылают, и дым горящих сухих прутьев бьет в нос. Из всех снежных крыш грубо выпирают дымовые трубы, не гармонирующие с общим стилем, с самой идеей этих жилищ, но живописные и греющие тех, кто озяб.

Лов тюленей еще не начинался, поэтому в ходу железные очаги, в которых горят сухие прутья и стебли. Здешнее население заимствовало это от индейцев, обитающих неподалеку на материке. Я не подготовлен к такой сцене, привыкнув видеть в хижинах эскимосов лишь скромные жировые лампы, и такое зрелище озадачивает меня, но в то же время создает ощущение уюта.

Дым, тонкий белый дым и запах леса из каждой снежной хижины! И как бодрит такой признак жилья, такое свидетельство жилого тепла!

За долгое время мы привыкли встречать стойбища всего в две-три хижины, считавшиеся многолюдными, если они вмещали с десяток жителей каждая. Здесь мы словно в столицу попали: радостный гул вокруг, все снежные сугробы выплывают из своего нутра людей, и скоро я в центре каскадов смеха, восклицаний и расспросов.

Люди бойкие, самоуверенно смелые, но, по существу, добродушные; с дикими повадками, но восприимчивые к быстрым и острым репликам. Пробующие понемногу зайти подальше, но добродушно ретирующиеся, если их осадить. Здешние эс-

кимосы не те мирные, несколько застенчивые люди, что эскимосы гренландские. Это народ, желающий стоять на равной ноге со всеми, даже с белыми людьми. И когда белый очутится в их кругу один, они не прочь поддразнить его, как часто поступаем мы с опасным хищником в клетке.

Один пробует выхватить у меня изо рта трубку. Ай! Больше он никогда уже не попробует! Другой дергает меня за короткий хвост моей меховой верхней одежды, сшитой по моде, принятой на мысе Йорк. О-о! Право, он ошибся! А когда я разгружаю сани и начинаю кормить собак, все хотят полакомиться салом. Женщины подходят и просят кусочек. Как упомянуто, лов тюленей еще не начинался, а они все такие лакомки, им так хочется этого чудесного, свежего, мороженого, бело-розового сала! Но я отвечаю:

— По-вашему, я приехал сюда из дальних краев кормить вас салом? Оно для моих собак, а у вас здесь мужчин достаточно. Ступайте на лед, на лов в тюленьих отдушинах, если вам так нужно сало!

Смех со всех сторон.

Я совсем одинок в этой толпе. Проводник мой Тюлень сам здешний, и его только потешают общая веселось и дерзкие шутки.

— Ты кто? Купец? Приехал за песцами?

— Я приехал посмотреть на вас и узнать, что вы за люди!

Взрыв хохота.

Один пожилой человек отвечает несколько неуверенно, сбитый с толку, не зная, шучу я или говорю серьезно.

— Хе, здесь ты увидишь много разных людей. Есть и красивые, но больше безобразных, и лица их тебя не обрадуют.

Меня вся эта простодушная бесцеремонность забавляет, но все же мне кажется, навязчивых следует осадить. Нужно как-нибудь подчеркнуть мое полное бесстрашие перед этой человеческой толпой, и я бросаю ей:

— Я приехал к вам с доверием, хотя слава о вас не из хороших. Не так много лет тому назад двое белых людей были убиты вон там, и полиция отзывается о вас не очень лестно. Но вы видите, я не побоялся встретиться с вами один.

Я показал рукой на приветливую маленькую ложбину между двух больших скал, совсем неподалеку от стойбища; там именно убиты были оба члена американской научной экспедиции несколько лет тому назад.

— Это не мы, а сами белые люди завели ссору. Мы люди добродушные, только веселые, любим смех и пение, но не замышляем ничего дурного, пока нам нечего бояться. Ты наш друг, и тебе опасаться нечего.

Так говорила «разбойничья шайка».

Затем меня отвели в снежную хижину, которая пока что стала моим жильем. Хозяйка, по имени Кернерток — «Чер-

ная», принимает и меня и Тюленя очень гостеприимно, и, однако, я узнал попозже, что ее муж был убит отцом Тюленя, а этот отец в свою очередь убит ее отцом. Но это лишь маленькое интермеццо, которое, по-видимому, не мешает общению.

Первые послеобеденные часы я провел переходя из жилья в жилье и здороваясь с людьми. Хижины были все светлые, просторные, но совсем не эскимосского типа благодаря железным очагам и длинным трубам, пропущенным сквозь тающие крыши. Трещавшие прутья давали сильный жар, но снежный купол над очагом был так искусно сконструирован, что с него почти не капало. Правда, кое-где в крыше виднелись дыры, но свежее дуновение из них было только благодеянием.

Вечером меня пригласили на большое торжество в праздничную хижину, такую просторную, что в ней свободно могло уместиться человек 60. Это была настоящая зала, предназначенная только для празднеств и торжественных сборищ. Чтобы там и днем было тепло и уютно, к ней были пристроены два флигеля. Они служили как бы ложами большой залы, где собирались участники праздника, и в то же время были жилыми. С одной стороны сидела сейчас молодая мать, возясь с двумя малышами, которые пытались выхватить у нее из рук шитье. Большая лампа из камня-жировика разливала вокруг свет и тепло, а красивые, лоснящиеся и теплые меховые подстилки и одеяла на лежанке придавали жилью удивительный уют и так и манили к отдыху. А вороха полярной трески, лососины и вяленого мяса на лежанке говорили о гостеприимстве, как бы приглашали: входи и угощайся, кто проголодался. Противоположный флигель тоже был жилой и уютный, но проживающая в нем чета присоединилась сегодня к праздничному хору, и на лежанке стояла группа молодых девушек, взявшихся следить за лампой; с любопытством наблюдали они за участниками праздника, напоминая посетителей театральной галерки. В ледяных глыбах свода самой залы были сделаны ниши, и в них поставлены зажженные жировые лампочки, бросавшие фантастический свет на замечательное сборище. Мужчины и женщины, составлявшие хор, окружали стоявшего посредине запевалу и плясуна с огромным бубном. Бубен так велик, что на него часто идет целая оленья шкура; поэтому рама, на которую ее натягивают, должна быть очень солидной, да и самый бубен, который держат левой рукой, имеет весьма значительный вес. Не диво, стало быть, что требуется большая сила и тренировка от певца, плясуна и музыканта в одном лице; ему нередко приходится работать час и больше без передышки. Пляски, состоящие из прыжков, изгибов тела и покачивания бедрами (все это под неумолчную дробь бубна), так утомляют плясунов, что они кончают пляс обыкновенно совсем разморенные жарой и усталостью,

Делается все, чтобы придать празднику как можно больше блеска и торжественности. И мужчины и женщины разодеты в самые лучшие свои наряды, изукрашенные затейливыми узорами из белых шкур. На спине и на плечах у мужчин развеваются при каждом их движении белые горностаевые шкурки, а обувь у мужчин и у женщин искусно расшита белыми и красными меховыми полосками. На головах мужчин меховые шлямы с клювом кайры, торчащим, как шишак.

Плясун и музыкант, стоящий в кругу, в то же время и запевала. Он затягивает песню, и когда дойдет до определенной строфы, то хор подхватывает. Хор, в котором низкие мужские голоса смешиваются с высокими резкими сопрано женщин, производит необыкновенно сильное впечатление. Мелодии, не богатые тонами, не кажутся, однако, монотонными, так как хор постоянно разнообразит ритмы, то замедляя, то ускоряя темп.

Слушая эти песни, слышишь как будто прибой волн, разбивающихся о крутые прибрежные скалы.

У каждого мужчины и у большей части женщин есть свои собственные песни, которые пережиты и сложены ими самими. Но, кроме этих новых песен, поются и старинные «гимны духам»; они поются, когда надо вызвать владычицу морских зверей Арнакапсхалук. Напевы этих гимнов, называемых акиутит, просты и торжественны; адресуются они Хилан инуе — «духам воздуха», которые одни только в силах помочь людям. И слова и напевы сохранились от древних времен, переходя из рода в род. У них то общее с обыкновенными заклинаниями, что их смысл часто темен. Его, впрочем, и не доискиваются, полагая, что вся сила заклинаний именно в фантастичности и таинственности их.

Наконец, есть еще ингильраит пизе — «песни минувшего». И эти песни унаследованы поколениями от поколений, и хотя часто с ними связывают определенные имена, но никто не имеет понятия о степени их древности. В современных песнях обыкновенно восхваляется какой-нибудь подвиг, якобы совершенный певцом, или переживание, оставившее в нем сильное впечатление. В «песнях минувшего», напротив, больше настроения, чувства, а часто и жизненной философии.

Празднество, на котором я был гостем, продолжалось всю ночь, и когда я теперь, много времени спустя, пытаюсь разобраться в том непостижимом слиянии слов, музыки и пляски в единую гармонию жизнерадостности, в мощный поток веселья и страстного единогодушного стремления забыться в экстазе, то понимаю, что подобную ночь можно пережить только в родной среде.

Я раньше никогда не слышал «гимнов духам», исполняемых хором, и потому попросил дать мне послушать песни, особенно характерные для здешнего племени. Позже вечером современ-

ные песни стали чередоваться с классическими песнями, сложенными бессмертными певцами минувших времен.

Потом мне удалось записать некоторые из этих песен. Вот небольшой выбор из них.

Гимны духам

I

Дух с высот сюда спеши, поспеши: тебя зовет твой заклинатель!
Дух с высот сюда спеши, поспеши! Неси беде укус смертельный!
Встаю средь духов я, встаю средь духов!
Мертвых души вижу!
Дитя, великое дитя, владыка воздуха!
Сюда спеши! Могучее, прекрасное дитя!

II

Крылья чайка распустила, носится над нами, над нами!
Глаз не сводит. Я грожу белоголовой.
Клюв разинула, и круглый зорок глаз!
Кутюк! Кутюк!
Крылья распустил поморник, носится над нами, над нами!
Глаз не сводит. Я грожу ему. Он с черной головой.
Клюв разинул. Круглый зорок глаз.
Ийок! Ийок!
Крылья ворон распустил и кружится над нами, над нами!
Глаз не сводит. Я грожу ему.
Он с черно-синей головой. Клюв остер, как будто зубы в нем,
а глаз косит!

Карр! Карр!

III

Где ты скрылась, душа? Дай тебя мне найти!
Иль на юг ты умчалась от тех, кто живет южнее нас?
Дай тебя мне найти!
Где ты скрылась, душа? Дай тебя мне найти!
Иль к востоку умчалась от тех, кто восточнее нас?
Дай тебя мне найти!
Где ты скрылась, душа? Дай тебя мне найти!
Иль на север умчалась от тех, кто на север от нас?
Дай тебя мне найти!
Где ты скрылась, душа? Дай тебя мне найти!
Иль на запад умчалась от тех, кто на запад от нас?
Дай тебя мне найти!..

IV

Гостем буду женщины безвестной, заслоненной мужем.
Развяжи на обуви ремень.
Испытываешь мужа, испытай жену!
Гладь морщины женщины, разгладь их.
Вышел я на лед морской. Дышут в полыньях тюлени;
Моря песню слушаю, дивясь, и вздохи мощных льдов.
Иди, иди! Могучий дух оздоравливает певчий праздник!..

Песня Айюка — сон Паулинаока

Я полон радости, когда забрезжит день на небе.
Айи, яй-я!
Я полон радости, когда высоко солнце в небе!

Айи, яй-я!
В иное время душит страх — червей боюсь я жадных;
Въедятся мне в ключицы и в глаза.
Айи, яй-я!
Лежу я здесь и вспоминаю, как страх меня душил,
Когда зарыли в снежной хижине меня на льду.
Айи, яй-я!

*

Чудесна жизнь была зимой. А радовался я?
Нет, вечные заботы: о шкурах для подошв, для сапогов,
Чтобы на всех хватило. Вечные заботы.
Айи, яй-я!
Чудесна летом жизнь была. А радовался я?
Нет, вечные заботы: о шкурах для подстилок, одеял.
Айи, яй-я!
Чудесна жизнь была, когда рыбачил я на льду.
А радовался я, над прорубью склоняясь?
Нет, вечные заботы: остер ли мой крючок,
И будет клев иль нет? Да, вечные заботы.
Айи, яй-я!
Чудесна жизнь была, когда плясали, пели мы
На праздниках. А радовался я?
Нет, вечные заботы: вдруг песнь свою забуду!
Да, вечные заботы.
Айи, яй-я!
Чудесна жизнь была... Теперь я радуюсь всегда —
Чуть побелеет от зари ночное небо.
Едва покажется на небе солнце.
Айи, яй-я!

Незабытая песня забытого человека

Что в мыслях у южного ветра, когда он
Со свистом проносится мимо?
Не вести ль несет малым людям, что северней нас?
Они ль в его мыслях, когда он проносится мимо?
Аяй-яй-яй-яй!
Что в мыслях у ветра восточного, быстро
Со свистом летящего мимо?
Не вести ль несет малым людям на запад от нас?
Они ль в его мыслях, когда он проносится мимо?
Аяй-яй-яй-яй!
Что в мыслях у ветра, когда он со свистом
Проносится с запада мимо?
Не вести ль несет малым людям к востоку от нас?
Они ль в его мыслях, когда он проносится мимо?
Аяй-яй-яй-яй!
А что в моих собственных мыслях, когда
Блуждаю, брожу по земле?
В них то, что живет и что носит земля на себе —
И мускусный бык, что горой вырастает в долине,
И дикий олень, что ветви рогов высоко подымает.
Я крупную дичь в своих мыслях ношу, бродя по земле.
Аяй-яй-яй-яй!

Старая песня о солнце, месяце и страхе одиночества

Это страх — от всех душою отвернуться,
В одиночество стремиться от веселых толп.
Ийя-я-я!

Это радость — вновь тепло почуять в мире,
Видеть солнце на путях обычных летней ночью.

Ийя-я-я!

Это страх — почуять снова холод в мире,
Видеть месяц новый иль в ущербе — на путях обычных зимней

ночью.

Ийя-я-я!

И куда стремятся все? Я на восток стремлюсь.

Но брата моего отца не видеть мне вовеки.

Только под утро заставил я себя покинуть праздник. Все эти удивительные лица, дышавшие любовью к свободе и упорством, женщины и мужчины в красивых, гармонично подобранных оленьих шкурах, характеры, личности, примитивные натуры, умеющие отдаваться наслаждению минуты, открытые, радостные души, приготовившие мне такую желанную встречу, что я век ее не забуду, — все это я должен был сконцентрировать в себе и разобраться во всем.

Неужели они в самом деле лжецы, преступники, убийцы от природы?

Широкими волнами разливалось над окрестными скалами северное сияние; играя, вспыхивало оно нам навстречу разноцветными огнями своеобразного небесного пожара. Обуреваемый впечатлениями дня и ночи, вглядывался я в эти пылающие загадки, прислушиваясь в то же время к праздничным песням стойбища, выливавшимся из самой глубины этих неиспорченных натур, и любовался яркостью музыкальных и поэтических красок, походивших на это северное сияние.

И мне пришло в голову, что здесь, в эту жестокую морозную ночь, я прослушал великую фанфару радости среди эскимосов, обесславленных и веселых, среди шайки убийц, бывших людьми!

УКРОЩЕНИЕ «БУРНОГО МАЛЮТКИ»

Материал для монографии об «охотниках на мускусных быков» был собран к середине января. Четыре главных этапа были пройдены: «оленные эскимосы», «племена Гудзонова залива», «тюленьи эскимосы» и, наконец, «охотники на мускусных быков». Теперь оставалось собрать добавочный материал о западных племенах дельты реки Макензи, Аляски, Берингова пролива и Сибири. Между полем последней моей работы и будущей лежало расстояние приблизительно в 2200 км и его предстояло покрыть возможно быстрее, но мне все-таки необходимо было делать на этом пути остановки, чтобы знакомиться с людьми, делать сопоставления и выводы на основании записей в моих подробных дневниках.

Я радовался, что наши собаки были в отличном состоянии после долгого отдыха и заботливого ухода за ними, организованного мистером Кларком. В арктических путешествиях гостеприимство, оказанное самому путешественнику, остается для него на втором плане, тогда как к тому, кто кормит и холит его собак, он чувствует настоящую сердечную привязанность.

Мы разделили собак на две упряжки, обе сравнительно небольшие, принимая во внимание груз. Сам я вместе с Арнарулунгуак должен был удовольствоваться шестью лучшими из наших собак и зато оставил себе самые маленькие сани, нагруженные сравнительно легко — приблизительно 300 килограммов. Гага же получил 10 собак и должен был везти Лео Хансена со всем его синематографическим снаряжением, достаточно увесистым; их груз тянул, я думаю, килограммов 500. Благодаря торфяно-ледяным подпольям, о которых не раз упоминалось выше, мы с самого же начала, когда груз был всего тяжелее, в состоянии были развивать такие темпы, что великий санный путь мог быть пройден в намеченный срок.

Отъезд с Кента состоялся 16 января 1924 года при морозе 42° С и встречном буране.

21 января мы обогнули мыс Барроу*, несколько часов шли вдоль низкого гранитного побережья, а затем направились к высокому крутому предгорью, до которого добрались лишь на следующий день после обеда. Погода простояла дня два прекрасная, приятно мягкая, и вдруг ветер повернул на шторм, над берегами за клубился туман. Как раз, когда почти невозможно стало ориентироваться, собаки почуяли запах людей, поскакали бешеным галопом, и в 3 часа дня мы достигли стойбища, расположенного среди льдов, где встретили бурный

* Не надо смешивать с мысом Барроу на северо-западной оконечности Америки.

прием. В стойбище насчитывалось 46 человек: 25 мужчин и 21 женщина. Нам сказали, что место носит название Агиак, а самих себя жители называли агиармиут.

Чересчур навязчивое радушие постепенно приучило нас держаться несколько настороже, но здесь мы были приятно поражены,—люди оказались вежливыми, почти скромными; они предложили помочь нам поскорее поставить снежную хижину. Времени действительно нельзя было терять. Снежный буран нас настигал: скалы словно ошетинились, снежные вихревые столбы проносились по их верхушкам. Не прошло и часа, как мы были уже под кровом, и почти одновременно разразился буран, который приковал нас к месту с 22 по 26 января.

Люди, впрочем, беспрестанно навещали нас. В проходе то и дело слышались кашель и чиханье,—это гости прочищали от снега глотки и носы; затем начиналось выколачивание одежды, столь продолжительное, что под конец плохо верилось, чтобы на шубах уцелела хоть горстка шерсти, и, наконец, из входного отверстия появлялись гости, улыбающиеся, веселые, обдутые дочи́ста бурей, с пылающими от мороза щеками и заиндевевшими бровями.

На третий вечер бурана нас пригласили в одну из снежных хижин на торжественное заклинание бури. Приглашавший представлял собой ярко выраженный тип «белокурого» эскимоса с облысевшей головой, рыжеватой бородкой и легкой голубизной глаз. Звали его Кигиуна — «Острозубый».

Буря достигла, по-видимому, своего апогея. Идти пришлось втроем, плотно сцепившись, чтобы ветер не свалил с ног; да можно было ожидать и худшего — как бы не пришлось складывать себе для ночлега снежную хижину, не дойдя до места торжества! Поэтому мы все были вооружены большими снеговыми ножами и шли согнувшись, чуть не утыкаясь головой в лед, по направлению к маленькому стойбищу, где предстояло торжество. Кигиуна крепко держал меня под локоть одной руки, а под другую вел меня его партнер на сегодняшнюю ночь.

— Это малютка Нарсук плачет от сквозняка в пеленках! — сказал Кигиуна и сообщил мне древний миф о сыне великана, который отомстил убийцам своих отца и матери, поднявшись на небо и став бурей. В течение этой ночи нужно было доискаться причины гнева малютки и попытаться укротить его. Ветер налетал на нас с такой силой, что мы временами просто останавливались на месте, крепко держась друг за друга, чтобы нас не бросило о торосы, громоздившиеся вокруг. Бешеные шквалы берегового ветра словно стегали нас кнутом и после трех-четырех ударов нам удавалось продвинуться шага на два вперед; а затем новый шквал, сопровождаемый завыванием «бурного малютки», останавливал нас и чуть не

валил на лед. Как же мы обрадовались, когда, наконец, перед нами замигали теплые огоньки жировых ламп, горевших в праздничной хижине, где все места на лежанке были уже заняты мужчинами и женщинами.

Купол хижины, имевшей четыре метра в ширину и шесть метров в длину, был так высок, что строители должны были подпереть его двумя бревнами плавника; это создавало эффект настоящих колонн в этом белоснежном зале. На полу между ними было столько места, что все соседние ребяташки во время приготовлений к торжеству наигрались досыта в пятнашки, бегая вокруг колонн.

Приготовление заключались в праздничной трапезе из вяленой лососины, сала и замороженных неосвежеванных тюленьих туш. Большими топорами крепко врубались в этот замерзший обед, и пока тепло жилого помещения медленно возвращало живые краски всем лицам, исхлестанным бурей и снегом, люди с аппетитом глотали мясные ледяшки, подышав на них предварительно, чтобы немножко согреть и не сорвать себе кожу с губ и языка.

Заклинателем духов явился в этот вечер Хоркарнак — «Китовый ус», молодой человек с умными глазами и быстрыми движениями. На лице его не было и тени лукавства; может быть, поэтому ему и понадобилось так много времени, чтобы впасть в транс. Он объяснил мне, прежде чем выступать, что у него мало духов-пособников. Лишь дух его умершего отца да дух-пособник последнего — тролль, о котором известно из сказаний, великан с такими длинными когтями, что они могут перерезать человека пополам, только царапнув его по туловищу; и, наконец, подобие человека, слепленное им самим из мягкого снега. Этот дух являлся к нему, когда он его вызывал.

Все женщины стойбища окружали заклинателя и подбодряли его дешевой лестью: «Ты можешь, тебе это легко, ты такой сильный», — болтали они, но он не переставал повторять: «Трудно говорить правду, трудно вызывать скрытые силы».

Долго сохранял Китовый ус свою суровость и почти вызывающую непреклонность, но женщины продолжали подзадоривать его, и под конец он начал мало-помалу впадать в транс.

Широко раскрыв глаза, он как будто всматривался в дальние горизонты, время от времени крутился на одной пятке, дыхание у него становилось прерывистым, и он переставал узнавать своих земляков.

— Кто вы? — кричал он.

— Твои собственные люди, — отвечали они.

И снова Китовый ус обходил весь круг, каждому заглядывая в глаза, поводил кругом все более дичавшим взглядом и,

наконец, повторил устало, как человек, который, пройдя дальний-дальний путь, выбился из сил:

— Не могу больше, не могу.

В то же мгновение в горле у него заклокотало — дух-пособник вселился в него. Им овладела чужая сила, он уже не принадлежит себе, не волен в своих словах. Он пляшет, прыгает, носится между толпящимися людьми и призывает своего умершего отца.

Обращается Китовый ус и ко многим другим умершим, которых видит среди собравшихся в хижине. Он описывает наружность стариков, старух, которых никогда не видал, и требует, чтобы другие сказали — кого же он видит.

Растерянность, безмолвие; наконец, совещание женщин шепотом. Нерешительно выступают они со своими догадками, называя имена тех или других из умерших, к кому можно отнести описания заклинателя.

— Нет, нет, нет, не те!

Вдруг выскакивает на середину одна старуха и выкрикивает два имени, которых другие не осмеливались произнести, имена недавно умерших мужа и жены, могилы которых были еще совсем свежи.

— Они! Они! — кричит Китовый ус пронзительно, и странное жуткое чувство охватывает всех: ведь эти двое совсем еще недавно были среди них живые. Теперь они стали злыми духами, именно такими злыми духами, которые приносят непогоду.

Ужас распространяется в хижине.

А за ее стенами воеет буря. Во мгле не разглядеть собственной руки, и даже собакам, которых обыкновенно выбрасывают пинками из жилья, позволено сегодня искать тепла и защиты от ветра под ногами взволнованных людей.

Сеанс длится уже час (с ревом, вызываньем неведомых сил), и вдруг происходит нечто ужаснувшее нас, сроду не видевших, как укрощают духа бури. Китовый ус, прыгнув в толпу, схватил старого добродушного Кингиуну, который смирно стоял и пел гимн владычице зверей морских, схватил его крепко за глотку и начал трясти и мотать взад и вперед. Сначала оба выпускали жалобные горловые стоны, затем Кингиуна начал задыхаться, перестал стонать, засипел и в то же мгновение сам сделался жертвой экстаза. Он не сопротивлялся больше, покорно отдаваясь во власть заклинателя, который, все не выпуская из рук его глотки, метался с ним по жилью; оба, видимо, не помнили и не чувствовали себя. Мужчины загородили собой большие жировые лампы, чтобы их не опрокинули и не раздавили, а женщины подсадили ребятишек на лежанку, чтобы их не искалечили в этой сумятице. Так продолжалось еще с час, пока Китовый ус не вымотал весь дух из тела Кингиуны и тот не стал волочиться за ним безжизненным меш-

ком. Лишь тогда Китовый ус выпустил его глотку, и Кингиуна тяжело рухнул на пол.

Так убивают бурю *in effigie* *. Взбунтовавшийся ветер требует жертвы, и вот Китовый ус запускает зубы в шею Кингиуны пониже затылка и треплет его, как собака треплет побежденного врага.

В жилье могильная тишина. Китовый ус один-одинешенек продолжает свою дикую пляску, пока каким-то непостижимым образом взгляд его не проясняется; он становится на колени около обмершего и начинает поглаживать и растирать все его тело, чтобы вернуть к жизни. Медленно оживает Кингиуна, шатаясь подымается на ноги, но как только он приходит в себя окончательно, повторяется то же самое сначала: бешеная хватка за глотку, необузданное метанье по жилью, те же стоны и сипенье задыхающегося Кингиуны, и бедняга снова брошен на снежный пол хижины безжизненным меховым мешком. Так убивает его Китовый ус трижды. Человек должен показать свое превосходство над бурей! Но, придя в себя в третий раз, Кингиуна сам впадает в транс, а Китовый ус падает в изнеможении. Старый провидец встает во всем своем комическом, чересчур ожиревшем величии, но покоряет нас диким блеском своих глаз и голосом, дрожащим от волнения, кричит на всю хижину:

— Простор небесный полон голых существ, они носятся по воздуху. Голые люди, голые мужчины, голые женщины носятся, вздымая бурю и метель.

«Слышите свист? В воздухе словно шумят крылья огромных птиц. Это страх голых людей, это бегство голых людей!

«Духи погоды вздымают бурю, духи воздуха гонят метель по земле, и беспомощное дитя Нарсук сотрясает воздух своим плачем.

«Но мой дух-пособник победит, он победит. Фью-фью! Слышите свист ветра? Тсс, тсс, тсс! Видите духов погоды и непогоды, шумящих над нами крыльями огромных птиц?»

При этих словах Китовый ус встает с пола, и оба заклинателя с прояснившимися лицами, успокоившись после такой отповеди буре, поют жидкими хриплыми голосами гимн матери зверей морских:

Женщина, великая женщина там, внизу!
Отгони, отгони от нас злое!
Явись, явись, дух глубины!
Один из твоих жителей земных
Зовет тебя,
Молит тебя: кусай насмерть врагов!
Явись, явись дух глубины!

Как только они пропели гимн до конца, все остальные подхватили жалобный, настойчивый, молящий призыв. Никто не

* В лице кого-нибудь, заглазно.

знал, кого они в сущности призывают, никто из них не молился никому, но старинная песня предков давала им силу, подымала их дух. Им нечем было накормить своих детей на следующий день. Они просили только о тихой погоде для лова, о пище для своих детей.

И вся природа вокруг словно ожила. Мы как бы воочию увидели бурю, мчавшуюся по небу в образе убегающих смятенных голых духов. Мы видели, как полчища убегающих

мертвецов клубами снежной метели уносились вдаль. И все видения, все звуки сливались в шум крыльев огромных птиц, к которому заставил нас прислушаться Кингиуна.

На этом кончилась борьба двух заклинателей с непогодой; каждый из жителей мог теперь тихо и спокойно брести к себе домой, чтобы отжаться сну. Завтра должна была наступить хорошая погода.

И она наступила. При ярком солнце по крепкому снегу продолжали мы на следующий день свой путь дальше на запад и после обеда достигли реки Три, где находились торговый пункт Гудзоновской компании и пост знаменитой канадской конной полиции.

Мистер Мак-Грегор оказал нам от имени компании сердечный прием, и мы прогостили у него целые сутки.

После того мы с короткими роздыхами в стойбищах эскимосов разных групп в заливе Коронейшен добрались до своего земляка, датчанина Педера Педерсена, заведовавшего торговым пунктом в гавани Бернарда. Мы имели в виду за-

кончить работу по обследованию первобытных эскимосов Северо-западного прохода в проливе Долфин-энд-Юнион, где эскимосами с острова Виктория был разбит большой ловецкий стан. Эти самые люди несколько лет тому назад неожиданно приобрели громкую известность под именем «белокурых эскимосов».

С середины февраля путь наш шел через «Землю охотников за пушниной», так как на протяжении всего берега, между гаванью Бернарда и мысом Батерст, живут лишь отдельные белые охотники за пушным зверем, одинокие, закаленные люди, ведущие упорную борьбу за существование.

17 мая мы добрались (после приблизительно полуторамесячного безостановочного путешествия) до острова Бейли, где находится торговый пункт Гудзоновской компании. Нужно ли говорить, что заведующий пунктом, наш земляк Хенрик Хенриксен, по прозвищу «Зять», сразу пригласил нас поселиться в своем уютном доме.

Тут кончилась первая часть нашего путешествия. Я был среди новых племен — «эскимосов реки Макензи».

ПОД ВЛАСТЬЮ ДОЛЛАРА

Мы попали как будто в совершенно новую страну. Ведь мы привыкли иметь дело с людьми, в жизни которых главное место занимала охота на крупную дичь, а морского зверя они били только на твердом льду. Теперь же мы очутились в центре культуры, сложившейся под влиянием открытого моря, среди людей, говоривших языком, поразительно близким нашему гренландскому, — о китах и белухах, о нерпах и морских зайцах, охота на которых велась с каяков-одиночек или с «женских каяков». И мы увидели эти самые «женские каяки», одинакового типа с гренландскими, и вдвойне радовались их знакомым очертаниям, потому что приехали сейчас из таких мест, где даже не знают такого названия.

Небольшие белые селения из снежных хижин, которые мы научились любить, сменились бревенчатыми или дощатыми хижинами, а также землянками — жилищами, которые и наружным и внутренним видом своим соответствовали гренландским. Мои гренландские спутники тарашили глаза и воображали себя почти дома, хотя в течение трех лет удалялись все больше и больше от своей страны.

Таково было первое впечатление, но стоило только чуть поглубже вникнуть в здешнюю жизнь, чтобы подметить во всем большую разницу. Река Макензи была великим проводником культуры, и подобно тому, как ее могучие потоки выворачивали с корнями деревья и разбрасывали их по всем берегам, мимо которых мы проезжали, точно так же вырвала она

и эскимосскую культуру из ее старого русла и создала переходный период, в середине которого мы и оказались. Морские промыслы перестали считаться единственным благом страны; сюда занесли золотую лихорадку, погоню за деньгами, и все отношения перевернулись. Гудзоновская компания перестала быть единственным хозяином; по рекам приплыли так называемые «чистоганые» покупатели и установили цены на всю пушнину. Затем жестокая конкуренция между купцами так взвинтила цены, что эскимосы — жители этой богатой пушной области, внезапно разбогатели. И те, кто при старых порядках привык рассчитывать главным образом на свои зимние склады, а потому и зверя бил с расчетом на один год, оказались теперь во вполне простительном заблуждении, что если только они с виду будут торговать и жить, как их повелители — белые люди, то и во всем станут равными им. Все здешние эскимосы — отличные охотники, поэтому им нетрудно доводить добычу и сбыт пушнины до колоссальных размеров, оставляя в стороне всякие разумные соображения насчет будущего и необеспеченной старости.

Вот почему мы неожиданно оказались среди людей важных и независимых. Цена на белого песка поднялась до 30 долларов, а песцов можно было добыть немало за сезон с ноября по апрель. Был спрос и на другую пушнину — на голубого песка, красную лису, черно-бурую, крестовку, мускусную крысу, скунса, бобра, горноста, куницу, рысь и прочее. Не диво поэтому, что эскимосы, мало-мальски честолюбивые, стали величать друг друга «капитанами» и переходили в ряды судовладельцев. Ведь плоскодонную шхуну ходового типа можно приобрести в дельтах больших рек за 3000 долларов! Но делать им с промысловым судном, в сущности, нечего. Разве только кататься на нем летом в гости и устраивать себе модные каникулы на море по окончании охотничьего сезона. Для лова же морского зверя эскимосы предпочитают пользоваться дешевыми и более практичными «женскими каяками» или китобойными лодками. Разумеется, на большинстве шхун установлены моторы. Вообще машины здесь применяются широко. Прилежные пальцы женщин, ловкостью которых мы часто любовались во время шитья меховых одежд, заменены швейными машинами. Люди научились писать, но чтобы и тут не отстать от века, большинство мужчин обзавелось пишущими машинками, хотя корреспонденция, которую они ведут, настолько невелика, что им даже не приходится упражняться в машинописи.

Машинки для стрижки и бритья тоже давно вошли в число предметов первой необходимости, так же как обычным явлением стали люди, разгуливающие с фотографическим аппаратом в руках. Практичные жировые лампы сохранились в качестве достопримечательностей, предлагаемых туристам по

30 долларов за штуку, сами же туземцы пользуются газолиновыми или, на худой конец, керосиновыми лампами.

Вначале и я оказался каким-то наивным пережитком старины среди этих щеголей, когда начал говорить с ними о сказаниях и старых преданиях; и не раз за первые недели, когда мне пришлось вести упорную борьбу, чтобы понять всю эту сбитую с толку ограниченность, я печально уносился мыслью обратно на восток к эскимосам — мужчинам и женщинам, для которых мудрость предков была еще священной. Здешние рассказчики начинали с того, что приравнивали себя к специалистам по истории и мифологии своего народа и расценивали свою консультацию или руководство по 25 долларов за день. Такова была такса на труд физический; почему же умственный ценить дешевле?

Едва прошел слух, что мы интересуемся этнографическими предметами, пронырливые антиквары явились, как из-под земли, и не стеснялись требовать по 50 долларов за пару губных украшений, найденных при раскопках.

Понятна моя растерянность. К счастью, неусвоенная культура не прочнее старой грязи, ее можно смыть, и в недалгом времени мне удалось пробудить в людях интерес к прошлому своего народа. Совсем даром рассказывал я им час за часом обо всем пережитом нами во время нашей поездки, о старых заклинателях, лучше знающих историю минувших времен, нежели люди, среди которых я нахожусь теперь; наконец я настолько основательно проломил лед, что оставил крайний запад Канады с солидным запасом ценных и новых сведений.

НА СЕВЕРЕ АЛЯСКИ

5 мая ранним утром мы въезжаем на Аляску.

Берег такой же, как тот, которого мы держались, переправившись через реку Макензи. Плоское побережье однообразно волнисто подымается к горам Иррит, окутанным облаками снежной метели. Мы с минуту задерживаемся около пограничных столбов в рост человеческого. С одной стороны, обращенной к востоку, начертано: Канада, с другой — Соединенные Штаты Америки. Эта официальная граница, отмеченная надписями на столбах, которые с короткими промежутками расставлены на протяжении тысячи километров равнин, гор и рек, производит своеобразное впечатление здесь, в снежной пустыне, где не видно ни следа жизни человеческой.

Один шаг от канадского столба — и мы в Аляске.

Наша цель — мыс Барроу и аляскинские эскимосы. 800 километров предстоит нам проехать пустынным побережьем материка, прежде чем вновь сделать продолжительную остановку,

Санний путь отличный. За береговой линией материка тянется узкая песчаная отмель с лагунами, и мы пользуемся их ровным льдом. Перед отмелью стеной встают исковерканные льды Ледовитого моря, хаос торосов; сознание, что мы ловко обходим этот барьер, радует нас вдвойне.

Собаки бегут привычной рысцой; теперь они редко переходят в резвый галоп, зато рысца у них ровная, упорная, и если за ними увяжутся чужие сани, то мы часто видим, как скачут вприпрыжку, запыхавшись, их собаки, чтобы не отстать от наших. Весна же быстро догоняет нас. Делая привалы на берегах лагун, мы слышим кругом хоры мелких птиц. Зеленое летнее одеяние тундры уже готово пробиться сквозь снежные сугробы, и, когда солнечные лучи падают на мощный хребет Эндикотт, образующий задний фон равнины на южном горизонте, покрытые льдом речки и обожженные солнцем скалистые склоны так и сверкают.

По всему берегу разбросаны мелкие становища эскимосов; встречаются нам и отдельные белые люди — датчане, шведы и норвежцы, некоторые на небольших шхунах; у других только пара кулаков да сани, нагруженные лисьими капканами. Расстояния между становищами определяются шансами на удачную охоту за пушниной. Но по окончании the trapping season * на исходе марта с хребтов спускаются олени и горные бараны, и начинается новая охота. Охотничьи стойбища разбиваются уже у подошвы хребтов. Эта охота продолжается до тех пор, пока морской лед не покроется дремлющими на солнце тюленями. Тогда люди перекочевывают опять на берег, чтобы запастись салом и кормом для собак к наступающему зимнему сезону песцов. Тюлений сезон как раз на исходе. Всюду встречаются люди, которые не задумываются протянуть нам руку помощи, поработать с нами день-другой, раз мы спешим, а путь тяжел. Встречаем мы и пастухов оленей, которые стараются пасти свои стада в укромных долинах, пока коровы телятся.

23 мая мы по отличному санному пути добираемся до крайнего северного жилого пункта американского материка, мыса Барроу, и впервые попадаем в город с тех пор, как покинули в 1921 году Готхоб. Наше прибытие с далекого востока возбуждает в населении большой интерес к нам. Все настолько-то обучались в школе, чтобы более или менее верно оценить пройденное нами расстояние. В результате этого повышенного интереса — мой большой доклад о Гренландии и о других пройденных нами странах, который я через день по приезде делаю в школе. Мое гренландское наречие понимают здесь без труда, и это обнадеживает меня, сулит успех и в самой северной части Аляски.

* Промысловый сезон.

Здесь проживают около 250 туземцев и горсть белых людей. Имеются большие магазины, торговые дома и товарные оптовые склады, но больше всего бросаются нам в глаза школьный дом, больница и церковь. Это первая школа, которую мы увидели за все три года,— светлое, нарядное здание; руководитель школы, молодой голландец Петер ван дер Стерре с большим радушием принимает нас как своих гостей.

Приехали мы сюда в самый разгар лова китов. Всего в нескольких километрах от берега расстилается открытое море, колыша свободно плывущие льдины; морские птицы собираются большими стаями, и крики их долетают до самого города. Почти вся мужская часть населения живет у кромки льда в пестрых ловецких станах; дома остались одни женщины и дети. Все в ажитации и как будто не знают сна. Когда мы сами около 4 часов утра ложимся в постель и открываем окна, то слышим повсюду женскую болтовню, детский крик и собачий лай. А все возвышенные пункты глинистых обрывов берега заняты бессонными наблюдателями, только ожидающими момента, чтобы оглушительным ревом подать беззаботным ночным воронам весть, что гарпунирован еще один кит.

Наше знакомство с Аляской не столь давнее. Открыта она была в 1741 году датчанином Витусом Берингом, состоявшим тогда на русской службе и предпринявшим свое знаменитое плавание через пролив, носящий теперь его имя. Но понадобилось много лет для более близкого ознакомления с этой страной. И здесь, как и дальше к востоку, детальное обследование берегов связано с экспедициями, имевшими своей целью Северо-западный проход. В 1826 году мыс Барроу впервые посетила английская экспедиция под начальством лейтенанта Бичи, который, выйдя из Тихого океана, должен был обогнуть материк с севера, чтобы встретиться с Джоном Франклином, шедшим от реки Макензи. Но Бичи, натолкнувшись на многочисленное туземное население, выставившее вооруженных людей и занявшее явно враждебную позицию, счел неблагоприятным высаживаться на берег. Бичи не удалось обогнуть мыс Барроу, но он ознакомился с северным побережьем Аляски и открыл тем самым дорогу другим.

Эскимосы, обитавшие между заливом Нортон и Ледовитым океаном, по-видимому, были воинственным племенем; все молодые люди у них получали настоящее военное воспитание, закаляли себя физическими упражнениями, проходили особый диетический курс, приучались переносить голод, делать длительные переходы, тренировались в выдержке и выносливости. И они не ограничивались вызываяще враждебным отношением к другим эскимосским племенам, не останавливались перед открытыми столкновениями с индейцами и даже с

белыми, когда те осмеливались вторгаться в их владения. Оружием служили обычно лук и стрелы, но применялись и разные хитроумные изобретения. Наиболее известны панцирь из моржовых клыков, от которого стрелы отскакивали, и большие зазубренные палицы, которыми легко было разломить противнику череп.

Времена эти не так уж давно миновали, чтобы нельзя было собрать нужных сведений от тех пожилых людей, деда которых сами участвовали в битвах. Это положение длилось долго и после того, как Аляска заселилась белыми людьми; кстати, надо признать, что первая встреча эскимосов с цивилизацией не могла особенно поощрить их к зарыванию боевого топора в землю.

В первое время страной правила Россия. С наилучшими намерениями было устроено несколько миссионерских пунктов около устья Юкона, но в те времена бессовестные купцы больше влияли на условия жизни, чем миссионеры. В страну хлынула рекой водка; почти ни одна торговая сделка не обходилась без того, чтобы клиентов сначала не напаявали допьяна. Одновременно около берегов появились многочисленные китобойные суда, которые забирали с собой целые эскимосские семьи для черной работы или в качестве ловцов. Долгое время казалось, что население обречено на вымирание, так оно вырождалось и развращалось; белые люди не только ввезли водку, но и опаснейшие заразные болезни. Хищнические приемы охоты угнали диких оленей в глубь страны, и морские промыслы, бывшие всегда основным источником существования туземцев, тоже были поставлены под угрозу. Все независимые племена быстро убывали в числе; их вымирание, полная гибель казались неизбежными.

И вот в 1867 году Соединенные Штаты за 7 200 000 долларов купили Аляску у России. Эта была, без сомнения, лучшая коммерческая сделка, когда-либо совершенная американцами! Это сулило Аляске лучшие времена, но прошло все-таки немало лет, прежде чем американцы приступили к сколько-нибудь рациональному освоению своих новых крупных владений.

Новая эпоха жизни эскимосов началась только с начала работы Отдела народного просвещения в 1890 году. Первым из начавших тогда борьбу за лучшее будущее эскимосов следует назвать д-ра Шелдона Джексона. Английский язык немедленно был введен в школы, и все силы были пущены в ход, чтобы сделать эскимосов американцами.

Как на результат хорошо организованных (преимущественно американскими учителями) просветительных мероприятий можно теперь, через 35 лет *, указать на то, что вымирав-

* Автор писал в 1924 году.

шее, обнищавшее, угнетенное племя стало племенем деловитых, честолюбивых и независимых людей*.

Д-р Джексон впоследствии напал на мысль ввезти в Аляску сибирских домашних оленей. И в течение первых лет удалось довести это ввезенное 30 лет тому назад оленье стадо до 1280 голов; теперь же домашних оленей насчитывается до 500 000 голов, из которых значительная часть принадлежит эскимосам. Но это не предельная цифра; по мнению знающих людей, оленеводство будет развиваться, пока число домашних оленей не будет доведено до нескольких миллионов голов**.

Это по части школы и оленеводства. Но были и другие мероприятия, имевшие важное значение; например, введение кооперативных форм торговли и хозяйства. Само население вносило свою лепту на организацию кооперативных лавок и потребительских объединений, но реализовать идею без поддержки государства не удалось бы; и казенные суда, обслуживающие школьное и медицинское ведомства, до сих пор перевозят грузы для кооперации за фрахты, едва окупающие расходы.

* К. Расмуссен неправ, видя лишь одни теневые стороны русской колонизации Аляски и противопоставляя ее американской. Действительно, со стороны отдельных купцов и промышленников имели место жестокость, насилия и обман местного населения (и не только местного населения, но, добавим, и русских колонистов), но вместе с тем на Аляске была заложена основа для экономического развития территории. Русские поселенцы прививали коренным жителям навыки земледелия и скотоводства, обучали грамоте; обычными были смешанные браки. Известный американский историк Банкрофт, например, писал: «Русские в действительности не были столь жестоки, как другие: они теснее, чем другие торговцы, ассимилировались с туземцами. На всех факториях они жили совместно с туземцами и на их лад, деля со своими дикими друзьями все тяготы и лишения, так же как и небольшой комфорт, который им удавалось создать». Мы не пытаемся обелить русских купцов. Но следует сказать, что наибольший вред коренным жителям принесли американские и английские торговцы и контрабандисты, которые завозили на Аляску спиртные напитки и оружие и всячески настраивали местное население против русских поселенцев.

В противоположность мнению К. Расмуссена наиболее мрачный период в жизни аляскинских эскимосов был не до, а непосредственно после продажи Аляски Соединенным Штатам. Американское правительство ввело на Аляску войска, которые в течение 10 лет грабили и терроризировали местное население, а затем несколько десятилетий на Аляске совершенно бесконтрольно хозяйничали капиталистические монополии, приведшие коренное население на грань вымирания.

** Первоначально оленеводством на Аляске занимались только эскимосы. Но затем оленями заинтересовались капиталистические фермы. Они постепенно захватили стада оленей, ранее принадлежавшие эскимосам, а прежних владельцев превратили в наемных пастухов. Расцвет оленеводства на Аляске приходится на конец 30-х годов, когда во владении монопольных компаний было до 1,5 млн. оленей. Позднее оленеводство пошло на убыль из-за конкуренции мясопромышленных монополий США. Когда оленеводство перестало приносить доход, монополисты продали свои стада правительству. К 1949 году на Аляске осталось менее 30 тыс. домашних оленей, из них около 15 тыс. принадлежало эскимосам.

В день нашего приезда было убито три кита и спустя два-три дня еще два; но нам ни разу не удалось явиться вовремя на место, чтобы быть свидетелями самой процедуры лова.

В наши планы входило, чтобы я возможно скорее отправился дальше вместе с Гагой и Арнарулунгуак в большое становище у реки Утукок, где, как мне говорили, я мог встретить нескольких интересных людей — мужчин и женщин — из старых коренных жителей материка. В пути мы должны были держаться узкой полосы льда, еще уцелевшего у берегов, и так как весь снег превратился уже в слякоть, под которой стояла вода, то нельзя было везти с собой наши коллекции или большой фотографический материал. Решили, что Лео Хансен останется пока здесь продолжать съемки картин народной жизни, а с первым летним пароходом отправится вместе со всеми нашими коллекциями, и мы встретимся с ним уже в Номе.

3 июня мы расстались. Солнце палило вовсю. Мы положительно слышали, как тает снег вокруг. Несмотря на жару, собаки не ленились; они знали, что им опять предстоит путь и, хотя уже убедились на опыте, что это значит и что от них потребуется, все же были так радостно возбуждены дорожными приготовлениями, что мы с трудом удерживали сани на месте, пока все наши друзья с мыса Барроу прощались с нами.

КИТОВЫЙ ПРАЗДНИК

8 июня мы достигли Ледяного мыса (Айси-Кейп), где жители как раз готовились справлять большой китовый праздник в ознаменование конца благополучно прошедшего китового сезона.

В течение ночи множество саней прибыло из соседних селений, так что сборище вышло многолюдным. Хвост кита, припрятанный для этого особого случая, был нарезан ломтями и явился первым основным блюдом праздничного пира. Потом собравшиеся забавлялись «прыжками в поднебесье» с натянутой моржовой кожи. В этой головоломной забаве, кончающейся иногда сломанными руками, участвовали все возрасты. Человека подбрасывают кверху на двух больших моржовых кожах, сшитых вместе и снабженных множеством рукояток, за которые должно ухватиться возможно большее число людей. Эскимосы, раскатав хорошенько кожи со стоящим на них во весь рост человеком, подбрасывают его высоко в воздух, а он должен, сохраняя свое стоячее положение, легко и красиво опуститься опять ногами на кожи, чтобы снова взлететь еще выше. Презрительным весельем встречают тех, кто падает на голову. Наигравшись, — игра продол-

жается по несколько часов подряд, — садятся опять пировать, и пир затягивается на весь остаток дня, захватывает и ночь, прерываясь лишь песнями и плясками. Десять музыкантов сидят в ряд и отбивают такт на своих грохочущих бубнах. Большой хор мужчин и женщин сидит около них на корточках, образуя полукруг, в котором выступают по очереди пляшущие — обычно пара женщин и один мужчина. Пляски не представляют ничего характерного, выражая только радостное настроение. Мужчина — олицетворение силы и ловкости, и все движения плясунов красиво и гармонично демонстрируют гибкость их тела; когда же вступает хор и слова песни дают к тому повод, плясуны вкладывают сочный юмор в движения своих рук и в изгибы тела. Мужчина в непрерывном движении; зато женщины в пляске почти не двигаются с места, только колышут бедрами, становясь то на цыпочки, то на пятки и шевеля руками в такт музыке. Их задача — олицетворять красоту, прелесть, женственность; и, по правде сказать, они своими полужакрытыми, затуманенными глазами и легкими грациозными движениями захватывают зрителей, необыкновенно хорошо оттеняя прыжки и игру мускулов мужчин. Мелодии сами по себе до крайности однообразны, но и мужчины и женщины обладают особой способностью передавать двухголосные напевы так, что монотонность пропадает. Выступления дышат силой и праздничной радостью, но вместе с тем и торжественной волнующей простотой. Только текст разочаровывает; песни состоят, в сущности, из

одних припевов, говорящих о каком-нибудь приключении, которое оставило особое впечатление в тех, кто сложил песню, а для других не имеет никакого значения. Поэтических картин, настроения, как в песнях примитивного эскимоса из области Северо-западного прохода, у этих певцов не встретишь.

С юмором и выдержкой проведен был весь долгий праздник, и после этой богатой впечатлениями ночи нам удалось, наконец, отправиться в то небольшое становище на материке, где мы хотели пробыть некоторое время. Кроме тех стариков и старух, которых я искал, там находилось еще несколько молодых оленьих пастухов; они как раз собирали свое большое стадо в 800 голов, чтобы переметить хозяйским тавром уши весенних телят.

*

И у этих континентальных эскимосов, живущих в значительно более благоприятных условиях, нежели те, какие наблюдаются у их сородичей, живущих дальше к востоку, я обнаружил под всеми наслоениями религиозных представлений и за всеми суеверными обрядами, которыми они пытаются облегчить себе ежедневную борьбу за пропитание,— ту же самую основу, то же самое мировоззрение, какое отмечал уже выше. Правда, оно, как и вся их благоприобретенная культура, находилось на более высоком уровне, говорило о новых идеях и о влиянии индейцев, но выросло оно из той же старой системы запретов — табу, из попыток заклинателей посредничать между земным и сверхъестественным и, наконец, из склонности рядового человека прибегать к помощи волшебных заклинаний и амулетов.

Кроме многих обычаев, с которыми я уже познакомился раньше, посещая другие племена, я, однако, подметил здесь и кое-что новое, характерное. Всего оригинальнее культ душ опасных хищников, а именно волка и росوماхи. Самые звери, правда, рассматриваются только как предметы роскоши, поскольку мясо их несъедобно, а красивые шкуры идут исключительно на отделку одежд из оленьего меха; но ловить этих хищников капканами — трудная, утомительная работа, так что удачливые охотники завоёвывают себе и славу и зависть людскую.

*

Трудно оторваться от старых умных людей, умеющих хорошо рассказывать. Поэтому я должен был сделать над собой большое усилие, чтобы, наконец, распрощаться с ними 30 июня. Необходимо было продолжать путь. Отягощало наше выступление еще одно обстоятельство — необходимость расстаться с большей частью моих старых собак, верой и правдой

служивших мне во время этого долгого санного пути. Невозможно было, однако, везти собак с собой обратно, приходилось пристроить их куда-нибудь, где им было бы хорошо. Поэтому я подарил их коммерсанту Угперсауну на Айси-Кейпе. Себе мы оставили всего четырех собак, так как остальной путь предстояло нам отчасти проплыть в лодке, отчасти пройти пешком, взвалив часть багажа себе на плечи, а часть распределив по собачьим вьюкам.

СТОЙБИЩЕ СТАРОГО ВОЖДЯ

16 июля мы достигли большой лагуны за мысом Хоп и встретились там с миссионером мистером Томасом, который плыл в моторной лодке вместе с женой и сыном. Они взяли нас на буксир, и всего через несколько часов мы высадились около их уютного пастората, где и нашли гостеприимный приют на любой срок. Лед у берегов опять сгустился, и форсировать его — тратить лишнее время было бы неэкономно, да и не к чему, раз здесь в стойбище работы оказывалось даже больше, чем мне под силу было справиться.

Мыс Хоп, или Тикерак, то есть «мыс, вытянутый, как указательный палец», — место, где находится одно из интереснейших на Аляскинском побережье и, наверное, самое крупное из заброшенных, полуразрушенных становищ. В нем сохранилось еще 122 очень больших дома, но так как море неустанно размывает мыс и сносит руины одну за другой, то число это ничего не говорит о том, как велико было становище в свое время. Нет сомнения, однако, что здесь, в центре богатых китобойных промыслов, и в ближайших окрестностях должно было проживать некогда тысячи две народу, то есть столько же, сколько насчитывается теперь всего населения в области Северо-западного прохода между магнитным полюсом и островом Хершел. Масса старых могил разбросано на самом мысе; могилы эти относятся к золотому веку китобойного промысла, когда вожди приказывали погребать себя на выставленных стоймя челюстях тех китов, которых они когда-то убили. Кроме того, всюду рассеяно столько человеческих костей, что мистер Томас за несколько лет своей службы здесь успел предать погребению 4000 черепов!

Я скоро подцепил двух рассказчиков, и, так как гостеприимный миссионер создал мне превосходные условия для работы, мое пребывание здесь дало хорошие результаты.

О происхождении мыса Хоп рассказывают так:

«В давно минувшие времена перед горами не было никакой низменности, и люди жили на вершине большой скалы Иррисугсук, к юго-востоку от залива Коцебу. Это была единственная суша, выступавшая тогда из моря, и на этой вершине до

сих пор еще находятся кости и скелеты китов, остатки от охот самых первых людей. А люди в те времена еще на руках ходили, вниз головой, — вот как давно это было!

«Но однажды мудрый ворон, тот самый, что сотворил небо и землю, гребя в своем каяке, уплыл далеко в открытое море и там увидел: что-то темное движется под водой, оставляя за собой пенистый след. Он подгреб поближе и метнул свой гарпун. Из раны брызнула кровь. Ворон подумал было, что это кит, но нет — какая-то громадина без начала и без конца. Медленно вытекла из нее жизнь. Он покрепче привязал свой буксирный ремень и отвел добычу к скалам, на юг от Уивфака. Тут он причалил ее, а когда на другой день явился рассмотреть хорошенько, оказалось, что она отвердела, стала землей».

Около старого стойбища и до сих пор еще показывают странную дыру в земле — то самое место, где ворон проткнул чудовище своим гарпуном.

Тикерармиут, или «племя узкой косы», как эти люди сами себя называют, враждовали в старину со всеми; и были они и прославлены и обесславлены, так как постоянно воевали со своими соседями.

Почти три поколения тому назад разыгралась большая битва на суше и на море между племенами тикерармиут и нунатармиут, живущими около Инунгтата, почти у мыса Сеппинг; битву выиграли жители материка и вытеснили побежденных с мыса Хоп и из всех других мест к северу от залива Коцебу, где они привыкли проводить значительную часть лета и осени.

В 1887 году одна фирма из Сан-Франциско устроила у мыса Хоп пристань для своих китобойных судов. Вождем племени был тогда знаменитый и беспощадный Атангауссак, человек с пятью женами, силач, известный столько же своим враждебным отношением к белым, сколько и беспощадностью, с которой он утверждал свою власть в стойбище, выгоняя вон всякого, кто не сразу подчинялся его воле. Не диво поэтому, что скоро между туземным населением и китоловами создались натянутые отношения. Атангауссак держался того взгляда, что вся земля здесь принадлежит эскимосам и они сами могут бить тут китов, но понимал, что опасно соперничать с белыми как по части лова китов, так и в смысле утверждения господства над краем. И вот случилось, что один из белых заманил его молоденькую дочь к себе, она осталась у него в доме, и Атангауссак начал сам бывать там. Но однажды вечером, зимой 1889 года, он напился виски, и два брата, ненавидевшие его за то, что он изгнал их из страны, напали на него и убили.

Той же весной, в июне, туземцы сами завели переговоры с китоловами и предложили им мир, чем и кончилась всякая

вражда. Но с той минуты сокрушено было и господство эскимосов — господином стал белый человек.

*

31 июля лед разошелся, и так как я записал уже все сказания, какие мог услыхать здесь, а также с помощью эскимосов извлек из раскопок на стойбище много интересного в археологическом смысле, то и порешил, что пора нам двинуться дальше. В путь мы отправились в небольшой «ёле» с подвешным мотором.

Короткими, но полными впечатлений дневными переходами идем мы вдоль берега, всюду посещая оленьих пастухов, которые в это комариное время держатся со своими стадами на берегу у самой воды.

Почти у самого устья реки Ноатак за мысом Блоссом мы встретили племя, сетями ловившее белух. За короткое время они добыли 20 штук и ожидали еще. В этой стране нет скудных мест лова.

Наконец, 7 августа после обеда мы переправляемся через залив Коцебу. Вода мелкая и совершенно пресная, так как здесь устья рек Ноатака, Кобука и Селавика. Делая большие крюки, пользуясь всякими протоками и разводьями, подвигаемся мы вперед и поздним вечером высаживаемся у стойбища золотоискателей, торговцев и рыболовов-эскимосов.

Залив Коцебу стал вехой на нашем великом пути, теперь пройденном. Отсюда я впервые за три года мог вступить в непосредственные сношения с внешним миром — здесь находилась самая северная телеграфная станция Америки! Понятна та нервная поспешность, с какой я тотчас же после высадки направился на станцию, чтобы послать первое извещение о том, что долгий санный путь окончен. Мы высадились на берег и разбили свой лагерь среди эскимосских палаток. Телеграфная станция находилась в противоположном конце селения, и сотни мыслей успели пронестись в моем мозгу, пока я шел, чтобы отослать свою первую телеграмму.

Как показательно, что ты никогда не испытываешь тоски по родине, пока знаешь, что тебя отделяет от нее огромное расстояние, что тосковать бесполезно. Но в ту же минуту, как открывается возможность получить вести из дому, разом просыпаются все чувства, которые так долго и сурово ты подавлял в себе, просыпаются со всей силой, накопленной за столь долгое время. Теперь я ведь могу через несколько часов узнать, как поживают мои дорогие близкие и возвратились ли мои товарищи. Задыхаясь, ввалился я в телеграфную контору и положил телеграмму перед телеграфистом в полной уверенности, что мое долгое отсутствие и достигнутые результаты, которые я оглашаю в телеграмме, заставят его привскочить на стуле, как подкинутого пружиной, и тотчас же взяться за

передачу в мировое пространство моих сообщений. Но первая же моя встреча с беспроводным телеграфом принесла мне большое разочарование. Телеграфист рассеянно выслушал мои слова о настоятельной необходимости послать телеграмму немедленно и затем ответил мне коротко, что, к сожалению, принять ее не может — приборы его только еще устанавливаются и пока не в полной исправности; поэтому он советует мне лучше отправиться на «Боксера», судно Отдела народного просвещения, стоящее на якоре в двадцати милях к югу, близ мыса Блоссом. Но это можно будет сделать лишь на следующий день.

Проведя бессонную ночь, я на следующий день в полдень был на борту «Боксера», но для того лишь, чтобы выслушать заявление телеграфиста, что он не может удовлетворительным образом передать мою телеграмму и что лучше мне попытаться опять обратиться к его коллеге в Коцебу. Прошло после того еще 2 дня, длиннейшие дни за всю мою экспедицию, пока телеграфисту удалось наладить связь с Номом. Но ответ из Копенгагена я получил в тот же вечер!

Дома все было благополучно, и товарищи мои вернулись, выполнив все задания!

СОВРЕМЕННЫЕ ЭСКИМОСЫ

Коцебу — «Кекертарсук» — самый большой город из всех, в которых нам пришлось побывать. Тут есть церкви, миссионеры, школы, почта, уже упомянутая телеграфная станция и человек пять-шесть купцов, владельцев больших лавок, сильно напоминавших ларьки деревенских торговцев на севере Норвегии во время лова сельдей. Кроме этих постоянных жителей, здесь можно встретить пеструю толпу золотоискателей, или только что явившихся из глубины страны или собирающихся туда; среди них — англичане, немцы, поляки, греки, японцы и китайцы — странные существа, у которых от слова до дела недалеко. В первый же вечер я присутствовал при небольшой потасовке, кончившейся тем, что оба драчуна покатались в море, и это сразу дало мне почувствовать, что я неподалеку от Аляски Джека Лондона.

Но больше всего меня заинтересовало одно обстоятельство: мы приехали в самый разгар лова лососей; около 1000 эскимосов со всех концов залива Коцебу, с побережий и из глубины страны живут тут в своих палатках и ловят рыбу. Значит, я могу встретить здесь людей совсем иного типа, нежели те, с которыми я привык общаться до сих пор; могу познакомиться не только со знаменитыми охотниками на оленей, явившимися сюда с рек Ноатак, Селавик и Бакленд, но и с эскимосскими судовладельцами, чьи шхуны возят товары на торго-

вые пункты и заходят в разные гавани. Однако как ни манили меня все эти новые перспективы, все-таки я, недолго раздумывая, решил сам прокатиться по новым местам.

Среди купеческих барачков приютился один предприниматель, молодой эскимос Петер Шелдон. Он имел небольшую быстроходную бензиномоторную лодку для увеселительных прогулок, с просторной, остекленной каютой, где можно было преугодно расположиться и наслаждаться мелькающими мимо

видами. Я и сговорился с этим человеком, чтобы он прокатил меня по реке Кобук. В качестве гида и рассказчика я прихватил с собой Насука, старика, которого дух Сиэтла еще не успел обработать и опошлить.

Мы плывем целый день. Наконец, на реку спускаются сумерки, лес становится все гуще и гуще, деревья все выше и выше. Река извивается, делает излучины, и луна, высоко стоящая в небе, светит то впереди нас, то позади; нам как будто хотят показать все, заставить нас полюбоваться всеми красотою, мимо которых мы плывем. И мы действительно переживаем что-то чудесное: золотой лунный свет переходит в красноватый солнечный, и тонкие нежные краски играют на облаках горизонта. Вокруг глубокий мрак, все спят, когда мы, наконец, подходим к Нурвику.

Да, недаром мы заехали в Нурвик. Тут мне удалось пережить нечто такое, чего не могли бы дать нам другие места, населенные эскимосами. Отдел народного просвещения попытался устроить здесь образцовый поселок эскимосов, которых собрали из многочисленных стойбищ побережья и материка. Триста человек получили здесь жилища и находятся, так сказать, под неусыпным надзором инспектора, трех педагогов, одного врача и двух санитарок, которые все относятся чрезвычайно серьезно и добросовестно к общественным задачам, поставленным им для разрешения. Врач и педагоги штатные, государственные служащие, а миссионер, как и все представители религиозного культа в Америке, лицо частное.

Город построен совершенно по-современному. Прекрасный госпиталь с операционной палатой; все оборудовано по последнему слову науки и техники, 40 кроватей распределены в двух этажах. Медицинская помощь и лекарства для всех бесплатны, но с имеющих средства взимается по 75 центов в день за содержание в больнице.

Эскимосы живут в нарядных деревянных домиках; проведено электричество; за него выплачивают по одному доллару в месяц с каждого домика; на эти деньги содержат машиниста, заведующего станцией. Эскимосы сами оплачивают генератор; остальные расходы принял на себя муниципалитет. Город находится в лесном районе, поэтому государство поставило здесь лесопилку, и эскимосы могут разделять на ней свой лес, уплачивая за работу натурой: у них берут $\frac{1}{6}$ часть сдаваемых ими в распиловку бревен. Жена врача, она же санитарка, следит за порядком и чистотой в домах; наиболее старательную хозяйку премируют. В минувшем году премией был американский флаг.

Всю зиму следила санитарка за порядком, ежедневно навещаясь в самые различные часы дня в разные семьи, но всегда и у всех все оказывалось так хорошо и чисто вымытым и прибранным, что ни одной белой женщине не сделать лучше. С окончанием года на очередь встала трудная проблема: кому же вручить флаг, раз по всей справедливости его одинаково заслужили все? Санитарка вышла из затруднения, чисто посоломоновски решив, что флаг должна получить самая многодетная женщина, которая, несмотря на обремененность семьей, все-таки содержала свой дом так же чисто и красиво, как другие.

В проливной дождь с нависшими над лесом страшными штормовыми тучами проводим мы еще лишний день там, наслаждаясь оказанным нам гостеприимством; особенно бессовестно объедаемся мы чудесной голубицей, которой угощают нас в каждой семье, куда мы только заходим!

Поздним вечером 18 августа возвращаемся мы в Коцебу, а через два дня приходит из Ном почтовая шхуна «Silver

Wale» с капитаном-норвежцем Йоном Хегнессом.

На этой шхуне мы после бурного перехода и прибываем благополучно в Ном утром 31 августа.

НОМ

Ном расположен в травянисто-зеленой сырой тундре с красивыми, покрытыми сочной растительностью горами на заднем плане и производит импонирующее впечатление на всех прибывающих из белой пустыни. Оба моих гренландских товарища вытаращили глаза и прониклись новым уважением к способностям белого человека основать большие стойбища так далеко от своей собственной страны.

Тридцать лет назад здесь обитало всего несколько эскимосов, сумевших развить в себе достаточную смелость и предприимчивость мореходов. Они промышляли то небольшое количество морского зверя, которое было им необходимо для поддержания существования. Суда, пришедшие с грузами в

северо-западную Аляску, далеко обходили негостеприимный берег, спеша дальше, в места более населенные, с большими торговыми перспективами. Но вот в 1900 году здесь нашли золото, и тогда, как по волшебству, вырос на морском берегу город достаточно большой, чтобы вместить 10 000 жителей. Бесспорно, по стилю домов и по строительному материалу, по бесплановости жилых построек, кое-как разбросанных по берегу реки и по тундре, видно, что все это дело рук людей, которым так некогда, что им и в голову не пришло вспомнить о красоте или о комфорте жилищ.

По слухам, около Номы золото топчут ногами; поэтому удача, выпавшая на долю, в сущности, очень немногих и сделавшая их богачами, привлекла сюда бесчисленные массы народа. Но понадобился каторжный труд тысяч золотоискателей, чтобы один этот округ дал за последние 20 лет золота на сумму больше 80 миллионов долларов.

Сезон навигации в Номе совсем короткий: в первой половине июня море очищается от льда и начинается судоходство, а уже в конце октября или в самом начале ноября отходит на юг последнее судно. Летом здесь около 2000 жителей, а зимой едва 900. Преобладающее большинство — белые. Постоянно живущих эскимосов вряд ли наберется больше сотни. Город играет значительную роль как столица всей северо-западной Аляски. Здесь снаряжаются многочисленные торговые экспедиции, и весь этот поток людей, пропускаемых городом за короткое лето, дает возможность существовать имеющимся здесь крупным и малым торговым предприятиям.

Сразу по прибытии мы были сердечно приняты членом династии Ломен, одной из старейших и наиболее влиятельных семей в этом городе, где столько разных наций соперничают между собой, стремясь играть руководящую роль.

Я попал в Ном в удачное время, когда здесь как раз начался большой съезд эскимосов из всевозможных частей Аляски. Собралось все население острова Кинг, так называемые укиувангмиут; жители полуострова Сьюард — кавьясамиут; кингингмиут с мыса Принца Уэльского; унгалардлермиут из залива Нортон и с устья Юкона; сиорармиут с острова Св. Лаврентия и, наконец, люди с дальнего острова Нунивак. Всех их привлек сюда сезон туристов. Большинство приплыло в своих старинных, но практичных кожаных лодках, другие на небольших шхунах. Некоторые поселились в деревянных хижинах на окраине города, в так называемых «кабинках», сколоченных давно уже пропавшими без вести золотоискателями и теперь сдававшихся внаймы заезжим гостям. Но преобладающее большинство жило в своих палаточных стойбищах, где кипела с утра до вечера трудовая жизнь. Там фабриковались «редкости» для туристов: всевозможные забавные точеные и резные безделушки из моржовой кости. Это кустарное

производство приносит эскимосам в летние месяцы до 300—400 долларов на семью, так что людям есть с чем вернуться к себе домой на зимовку; можно запастись всеми необходимыми вещами, которых им не хватало. Улицы были полны эскимосов, сновавших по городу по своим делам: они почти никогда не продают товаров с рук на улице, а сдают в особые магазины, с которыми ведут дела. Действительно пестрый город!

Мы дышали полной грудью, наслаждаясь первыми днями пребывания в городе. После обеда ходили в кинотеатр, бывший совершенной новостью для моих эскимосских товарищей, настоящим откровением, а вечером брали автомобиль и ехали на окраину города, где эскимосы устраивали большие праздники певцов, чтобы отметить таким образом радостное свидание с друзьями и знакомыми из дальних стойбищ.

Я быстро сообразил, что могу позволить себе роскошь провести в такой обстановке с месяц, даже если и необходимо еще побывать на мысе Восточном (Дежнева). Судно, на котором мы должны были отплыть в Сиэтл, отходило только в конце октября. Стало быть, я мог с огромными удобствами изучать различные типы аляскинских эскимосов, не теряя времени на разъезды.

ЖИТЕЛИ СКАЛ НА ОСТРОВЕ КИНГ

Один человек из окрестностей Игдло плыл в своем каяке вниз по течению реки; у большого разлива Торсук — «Вход в дом», близ Теллера, увидел он великана-головача. Погнался за птицей и пронзил ее стрелой. Птица так сильно встрепенулась, что вода из реки плеснула на берега и образовался большой разлив Имарссук. Раненый головач плыл дальше, гребец в каяке все гнался за ним и еще раз пронзил его. На этот раз птица затрепыхалась так неистово, что выплеснутая из берегов вода образовала морскую бухту Порт-Кларенс. Великан-головач выплыл в открытое море и там был убит. Гребец проткнул ему глотку, взял его на буксир и потянул за собой, повернув к берегу. Но поднялся шторм, и пришлось оставить добычу в море. Там головач обратился в камень, скалистый островок, названный потом Укиуваком. На одном конце острова нашли дыру в скале, будто ножом проткнутую. Это где гребец проткнул головача, когда пытался отбуксировать птицу-великана к берегу.

В стране Кавьясамиут, около Теллера, жило много народу. И случилось в одном стойбище, что одну девушку сильно разбранила мать. А девушка так приняла это к сердцу, что сбежала. Было это осенью в такое время, когда разливы затягиваются первым ледком и по реке начинают плыть к морю небольшие круглые льдины. Девушка прыгнула на такую льдину, ветер дул с берега, и она уплыла в открытое море и при-

стала к скалистому острову. До нее ничья человеческая нога не ступала на этот островок, и она там колдовством вызвала жизнь. Потом туда стали переселяться многие люди с материка, и выросло большое стойбище. Но скала была крутая, никаких долин, где бы построить дома; поэтому их ставили прямо на крутых скатах скалы, подпирая столбами. Холодно здесь было, ветрено, поэтому дома строили в три слоя: в самой середке сколачивали дом весь из дерева — из крупных досок плавучего леса; обкладывали его снаружи толстым слоем сена и потом обшивали толстыми моржовыми шкурами.

Так возник остров Кинг, и так он заселился.

Посещение этого островка было для меня настоящим переживанием. Это самый негостеприимный остров из всех мной виденных: всего 3—4 км в длину и 2—3 км в ширину, крутые склоны со всех сторон; в тихую погоду он чаще всего окутан туманом, в ясную же весь во власти ветров, и пристать к нему очень трудно из-за сильного прибоя — мощные каменные гряды обрываются прямо в море, которое кипит и брызжет пеной у самой подошвы стойбища.

Остров бывает отрезан от материка на долгие зимние месяцы; попытаться проехать куда-нибудь в гости по зимнему льду — того гляди попадешь в дрейфующие льды. Когда я посетил остров, все население его было в отъезде, в Номе, и нас встретили только крупные собаки, которые были сами хозяевами весь последний месяц. Мы с большим трудом пристали к острову на своей небольшой ёле, но потрудиться стоило! Мы словно на птичью скалу поднялись. Дома на столбах висели прямо над бездной, а в некоторых местах, где напор ветра был особенно силен, строения были привязаны к скале ремнями, сплетенными из полос моржовых шкур. И от берега протянуты были ремни, с помощью которых можно было подтянуться по крутизне вверх, не рискуя слететь вниз.

Суровая природа и все условия жизни обитателей острова Кинг среди Берингова пролива наложили глубокую печать на этих людей. Они закалены, выносливы, трудолюбивы и бережливы; отличаются стойким духом и упрямым характером; очень самостоятельны и, хотя ревностные католики, во многом — в смысле нравов и обычаев — крепко держатся традиций языческой старины. Говорю не о суевериях, но о праздниках, песнях и сказаниях. Живя так изолированно, истомленные однообразием зимней жизни на своем маленьком острове, они, естественно, ищут развлечения. Летом бывает, что несколько стойбищ устраивают сообща большие певческие праздники, как в старину, и на этих праздниках жители острова Кинг стяжали себе славу первых плясунов. В их собственном стойбище выстроено «два праздничных дома»; постройки производят впечатление очень старинных. Крытый вход с сенями и стены поросли травой, такой сочной и пышной,

что под ней почти не видно очертаний скалистого обрыва, к которому дома прилепились, словно фантастические птичьи гнезда. Я вскарабкался туда и пролез узкий проход шестиметровой длины, сложенный из крупных камней, связанных торфом. Сквозь круглую дыру в конце прохода я попал в самое помещение — парадную залу, сколоченную из массивных досок. Поистине дом этот был покрыт патиной истории! С десятков тамбуринов развешано было на стенах между уродливыми и комическими масками плясунов. На их разинутые, гримасничающие рты и на глазные дыры сразу падает взгляд входящего, едва он просунет голову в отверстие; нельзя не вздрогнуть при этом. Мертвая тишина, царящая в этом храме праздничного шума, смеха и песен, невольно вызывает представление о жилище духов. Во всяком случае, дух старины еще живет здесь. К сожалению, на этот раз я должен был удовольствоваться своими встречами с хозяевами этого дома в кинематографах Номы, где они с изумлением взирали на безличную манеру белых устраивать себе праздник.

На этом кончается описание аляскинских эскимосов. Число их несколько выше числа гренландских — около 14 000 душ. Общее же число эскимосов распределяется приблизительно так: гренландских эскимосов около 13 000, канадских около 5000, сибирских около 1200, итого, стало быть, всего около 34 000, включая аляскинских.

Южной границей расселения эскимосов является теперь восточное побережье залива Бристоль и остров Кодьяк в Тихом океане, но раньше они доходили до самого пролива Принца Уэльского и его юго-восточных берегов. Здесь обитали также самые северные ветви северо-западных индейцев — племя тлингит, и эскимосы сталкивались здесь с более высокой культурой, но выращенной такими же зверобойными промыслами, какие были у них самих.

ПРОЩАНИЕ

Однажды утром в конце октября 1924 года я в последний раз проснулся в деревянном домике на окраине Номы, где прожил месяц с лишком. Около полудня я должен был сесть на большой туристский пароход, отбывающий в Сиэтл.

Судьба захотела, чтобы меня в то самое утро посетил заклинатель духов, один из немногих, еще уцелевших в этих краях. И так как он пришел ко мне последним, я нахожу естественным им и закончить мою книгу.

Звали его Наягнек; встретил я его в первый раз в Номе; он бродил по улицам как бездомный беглец, возбуждая всеобщее внимание. И не без оснований: старый заклинатель словно с другой планеты свалился в этот мир городских ше-

голей, нарядных магазинов и хрюкающих автомобилей. Наружность у него была ужасающая: маленькие пронзительные глазки дико блуждали кругом, нижняя челюсть хлябала под неплотно наложенной повязкой: какой-то человек, желая убить его, обезобразил ему лицо.

Про него рассказывали диковинные истории. Он устроил из своего жилья настоящую крепость и один воевал со всем своим племенем и со всеми белыми тоже. Он уже убил нескольких людей, и его, как человека, опасного для окружающих, один капитан привез в Ном, заманив на корабль хитростью. Здесь его продержали целый год в заключении и как раз недавно выпустили — за недостатком улики. Мне удалось завязать с ним знакомство сразу по его освобождению, и он не уставал рассказывать о своем заключении. Его фантазия получила новую пищу в большом городе. Он, знавший до сих пор лишь землянки, сани и каяки, не был подавлен большими домами, пароходами и автомобилями, но вот белая лошадь, тащившая тяжелую телегу, взбудоражила его душу. Он стал рассказывать своим изумленным землякам, что белые люди в Номе убивали его 10 раз за эту зиму; но у него было 10 белых лошадей, его духов-пособников, и он жертвовал их одну за другой, тем и спасся. Одинокое заключение не сломило его. Великий охотник научился говорить с мраком, победил одиночество и ко времени своего освобождения привык обходиться без вольного воздуха, без речей и людей.

Человек, обладавший силой десяти лошадей, был среднего роста старик, с огнем в глазах и с необыкновенно властным голосом и тоном, покорявшим людей. Ко мне он возымел какое-то своеобразное доброе расположение и наедине со мной не боялся сознаться, что немножко морочит своих земляков. Он был не шарлатаном, но одиноким человеком, который привык противостоять массе, а потому должен был прибегать к небольшим трюкам. Но стоило навести его на воспоминания о старых его видениях, о преданиях отцов, как речь его звучала непоколебимой глубокой убежденностью, ответы становились краткими и ясными. Наша беседа сложилась примерно так:

— Из чего состоит человек?

— Из тела, как видишь, из имени, которое ты унаследовал от умершего, и еще из чего-то, из непостижимой силы, которую мы зовем «ютир» — душа, которая дает всему жизнь, форму, внешность.

— Как, по-твоему, живут люди?

— Они расщеплены, потому что смешивают все в одну кучу, слабы, потому что не умеют отдаваться чему-нибудь одному зараз. Великий охотник не должен быть одновременно великим женолюбцем. Но никто не в силах перестать это делать. Люди подкрепляют себя амулетами и становятся одино-

кими, не став взрослыми. В стойбище должно быть как можно больше разных амулетов. Однородность расщепляет силы, равенство обесценивает.

— Веришь ли ты сам в какую-нибудь из тех сил, о которых говоришь?

— Да, в силу, которую мы называем «Сила» и которую нельзя объяснить простыми словами. Это великий дух, создавший мир, погоду, всю жизнь земную, столь могущественный, что речь его к людям звучит не в простых словах, но в буре, снегопаде, дожде, бушевании моря, во всех явлениях, которых человек страшится, а также в солнечном свете, сверкании моря, лепете и играх малых, невинных, ничего не знающих детей. В хорошие времена Сила, не имея ничего сказать людям, исчезает в своем бесконечном ничто и пребывает там, пока люди не злоупотребляют жизнью, но чтят хлеб свой насущный. Никто не видел Силы; местопребывание ее — загадка; она в одно и то же время с нами и бесконечно далека от нас.

*

Пусть это внушительное исповедание будет заключительным словом моей книги, в которой я попытался отобразить эскимосский дух и фантазию. Через некоторое время религия их станет сагой: белый человек, нивелируя все, подчинит себе все страны, людей, их мысли, фантазию, веру. Я чувствую себя счастливым, что мне выпало на долю посетить стойбище за стойбищем в такое время, когда души эскимосов еще сохраняли свою великую первобытность. Поэтому мы и пережили чудесное ощущение, связанное с познанием той истины, что мы на всем огромном протяжении от Гренландии до Тихого океана нашли единый народ с единым языком.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Датской молодежи	13
Вступление	17
Гудзонов залив и Баррен-Граундс. Первая встреча с людьми	26
Такорнаок — «Нелюдимка»	33
Заклинатель духов Ауа	38
Пустынные равнины	48
Оленные эскимосы	58
Искатели правды	65
Языческое благословение	68
Обратно к морю	70
Интермеццо	74
Когда Ауа стал избранником духов	76
«Мы боимся»	81
«Я была так счастлива»	83
Перед выступлением	89
Вдоль северного побережья Америки. К Северо-западному	
проходу	93
Охота за амулетами у магнитного полюса	101
У собак каникулы	109
Стойбище блаженных	111
Свидание	117
Великое чудо	120
Закаленное племя	122
Зимняя охота на тюленей	124
Эскимосский катехизис	127
Последняя почестъ	132
Племя охотников на мускусных быков	135
Праздник певцов	140
Укрощение «бурного малютки»	151
Под властью доллара	157
На севере Аляски	159
Китовый праздник	164
Стойбище старого вождя	167
Современные эскимосы	170
Ном	174
Жители скал на острове Кинг	176
Прощание	179

Кнуд Расмуссен

ВЕЛИКИЙ САННЫЙ ПУТЬ

Редактор *С. Н. Кумкес*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Н. И. Ногина*
Корректор *О. П. Горшкова*

Т-08370. Сдано в производство 16/IV 1958 г.
Подписано в печать 29/VIII 1958 г.
Формат 60×92¹/₁₆. Физических листов 11,5. Печатных листов 11,5.
Издательских листов 10,67. Тираж 90 000. Цена 3 р. 20 к.
Заказ № 3569

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15. Географгиз.

Типография «Красный пролетарий»
Госполитиздата Министерства культуры СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Серия

«Путешествия. Приключения. Фантастика»

Вышли в свет:

- А. Бомбар. За бортом по своей воле, 1958, цена 3 р. 55 к.
Ж. Верн. Необыкновенные приключения экспедиции Барсака, 1958, цена 3 р. 15 к.
Ю. Давыдов. Южный Крест, 1957, цена 1 р. 35 к.
Г. Даррелл. Перегруженный ковчег, 1958, цена 3 р. 15 к.
И. Забелин. Встречи, которых не было, 1958, цена 3 р. 15 к.
С. Иванов. Без дорог, 1958, цена 2 р. 75 к.
А. Конан-Дойль. Маракотова бездна, 1958, цена 1 р. 35 к.
Д. Конрад. Зеркало морей, 1958, цена 2 р. 65 к.
Д. Корбетт. Кумаонские людоеды, 1957, цена 3 р. 20 к.
Д. и Б. Крайл. За подводными сокровищами, 1958, цена 3 р. 40 к.
Э. Лендж. В джунглях Амазонки, 1958, цена 1 р. 40 к.
Д. Лондон. Путешествие на «Снарке», 1958, цена 3 р. 25 к.
К. Майтингер. Охота за головами на Соломоновых островах, 1957, цена 5 р. 90 к.
Г. Мелвилл. Тайпи, 1958, цена 2 р.
М. Пашек. Ловцы жемчуга, 1957, цена 2 р. 15 к.
Ф. Проспери. На Лунных островах, 1957, цена 3 р. 75 к.
В. Ровинский. Мятельный корабль, 1957, цена 2 р. 80 к.
Н. Тихонов. Вамбери, 1957, цена 60 к.
Э. Сетон-Томпсон. Рольф в лесах, 1958, цена 2 р. 90 к.
А. Фидлер. Тайна Рио-де-Оро, 1958, 2 р. 45 к.
Д. Шульц. Ловец орлов, 1958, цена 1 р. 60 к.
Д. Шульц. Сын племени навахов, 1958, цена 1 р. 65 к.

Готовятся к печати:

- Э. Гленвилл. Нгоньяма желтогровый.
Р. Иззард. По следам снежного человека.
Л. Жаколио. Берег черного дерева и слоновой кости.
А. Казанцев. Гость из Космоса.
Ч. Майер. Как я ловил диких зверей.
К. Монро. Перо фламинго.
Г. Тазиев. Кратеры в огне.
А. Фрич. Приключения охотника в Гран-Чако.
М. Эрцог. Аннапурна.

3 р. 20 к.

ГЕОГРАФИЗ-1958